

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

Архипова Екатерина Юрьевна

**НЕЮРИСДИКЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС
КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Научный руководитель:

доктор юридических наук,
доцент С.А. Белоусов

Саратов – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. НАУЧНО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА	17
1.1. Факторы детерминации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации	17
1.2. Мировоззренческие основания анализа неюрисдикционного процесса.....	40
1.3. Понятие неюрисдикционного процесса.....	58
1.4. Функции неюрисдикционного процесса	89
Глава II. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА	104
2.1. Нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса.....	104
2.2. Режим осуществления неюрисдикционного процесса.....	123
2.3. Неюрисдикционный процесс в механизме обеспечения прав и законных интересов субъектов права.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	164

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема защиты и обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов права не теряет своей актуальности в современном обществе. Развитие правовой системы Российской Федерации сопровождается сложными и неоднозначными процессами. Отмеченные обстоятельства служат основанием внедрения в неё более эффективных универсальных конструкций, которые создают условия для образования в отечественном правоведении новых процессуальных форм.

Приведенные тенденции проявляются, например, в закреплении и развитии неюрисдикционного процесса в юридической науке и практике. Источниками его внедрения являются глобализация социально-экономических отношений и действие института внешней юрисдикции. Наглядным примером его использования служит процесс урегулирования конфликта между Международным олимпийским комитетом и Российской Федерацией по поводу допуска к участию отечественной сборной в Олимпийских играх 2016 г. В ходе данного разбирательства были активно использованы как юрисдикционные, так и неюрисдикционные формы достижения желаемого результата.

Подобных фактов в юридической практике много. Они свидетельствуют о возрождении интереса к использованию неюрисдикционных форм как на внешнем, так и на внутригосударственном уровне. Отмеченная тенденция во взаимоотношениях субъектов социально-экономических связей способствует оперативному урегулированию юридических казусов, снижению потерь и рисков, преодолению волокиты и формализма. Неюрисдикционный процесс отвечает указанным требованиям, так как направлен на защиту и обеспечение прав и законных интересов путем исключения и преодоления бюрократических издержек.

Внедрение неюрисдикционного процесса в российскую юридическую практику выступает важнейшим фактором в механизме обеспечения прав и законных интересов субъектов правоотношений. Указанное обстоятельство свидетельствует о динамичности, восприимчивости и устойчивости правовой системы страны. Поэтому изучение поставленной проблемы является одним из ведущих направлений в юридической науке.

Несмотря на активное применение неюрисдикционного процесса и преимущества его использования в международном праве, в отечественной юридической практике он не получил должного теоретико-эмпирического оформления. Такое положение служит основанием для комплексного научного осмысления данной категории как самостоятельной. Изложенные аспекты обуславливают актуальность темы настоящего исследования, значимость которой заметно возросла после вступления России во Всемирную торговую организацию.

Степень научной разработанности темы. Неюрисдикционный процесс представляет собой важнейший элемент правовой системы Российской Федерации. При этом степень его изученности не соответствует положению и роли, которую он играет в современном российском механизме обеспечения прав и законных интересов субъектов правоотношений. Следует отметить, что в рамках как общетеоретических, так и отраслевых наук, существует большое количество работ, в которых рассматриваются неюрисдикционные процедуры и способы. При этом комплексных исследований природы самого неюрисдикционного процесса не проводилось. Отдельные попытки теоретико-правового осмысления данного процесса были предприняты еще в советское время. К ним принадлежат научные работы В.М. Горшенева и П.Е. Недбайло, которые изучали указанный процесс за рамками спора о праве. В современный период развития юридической науки большое внимание этой теме уделила А.А. Павлушина. Она расширила границы указанной проблематики и

включила неюрисдикционный процесс в число самостоятельных процессуальных категорий, рассматривая его как позитивный правоприменительный процесс, осуществляемый органами государственной власти.

Однако до настоящего времени вне поля зрения правоведов, трактующих неюрисдикционный процесс либо как позитивный правоприменительный процесс, либо как альтернативную государственным форму урегулирования конфликтов, остались такие важнейшие вопросы, как его понятие, признаки, структура, режимы осуществления, которые и составят предмет исследования настоящей диссертационной работы. Поэтому при формулировании собственных выводов соискатель опирался на труды и исследования правоведов, разрабатывающих следующие проблемы:

юридический процесс: С.С. Алексеева, В.Н. Баландина, В.М. Горшенева, Е.Г. Лукьяновой, А.А. Мельникова, П.Е. Недбайло, А.А. Павлушиной, И.В. Пановой, Н.Н. Полянского, В.Н. Протасова, В.А. Рязановского, В.М. Савицкого, Ю.Н. Старилова, М.С. Строговича, Н.А. Чечиной и др.;

формы защиты прав и законных интересов: В.В. Бойцовой, В.В. Болгова, Н.В. Витрука, В.П. Воложанина, В.П. Грибанова, П.Ф. Елисейкина, И.Я.Дюрягина, О.С. Иоффе, В.В. Комаровой, Ю.К. Осипова, М.С. Строговича, А.В. Тарасовой, Б.Ю. Тихонова, Д.М. Чечота, Т.Б. Шубиной и др.;

альтернативные формы урегулирования конфликтов и неюрисдикционные процедуры: Т.Е. Абовой, В.С. Анохина, А.А. Брыжинского, Е.А. Виноградовой, Д.Л. Давыденко, И.М. Зайцева, И.Ю. Захарьящевой, Ю.Н. Новгородовой, Е.И. Носыревой, А.Г. Плешанова, М.А. Рожковой, Е.А. Рубенштейна, Е.А. Сухановой, О.С. Черниковой, В.В. Яркова и др.

Анализ юридической литературы показал, что комплексного исследования общетеоретического характера, посвященного неюрисдикционному процессу как инструменту механизма обеспечения прав и законных интересов субъектов правоотношений, не проводилось. Поэтому считаем, что вопрос о понятии, признаках, структуре, режимах осуществления, факторах детерминации в правовой системе страны и нормативных основаниях легализации требует более детальной с учетом современных реалий общетеоретической разработки.

Теоретическую базу исследования составили положения, идеи, выводы и концепции, сформулированные отечественными и зарубежными авторами, представителями общей теории государства и права: М.И. Байтиным, В.Н. Баландиным, В.М. Барановым, Ж.-Л. Бержелем, А.Т. Боннером, А.М. Васильевым, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, В.М. Горшеневым, Ю.И. Гревцовым, Р.Е. Гукасяном, М.Л. Давыдовой, П.С. Дружковым, Ю.Г. Запрудским, В.Д. Зорькиным, Р. Иерингом, М.В. Ильиным, Ж. Карбонье, В.Н. Карташовым, В.Г. Крупиным, В.В. Лазаревым, Д. Ллойдом, Е.А. Лукашевой, Е.Г. Лукьяновой, А.В. Малько, Н.И. Матузовым, А.С. Мордовцом, П.Е. Недбайло, В.А. Новицким, М.Ю. Осиповым, А.А. Павлушиной, И.М. Погребным, С.В. Полениной, В.Н. Протасовым, Г. Радбрухом, В.А. Рязановским, О.Е. Солдатовой, В.М. Сырыхом, Ю.А. Тихомировым, Л. Фридмэном, Ф. Хайеком, Ф.Э. Шереги, К.В. Шундиковым, Л.С. Явичем и др.

Среди представителей отраслевых юридических наук можно отметить следующих исследователей, в той или иной степени затрагивающих указанную проблематику: Т.Е. Абову, О.Г. Аболонина, А.С. Автономова, В.Н. Анурова, С.В. Боботова, Е.А. Виноградову, И.А. Галагана, А.В. Глухову, В.П. Грибанова, Д.Л. Давыденко, А.А. Демина, В.В. Денисенко, М.А. Дубровину, П.Ф. Елисейкина, А.Н. Жильцова, И.Ю. Жигачева, А.И. Зайцева, И.Н. Зайцева,

И.Ю. Захарьящеву, В.Н. Иванова, В.М. Корнукова, Н.В. Кузнецова, М.Н. Кузьмину, С.А. Курочкина, А.М. Ларина, М.Ю. Лебедева, Ж.Н. Машутина, А.А. Мельникова, Г.М. Миньковского, С.Н. Миронову, Е.Я. Мотовиловкера, Э.М. Мурадян, В.В. Новицкого, Е.И. Носыреву, Г.Л. Осокину, И.В. Панову, Н.И. Прокошкину, Т.М. Пряхину, Б.И. Пугинского, М.А. Рожкову, Л.М. Романенко, К.Д. Ростанашвили, Т.А. Савельеву, В.М. Савицкого, В.Д. Сорокина, Ю.Н. Старилова, М.С. Строговича, С.К. Стрункова, В.И. Тертышникова, И.Я. Фойницкого, Т.В. Худойкину, В.Е. Чиркина, А.П. Шергина, П. Штепана, К.С. Юдельсона, И.А. Ясеновеца и др.

Анализ трудов указанных авторов показал, что в настоящее время тема неюрисдикционного процесса остается малоизученной.

Нормативная и эмпирическая основы работы. Выводы и рекомендации настоящего диссертационного исследования основаны на нормах Конституции Российской Федерации, положениях международных нормативных правовых актов и договоров, федеральных конституционных и текущих законов, подзаконных нормативных правовых актов, официальных статистических данных, судебной и иной правоприменительной практики, а также сведениях из средств массовой информации.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, где неюрисдикционный процесс используется как инструмент обеспечения прав и законных интересов субъектов права.

Предмет диссертационной работы составили вопросы понятия, признаков, структуры, функций, режима неюрисдикционного процесса и определения его потенциала в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений.

Цели и задачи диссертационного исследования. *Цель* настоящей работы состоит в проведении общетеоретического комплексного

исследования природы неюрисдикционного процесса. Для ее достижения необходимо решить следующие *задачи*:

1. Изучить материальные и формальные источники детерминации неюрисдикционного процесса и на этом основании установить пути его легализации (нормативные основания) в правовой системе Российской Федерации.
2. Раскрыть мировоззренческие основания исследования неюрисдикционного процесса и дать его определение.
3. Сравнить понятия «процессуальная форма», «юридическая процедура» и «юридический процесс» для формирования теоретической основы проводимого исследования.
4. Установить признаки неюрисдикционного процесса, его структуру и дефиницию.
5. Обозначить режимы осуществления неюрисдикционного процесса.
6. Определить место и роль неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений.

Методологической основой исследования послужили общенаучные и специальные методы исследования неюрисдикционного процесса.

К наиболее характерным методам изучения указанного феномена, позволяющим выявить сущностные черты юридической природы неюрисдикционного процесса, автор относит: структурный функционализм, синергетический подход. Такая конвергенция способствует более полному изложению проблемы неюрисдикционного процесса.

В диссертации применялись также диалектический, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Они позволили выявить особенности эволюции неюрисдикционного процесса и его понятийных форм выражения, реальные потребности совершенствования и

развития правовой политики Российской Федерации по легализации нетрадиционных способов осуществления юридически значимой деятельности в структуре неюрисдикционного процесса.

Научная новизна выражается в том, что диссертационное исследование представляет собой одно из первых общетеоретических комплексных исследований неюрисдикционного процесса как инструмента механизма обеспечения прав и законных интересов.

Анализ, обобщение юридической литературы и положений действующего законодательства дали возможность сформулировать авторское определение неюрисдикционного процесса, выявить факторы его детерминации в правовой системе Российской Федерации, цели, задачи и функции.

В диссертации представлена позиция по вопросу соотношения процессуальной формы, юридического процесса и юридической процедуры. Раскрывается авторское видение дефиниции юридического процесса и его типов, затрагиваются вопросы понимания категории юрисдикции, ее основных признаков.

Особое внимание уделено структуре неюрисдикционного процесса, ее значению и роли в определении природы изучаемого феномена. Рассмотрены мировоззренческие основания анализа неюрисдикционного процесса, установлены особенности режима его осуществления, проанализирована проблема места и роли неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений.

На защиту выносятся следующие основные положения, содержащие элементы новизны:

1. Сформулировано определение неюрисдикционного процесса: обусловленная закономерностями развития окружающей действительности и основанная на требованиях законности самоорганизуемая правомерная

поведенческая модель субъектов права, юридически значимая деятельность которых направлена на защиту, обеспечение прав и законных интересов путем достижения компромисса или соглашения. Признаками неюрисдикционного процесса выступают следующие: является инструментом механизма защиты и обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина; самоорганизованность и саморегулируемость деятельности; наличие не менее двух субъектов; свобода волеизъявления сторон по выбору неюрисдикционного процесса; осуществление рассматриваемого процесса в границах принципа законности; длящийся характер и стадийность неюрисдикционной деятельности; невозможность посягательства на интересы третьих лиц; негосударственный характер юридически значимой деятельности договаривающихся сторон в границах неюрисдикционного процесса.

2. Выделяются факторы детерминации неюрисдикционного процесса, которые способствуют его внедрению в правовую систему Российской Федерации. Среди них следует различать предпосылки и причины. К предпосылкам внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему России предлагается относить: глобализацию и регионализацию социально-экономических связей; историко-правовой опыт мировой и отечественной научной мысли и практики; тенденции расширения нетрадиционных методов осуществления юридической практики; наличие ратифицированных Российской Федерацией международных договоров и конвенций, в соответствии с которыми Российское государство берет на себя обязательства по использованию институтов внешней юрисдикции; осуществление государственной и общественной поддержки в продвижении консенсуальных форм разрешения конфликтов; активное применение неюрисдикционных форм урегулирования юридических казусов посредством интернет-ресурсов.

Среди причин внедрения неюрисдикционного процесса выделяются следующие: имеющиеся недостатки при урегулировании конфликтов в рамках юрисдикционных процессов; трансформация субъектного состава в сфере финансово-хозяйственных отношений; количественный и качественный рост юридической практики по внедрению универсальных конструкций и, как следствие, развитие эмерджентных процессуальных форм; принятие Российской Федерацией на себя обязательств по соблюдению международных норм, правил, принципов и по легализации правового понятийного аппарата в связи со вступлением во Всемирную торговую организацию.

3. Выдвигается идея о том, что проблема соотношения процессуальных форм, процессуальных процедур и процесса имеет теоретико-эмпирическое значение для уточнения природы неюрисдикционного процесса. На основании разрешения обозначенной проблемы делается вывод о том, что диалектические трансформации отражают степень сложности зависимостей между формой и содержанием сравниваемых явлений. В этой связи в качестве интегральной конструкции предлагается рассматривать процессуальную форму, которая, исходя из её логико-семантической и функциональной природы, сосредоточивает в себе процедуру и процесс. Она же служит способом внешнего выражения последних, которые, в свою очередь, представляются в виде компонентов содержания самой формы. В приведенном суждении процессуальной формой неюрисдикционного процесса выступают субъектно-объектные зависимости, выраженные в отношениях участников этого процесса по согласованию своих законных интересов, целью которых является достижение компромисса. Они опосредуют единство процедуры и деятельности. В этом случае неюрисдикционный процесс обладает как формальными, так и содержательными характеристиками, которые реализуются посредством юридически значимой деятельности. Процедура,

представляющая собой правило поведения, выступает формальным элементом содержания, а деятельность – материальным. Основанием данного вывода является единство функционального и понятийного рядов сравниваемых конструкций.

4. Утверждается, что юридический процесс нельзя отождествлять исключительно с деятельностью государственных органов, так как он указывает, прежде всего, не на субъектную специфику его осуществления, а на его реализацию в соответствии с нормами действующего законодательства. В этой связи в диссертации на основании форм реализации юридически значимой деятельности выделяются два типа юридического процесса: юрисдикционный (осуществляемый органами государственной власти, их должностными лицами) и неюрисдикционный (реализуемый негосударственными субъектами за пределами официальной юрисдикции). При этом юрисдикционный процесс как теоретико-эмпирическое условие анализа процесса неюрисдикционного целесообразно рассматривать на двух уровнях – международном и внутригосударственном. На любом из них для данной деятельности будут свойственны регламентированный и общеобязательный характер, наличие необходимых к исполнению правил, процедур и процессуальных форм, публично-правовая природа её субъектов.

5. Выделяются следующие элементы структуры неюрисдикционного процесса: *субъекты неюрисдикционного процесса* (договаривающиеся стороны) – физические и юридические лица, способные при разрешении юридического казуса пойти на компромисс и достигнуть взаимоприемлемого соглашения. В указанном процессе могут принимать участие лица, содействующие его осуществлению, например, посредник, медиатор, арбитр и т.п.; *объект неюрисдикционного процесса* – материальные и духовные потребности, выраженные в правах и законных интересах; *принципы неюрисдикционного процесса* (справедливость,

законность, самоорганизованность, свобода воли, разрешено все, что не запрещено законодательством, добровольность, равноправие и сотрудничество сторон, конфиденциальность и др.); *неюрисдикционные процедуры* (консультации, добрые услуги, согласительная процедура, посредничество, переговоры, медиация, арбитраж, претензионный порядок и т.п.); *стадии*, характеризующиеся конкретностью целей, совокупной согласованностью действий сторон, изменчивостью в их количестве и характере (подготовка к его проведению, непосредственно сам процесс урегулирования юридического казуса, принятие решения в письменной или устной форме, исполнение достигнутых договоренностей); *способы и приемы*, при помощи которых он осуществляется (прекращение либо изменение отношений, признание права, возмещение убытков, самозащита прав).

Поскольку для исследуемого феномена характерны стадийность, наличие неюрисдикционных процедур и способов его осуществления, отстаивается позиция, согласно которой неюрисдикционным является именно процесс как системно-организованная юридически значимая деятельность, а не процедура.

6. Сформулирован вывод о том, что функции неюрисдикционного процесса можно определить как обусловленные целями и задачами по обеспечению прав и законных интересов направления юридически значимой деятельности по удовлетворению потребностей в рамках механизма защиты и обеспечения прав и законных интересов. В своем единстве они отражают зависимость между задачами, стоящими перед неюрисдикционным процессом, и содержанием воздействия на характер поведения субъектов права. Выделяются следующие функции: обеспечительная, восстановительная, стимулирующая, воспитательная, информационная, мотивационная, функция саморегулирования.

7. Обосновывается роль взаимосвязи действующего законодательства и практики использования неюрисдикционного процесса, выражающей мировоззренческо-эмпирические и ценностно-нормативные установки, задающие направления легализации изучаемого процесса. К ним относятся материальные источники, охватывающие все формы реализации права, и формальные источники, включающие отдельные положения действующего законодательства, содержащие необходимые условия внедрения неюрисдикционного процесса в практику.

8. Определяется характер режима осуществления неюрисдикционного процесса – специально-договорный порядок регулирования общественных отношений, направленных на достижение консенсуса путем согласования законных интересов в границах требований принципа законности. Специфика такого режима выражается в консенсуальном и координационном характере отношений между участниками процесса; отсутствии прямого правового регулирования действий участников неюрисдикционного процесса; разрешении юридических казусов по общему правилу в частной сфере общественных отношений; распространении достигнутых договоренностей на его непосредственных субъектов.

9. На основании сочетания инструментального и функционального подходов формулируется определение механизма обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина как комплекс правовых средств и юридических мер, осуществляемых юрисдикционными и неюрисдикционными структурами и направленными на обеспечение беспрепятственной реализации законодательно закрепленных прав и законных интересов человека и гражданина, их эффективной охраны и защиты. Доказывается особая роль в нем неюрисдикционного процесса как специально-договорного способа обеспечения прав и законных интересов.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы состоит в развитии типов юридического процесса, комплексном раскрытии природы неюрисдикционного процесса как новой в общей теории государства и права поведенческой модели, определении его места и роли в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений. Посредством внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему Российской Федерации расширяются функциональные возможности юридической практики. Последовательная реализация концепции анализируемого феномена может оказать непосредственное положительное воздействие на укрепление законности и правопорядка в стране.

Результаты и выводы настоящего диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебной и учебно-методической литературы по общей теории государства и права. Теоретические положения, содержащиеся в работе, будут способствовать развитию юридической практики и совершенствованию категориального аппарата правоведения. Практическая значимость выражается в выявлении источников, процедур легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации. В своем единстве они составляют нормативные основания для юридической формализации рассматриваемого явления в механизме обеспечения прав и законных интересов. Положения и выводы настоящего диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе в ходе проведения лекционных и семинарских занятий по общетеоретическим и отраслевым юридическим дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Настоящее диссертационное исследование выполнено и обсуждено на кафедре теории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская

государственная юридическая академия». Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в статьях автора, опубликованных в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, и в сборниках материалов конференций различного уровня.

Положения настоящего диссертационного исследования докладывались на следующих научных конференциях: VI Международной научно-практической конференции «Современные взгляды на систему права» (г. Москва, 17 ноября 2015 г.); III Международной научно-практической конференции «Наука в современном мире» (г. Киев, 19 ноября 2015 г.); VI Международной конференции «Глобальная наука и инновации» (г. Чикаго, США, 18-19 ноября 2015 г.); IV Международной научно-практической конференции «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (г. Рязань, 25 ноября 2015 г.); VII Международной научной практической конференции «Научные юридические школы: история и современность» (г. Саратов, 29 февраля 2016 г.); VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов «Актуальные вопросы современной юридической науки» (2 декабря 2016 г.). В процессе написания настоящего исследования автор применял опыт преподавательской деятельности.

Структура исследования подчинена его основным целям и задачам и выглядит следующим образом: введение, две главы, которые состоят из семи параграфов, заключение и библиографический список.

ГЛАВА I. НАУЧНО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА

1.1. Факторы детерминации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации

Одним из проявлений фундаментальных преобразований современной российской правовой действительности выступает внедрение в научный и эмпирический оборот новых форм осуществления юридически значимой деятельности. К числу таковых относится неюрисдикционный процесс. Эта проблема на рубеже 70–80-х годов прошлого века привлекала внимание отечественных ученых-юристов¹. Однако с середины 80-х годов интерес к теме пропал.

Новый импульс тема неюрисдикционного процесса получила в начале нового тысячелетия². Причинами роста внимания к указанной проблеме стали новые условия ведения финансово-хозяйственной деятельности,

¹ См., например: *Горшенев В.М., Крупин В.Г. и др. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985 ; Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М., 1976.*

² Подробнее об этом см.: *Белоковильский М.С. Конфликт и консенсус: некоторые проблемы реализации диспозитивных начал в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. №7. С. 21 ; Беннова В.И. Посредничество (медиация) как один из способов альтернативного разрешения споров // Бизнес, менеджмент и право. 2013. №1. С.158 ; Болгова В.В. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 17 ; Воронцов А.А. Международный коммерческий арбитраж: практические аспекты деятельности // Арбитражная практика. 2006. №5. С. 94 ; Гальперин М.Л. «Третейское разбирательство – это не бизнес» // Закон. 2015. №10. С. 7-10 ; Ерохина Е.В. Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2014. №4. С. 166 ; Коровяковский Д.Г. Альтернативные способы разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в свете вступления России в ВТО // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4. С. 73–78 ; Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005. С. 80 ; Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005. С. 85-106 и др.*

требовавшие преодоления бюрократического давления, быстроты принятия решений, свободы волеизъявления экономических субъектов.

В качестве инструмента, удовлетворяющего запросы бизнеса, выступает неюрисдикционный процесс. Он обеспечивает следующие преимущества: отсутствие формализма и жестких требований к соблюдению всех процедурных правил; выигрыш во времени; конфиденциальность урегулирования конфликта; широту выбора вариантов поведения; возможность контролировать действия контрагентов, принимать взаимовыгодные решения участниками процесса и т.д.

Практика применения неюрисдикционного процесса послужила причиной роста внимания к этой теме. Следствием развития указанной тенденции стало увеличение количества научных публикаций¹. В этой связи принципиальное теоретико-эмпирическое значение для обозначения места рассматриваемого феномена в правовой системе страны, определения его юридической природы и роли в механизме обеспечения прав и законных интересов субъектов права приобретает исследование вопроса факторов детерминации. По своей сущности они не однородны. В ходе их описания следует различать предпосылки и причины, которые в совокупности и составляют факторы детерминации неюрисдикционного процесса.

¹ См., например: *Курбатов А.* Защита прав предпринимателей в отношениях с государством // *Хозяйство и право*. 2005. № 9. С. 98-104 ; *Меркурьев В.В.* Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на самозащиту: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. С. 26 ; *Панасюк А.М.* Актуальность альтернативного разрешения правовых споров в современной России // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2009. № 2. С. 36-40 ; *Свердлык Г.А.* Защита и самозащита гражданских прав: учебное пособие. М., 2002. С. 37; *Турышева Н.В.* Примирительные процедуры и мировое соглашение в гражданском процессе зарубежных стран // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. Право. 1996. № 3. С. 74-84 ; *Уздимаева Н.И.* Правовая самозащита: концептуально-проблемные основы теории. Саранск, 2008. С. 41 ; *Фурсов Д.* Претензионный и внесудебный порядок урегулирования споров // *Хозяйство и право*. 1995. № 5. С.108-114 ; *Ясеновиц И.А.* Средства досудебного разрешения гражданских споров: опыт США // *Государство и право*. 1998. № 6. С. 72-77 и др.

В отечественной юридической науке и практике вопрос о предпосылках и причинах внедрения неюрисдикционного процесса не имеет комплексного решения. Очень часто исследователи смешивают их, не проводя между ними четких различий. По нашему мнению, этому аспекту в характеристике неюрисдикционного процесса следует уделить большее внимание. Прежде всего, необходимо провести сравнительный анализ категорий «предпосылка» и «причина». Целью применения указанного метода является определение критериев их самостоятельного понятийного статуса и функционального потенциала для уточнения формально-юридических оснований внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему России.

Изучение справочной литературы позволяет определить предпосылку как условие, отправную точку или исходный пункт чего-либо. Условие предполагает наличие обстановки, в рамках которой возможно осуществление чего-либо другого, то есть условие – это то, от чего зависит нечто обусловленное, что делает возможным наличие состояния, процесса¹. Применительно к настоящему исследованию предпосылка означает наличие реальных возможностей эффективно и результативно применять неюрисдикционный процесс на практике.

Причина представляет собой обстоятельство, действие или явление, которое обуславливает возникновение другого явления, действия или обстоятельства. Иными словами, это то, в отсутствие чего тот или иной факт произойти не может, но при наличии такового он происходит с необходимостью². Соответственно именно причины выступают прямым и

¹ См., например: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 2000. С. 134 ; Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. / под ред. С.И. Ожегова. М., 1999. С. 46 и др.

² См., например: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 18-е изд., стер. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987. С. 505 ; Толковый словарь русского языка: 80000 слов и

непосредственным источником развития, использования неюрисдикционного процесса в качестве инструмента, формы действия и поведения субъектов права. В данном случае можно вести речь о целом комплексе причин, превращающих в единстве с предпосылками возможность в действительность, которая состоит в реальном использовании рассматриваемого процесса.

В оценке предпосылок и причин детерминации неюрисдикционного процесса принципиальное значение приобретает исследование собственно теоретико-эмпирической конструкции «юридическая практика». Именно практика является показателем фактической реализации неюрисдикционного процесса в отечественной правовой системе. Она определяет пределы его прямого применения в системе правового инструментария по разрешению конкретных юридических казусов. Практика – это не только критерий обоснованности внедрения неюрисдикционного процесса, но и основание его нормативного закрепления в действующем законодательстве. Поэтому ее роль в ходе определения юридической природы исследуемого феномена первостепенна.

С точки зрения диалектического материализма, категория «практика» понимается как предметно-опытная деятельность, направленная на создание материальных и духовных благ. Она представляет собой систему, составными элементами которой выступают цели субъекта, средства, результат деятельности и сам процесс ее осуществления. Только при одновременном наличии всех этих элементов можно вести речь о практической деятельности.

Юридическая практика обеспечивает материализацию неюрисдикционного процесса. Более того, она фиксирует пределы

возможного использования рассматриваемого феномена в механизме обеспечения прав и законных интересов субъектов права. Именно эта конструкция задает параметры структуры его содержания, возможность верификации и способы осуществления. С учетом изложенного следует сформулировать определение юридической практики.

В правоведении отсутствует единообразие позиций по этому вопросу¹. На наш взгляд, адекватную модель юридической практики предложил В.Н. Карташов. Он рассматривает ее в единстве знания, деятельности и опыта². Совокупность этих трех составляющих позволяет преодолеть казус отсутствия прямого правового регулирования неюрисдикционного процесса в действующем законодательстве. Знание и опыт способствуют правильному выбору рассматриваемого процесса как инструмента обеспечения прав и законных интересов. Более того, общеизвестно, что любая предметно-практическая деятельность всегда имеет осознанный характер, поэтому большое значение приобретает цель как важная составляющая юридической практики³.

Преимущество позиции В.Н. Карташова состоит в том, что он определяет юридическую практику как формализованную конструкцию, объединяющую в себе знания, опыт, технику и осознанную деятельность.

¹ См., например: *Карташов В.Н.* Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // *Юридическая наука и практика.* 2010. № 1. С. 15 ; *Леушин В.И.* Юридическая практика в системе общественных отношений / науч. ред. С.С. Алексеев. Красноярск, 1987. С. 34 ; *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. М., 2004. С. 238 ; *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 122 ; *Шундилов К.В.* Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 12 и др.

² См.: *Карташов В.Н.* Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // *Юридическая наука и практика.* 2010. № 1. С. 16.

³ См.: *Худойкина Т.В., Брыжинский А.А.* Практика альтернативного разрешения споров как элемент правовой системы общества: теоретические аспекты // *Правовая система общества: проблемы теории и практики: труды Международной научно-практической конференции* / сост. С.В. Волкова, Н.И. Малышева. СПб., 2011. С. 236-242.

Ввиду того, что неюрисдикционный процесс характеризуется косвенным правовым регулированием, перечисленные качества юридической практики обеспечивают выявление и описание детерминирующих факторов рассматриваемого феномена. Поэтому её роль существенно возрастает в определении юридической природы исследуемого процесса.

В качестве предпосылок, определяющих процесс внедрения неюрисдикционного процесса в отечественную юридическую практику, выступают глобализация и регионализация социально-экономических связей. Эти компоненты кардинальным образом меняют природу мирового порядка и соответствующие ему мировоззренческие установки. Они связаны с дерегуляцией общественных отношений, изменением и разнообразием правового инструментария, возрастанием роли института внешней юрисдикции и расширением сферы его действия, увеличением качественного и количественного составов применяемых неюрисдикционных процедур. Все перечисленные обстоятельства следует определить как систему условий либерализации правовых институтов и отношений¹.

Следовательно, можно констатировать, что интерес к проблеме неюрисдикционного процесса возродился благодаря глобализационным и регионализационным процессам, проявившим себя в конце XX – начале XXI в. в сфере финансово-экономических отношений. Данная тенденция обусловлена формированием цельной экономической зоны через создание Всемирной торговой организации. Ведущая роль здесь принадлежит англосаксонскому праву. Таким образом, становление и развитие

¹ См., например: *Бревдо И.Л., Волков Г.Ю., Миронова О.А.* Глобализация мировой экономики. Ростов н/Д, 2008. С. 31 ; *Ждановская А.А.* Куда ведут Россию МВФ, Всемирный банк и ВТО?: в 2 кн. 2-е изд. М., 2016. Кн. 2. С. 9 ; *Ткачев И.В.* Глобализация в сфере частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 3 ; *Хелд Д., Гольтблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. М., 2004. С. XIX.

исследуемого процесса – это закономерный результат изменений в праве постиндустриального общества. Происходит постепенное исчезновение догматических, формально-юридических конструкций, что ведет к утрате таких качеств правового регулирования, как определенность, общеобязательность и т.п.

В качестве другой предпосылки внедрения неюрисдикционного процесса можно рассматривать историко-правовой опыт отечественной научной мысли и практики, хотя в науке существуют мнения о том, что неюрисдикционная составляющая механизма обеспечения прав и законных интересов не является традиционной для Российской Федерации в силу социально-психологических особенностей современного российского общества, которые связаны со свойствами национального характера и правовым отчуждением личности¹.

Однако мы считаем, что таким образом еще дают о себе знать советские установки правового сознания. Дореволюционное законодательство содержало положения о возможности использования нетрадиционных процессуальных форм и процедур неюрисдикционной природы. Отдельные спорные вопросы, например, разрешались на основе права справедливости, началах доверия, деловых обыкновений, соглашений. В этой связи обеспечение прав и законных интересов за пределами юрисдикции не является новым для отечественного правоведения².

Одной из предпосылок внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему страны выступает нормативно установленное право

¹ См.: *Черняк Т.В.* Социально-психологические ограничения внедрения альтернативных способов разрешения конфликтов в правовой сфере // Развитие альтернативных форм разрешения конфликтов: сборник научных статей. Ч.2 / под ред. М.В. Немытиной. Саратов, 2000. С. 78-86.

² См.: *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2016. С. 17.

выбора форм защиты прав, свобод и законных интересов. Действующее российское законодательство гарантирует и обеспечивает возможность свободы волеизъявления относительно использования права на самозащиту. В частности, п. 2 ст. 45 Конституции РФ предусматривает свободу выбора способов защиты прав и свобод¹. Аналогичные нормы также содержатся в текущем законодательстве, конкретизирующем приведенное конституционное положение. Тем самым законодатель допускает применение нетрадиционных форм обеспечения прав и законных интересов соответствующих субъектов.

Необходимо обратить внимание и на правоприменительную практику судебной власти, которая в концентрированном виде выражается в позициях судей Конституционного и Верховного судов Российской Федерации относительно осуществления принципа прямого действия Основного Закона страны. Акты, принимаемые судебными органами, содержат прямые указания на следование букве и духу закона. Отражением этой практики является активное использование дуальной конструкции в правоприменении – «в силу статьи...» и «по смыслу статьи...». Таким образом, допускаются варианты расширительного толкования права на самозащиту и иных нетрадиционных форм обеспечения прав и свобод человека и гражданина².

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237 ; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² См.: Ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016. № 5. Ст. 559 ; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в ред. от 3 марта 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1 ; 2015. № 47 ; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в

Также в комментариях к Конституции РФ зачастую идет отсылка к гражданскому законодательству, которое раскрывает способы защиты гражданских прав¹. Указанный перечень является открытым. Такое положение обосновывается тем, что все действия по самозащите прав и законных интересов предусмотреть невозможно. Единственное, на что законодатель и правоприменитель обращают внимание – это на возможность заинтересованного лица осуществлять защиту и обеспечение прав и законных интересов всеми доступными и не запрещенными законом способами.

Приведенные положения нормативных правовых и правоприменительных актов отражают общемировую тенденцию на расширение институтов самозащиты и усмотрения. Поэтому легализация неюрисдикционного процесса в сфере обеспечения законных интересов и прав приобретает не только формально-юридический, но и объективный характер. Это находит свое подтверждение в п. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая вменяет субъектам права обязанность не нарушать права и свободы других лиц. Данное конституционное положение фиксирует допустимые пределы возможного применения неюрисдикционного процесса и его признания как правомерного явления современной действительности.

Важной предпосылкой внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему Российской Федерации выступают ратифицированные международные договоры и конвенции. Согласно положениям Основного Закона страны общепризнанные принципы и нормы международного права

соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480 и др.

¹ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. В.Лазарева, В.Д. Зорькина. М., 2009. С. 236.

и международные договоры являются составной частью отечественного законодательства¹. Указанное нормативное положение позволяет рассматривать их в качестве важнейшего элемента российского законодательства. В соответствии с положениями указанных документов Россия берет на себя обязательства использовать достижения международной практики. В этой связи особого внимания заслуживает работа Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), выраженная в принятии типовых законов «О международном торговом арбитраже»² и «О международной коммерческой согласительной процедуре»³. Приведенные документы определяют направления и содержание развития отечественной юридической практики. На их основе Россия признала и сформировала собственное законодательство в сфере международного коммерческого арбитража. Кроме того, существует ряд других, не менее важных международных соглашений в данной сфере, участницей которых является Российская Федерация⁴.

¹ См. ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237 ; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (принят в г. Нью-Йорке 21 июня 1985 г. на 18-й сессии ЮНСИТРАЛ) // Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1985 год. Т. XVI. Нью-Йорк, 1988. С. 601 - 612.

³ См.: Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о международной коммерческой согласительной процедуре (вместе с «Руководством по принятию и применению...») (принят в г. Нью-Йорке 24 июня 2002 г. на 35-й сессии ЮНСИТРАЛ) URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.05.2015).

⁴ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) (вместе со Статутом Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) (по состоянию на 4 мая 2015 г.)) //

В качестве предпосылки внедрения рассматриваемого феномена можно считать наличие государственной и общественной поддержки в продвижении консенсуальных форм разрешения конфликтов. На высшем уровне в последнее время принимается большое количество программ и концепций, которые в качестве приоритетных направлений развития и совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики называют активное внедрение и реальное использование консенсуальных форм урегулирования конфликтов¹.

Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 8. С. 108-113; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (заключена в г.г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 29 марта 1972 г.) // Действующее международное право. Т.3. М., 1997. С.634; Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже (заключена в г. Женеве 21 апреля 1961 г.) (вместе со Статутом Европейской Конвенции о внешнеторговом арбитраже (по состоянию на 1 октября 2015 г.)) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 10; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.) (вступила в силу 19 мая 1994 г., для Российской Федерации 10 декабря 1994 г.) (с изм. от 28 марта 1997 г.) // СЗ РФ. 1995. № 17, ст. 1472; Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1997. № 2 ; Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID) [рус., англ.] (заключена в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 431-445 ; Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно-технического сотрудничества (заключена в г. Москве 26 мая 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIX. М., 1975. С. 102 – 105 и др.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994 ; Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» (в ред. от 25 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13; 2016. № 1 (ч. II). Ст. 246 ; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2158 ; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423 и др.

Большое значение для внедрения рассматриваемого феномена в юридическую практику имеет деятельность специальных общественных организаций по применению неюрисдикционных форм урегулирования конфликтов, в числе которых можно выделить следующие: Центр развития переговорного процесса и мирных стратегий в разрешении конфликтов, функционирующий на базе философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Коллегия посредников по проведению примирительных процедур при Торгово-промышленной палате Российской Федерации; Центр правовых технологий и примирительных процедур (медиации) Уральского государственного юридического университета; Центр медиации и альтернативного разрешения споров в правовой практике при Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина и т.д.¹.

В Российской Федерации в целях внедрения и распространения примирительных форм урегулирования конфликтов проводились следующие мероприятия: интеграция медиации в гражданское судопроизводство в Свердловской области (2011–2013 гг.)²; проект «Медиация в гражданском судопроизводстве: внедрение и развитие в Липецкой области» (2013–2014 гг.)³; открытие комнат медиации в целях информирования граждан о возможности пользоваться ею как платно, так и бесплатно.

¹ См.: Бюллетень Федерального института медиации. 2014 год: в 2 т. Т.1 / научн. ред. Ц. Шамликашвили. М., 2015. С. 16.

² Разработка и апробация механизмов интеграции медиации в гражданское судопроизводство // Usla.ru: официальный сайт Уральского юридического университета. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1436&cid=13&obid=3832> (дата обращения: 01.03.2016).

³ Медиация в гражданском судопроизводстве: внедрение и развитие в Липецкой области // Usla.ru: официальный сайт Уральского юридического университета. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1436&obid=4321&cid=13> (дата обращения: 01.03.2016).

Современные тенденции развития правовой системы Российской Федерации характеризуются активным внедрением и совершенствованием практики применения неюрисдикционных форм урегулирования конфликтов в рамках интернет-ресурсов, что также можно рассматривать в качестве предпосылки. Наглядным примером является опыт третейского суда при ОАО «Газпром», который с 2010 г. начал рассматривать споры в режиме видеоконференц-связи и электронного обмена документами. За это время было проведено более 150 дистанционных заседаний, рассмотрено около 120 дел¹.

Другим инструментом внедрения нетрадиционных форм разрешения юридических казусов стал функционирующий с осени 2015 г. «Онлайн - арбитраж», который представляет собой защищенную информационную систему электронной подачи, передачи, обработки и хранения документов в целях урегулирования конфликтов. В основе его работы лежат: Регламент арбитража онлайн Российской Арбитражной Ассоциации, вступивший в силу с 1 октября 2015 г. (с изм. и доп. от 14 марта 2017 г.)²; Внутренний Регламент Ассоциации участников по содействию в развитии третейского разбирательства, действующий на момент возбуждения арбитражного онлайн-разбирательства; Правила арбитража корпоративных споров; Регламент по разрешению венчурных споров, рекомендованный решением Административного Совета Российской Ассоциации Венчурного Инвестирования (РАВИ); Положение о порядке администрирования

¹Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. URL: <http://tpprf-arb.ru> (дата обращения: 01.03.2016).

² См.: Регламент арбитража онлайн Российской Арбитражной Ассоциации от 1 октября 2015 г. (с изм. и доп. от 14 марта 2017 г.) ; Протокол Правления Российской Арбитражной Ассоциации от 14 марта 2017 г. № 18 / Официальный сайт Российской арбитражной ассоциации. URL: <http://arbitrations.ru/upload/medialibrary/e91/online-arbitration-rules.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).

арбитражных разбирательств по арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ¹, а также иные положения российского арбитражного законодательства². Стоит особо отметить, что арбитры не обладают статусом государственного служащего, а процесс урегулирования проходит с использованием глобальной компьютерной сети «Интернет» и на основе положений вышеуказанных нормативных документов. Иными словами все процессуальные действия осуществляются через глобальную сеть «Интернет».

Важной предпосылкой возможности использования неюрисдикционного процесса в отечественной юридической практике выступает мировой опыт его применения. С конца XX в. в рамках консенсуальных форм разрешается от 30 до 60 % всех конфликтов, из которых более 50 % составляют коммерческие споры между крупными финансовыми компаниями³. Родоначальником в этой сфере является Америка⁴, которая в 1990 г. принимает Акт о реформе гражданского

¹См.: Официальный сайт Российской арбитражной ассоциации. URL: <http://arbitrations.ru>, (дата обращения: 01.04.2017).

² См., например: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29; Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации) (в ред. от 3 декабря 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240; СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5748.

³См.: *Херсонцев А.И.* Альтернативное разрешение споров: проблемы правового регулирования и европейский опыт // Российский юридический журнал. 2003. №3. С. 116-117.

⁴ См.: *Носырева Е.И.* Посредничество в урегулировании коммерческих споров: опыт США // Государство и право. 1997. №6. С. 112 ; *Её же.* Переговоры как средство урегулирования коммерческих споров: опыт США // Хозяйство и право. 1999. №5. С. 123-130.

судопроизводства, предусматривающий создание рекомендательных комитетов в каждом федеральном судебном округе¹. В 1998 г. принимается Закон об альтернативном разрешении споров, согласно которому на окружные суды возлагается обязанность предлагать сторонам конфликта разрешить свой спор одним из способов, альтернативных правосудию². В 2001 г. разрабатывается Единообразный закон о посредничестве, разграничивающий деятельность арбитра и посредника, которая до принятия этого Закона на практике часто отождествлялась.

В Японии действует «Закон о примирении по гражданским делам», предоставляющий возможность заинтересованным сторонам посредством прямых и добровольных переговоров преодолевать противоречия³. Следует отметить особый подход граждан этой страны к конфликтам. Обращение в суд за публичным разрешением спора считается позорным делом. Японцы полагают, что урегулирование разногласий путем мирных переговоров позволит учесть все малозначимые, с точки зрения законодательства, нюансы, например, состояние экономического положения каждого субъекта конфликта, характер их деловых связей. Такой подход позволяет им на основе согласования интересов выработать компромиссное решение.

В Норвегии в каждом муниципалитете создаются согласительные комитеты, в которые стороны конфликта направляются до обращения в судебный орган по большинству гражданских деликтов, хотя есть и исключения по ряду категорий дел (например, споры об имуществе

¹ Civil justice reform act // UnitedStatesCourts.gov: официальный сайт федеральных судов США. URL: <http://www.uscourts.gov> (дата обращения: 15.05.2015).

² Alternative dispute resolution act // URL: <http://www.nyulawreview.org/sites/default/files/pdf/NYULawReview-76-6-Crowne.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1997. С. 374 – 375.

супругов и об установлении патентов в таких комитетах не рассматриваются).

Во Франции возможность пользования примирительными формами предусмотрена Гражданским процессуальным кодексом. Кроме того, французское законодательство выделяет процедуры с участием и без участия примирителя. Также судьи обязаны содействовать примирению сторон путем назначения третьего лица (физического либо юридического), которое заслушивает претензии сторон друг к другу и рекомендует наиболее приемлемый выход для обеих сторон из сложившейся конфликтной ситуации¹.

В Канаде в 80-е г. XX в. был создан Канадский институт арбитража и посредничества. В 1999 г. Арбитражным судом при Торговой палате Стокгольма формируется Институт посредничества. В Германии в настоящее время происходит закрепление и продвижение общего права как одного из источников развития неюрисдикционного процесса².

Большое распространение нетрадиционные формы защиты интересов получили после проведения в 1999 г. в г. Вене международной конференции, где неюрисдикционные методы рекомендовались для разрешения споров и урегулирования конфликтов между сторонами с целью поддержания международного мира и безопасности. Результатом развития идей этого мероприятия стало принятие в 2004 г. в г. Брюсселе Европейского кодекса поведения медиаторов, заложившего принципы деятельности и начала легализации данных методов во внутреннем

¹ См.: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 43.

² См.: Погорельская С. Ислам в Германии – немецкий ислам // Литературная газета. 2016. №31 (6562). URL: <http://lgz.ru> (дата обращения: 10.08.2016).

законодательстве иных стран¹. Голландия с 2005 г. стала внедрять в практику институт негосударственного посредничества при разрешении налоговых споров.

Анализ международного опыта использования неюрисдикционных форм урегулирования конфликтов указывает на возможность их внедрения в правовую систему России. Здесь уместно взять лучший опыт зарубежных государств и с учетом культурно-исторических особенностей нашей страны эффективно применять его в отечественной практике обеспечения прав, законных интересов и разрешения конфликтов.

Рассмотрев основные предпосылки внедрения неюрисдикционного процесса в российскую правовую систему, предоставляющие возможность его активного применения, можно выделить причины, которые обосновывают необходимость использования рассматриваемого процесса:

1. Наличие недостатков при урегулировании конфликтов в рамках юрисдикционных процессов:

бюрократизм юрисдикционных органов, волокита при рассмотрении юридических казусов. Согласно основным статистическим показателям работы судов общей юрисдикции количество гражданских дел, поступивших на рассмотрение в 2013 г., составило 12 903 316, в 2014 г. – 13 833 609, в 2015 г. – 15 920 893, в 2016 г. – 16 904 275². В то же время на плановый период 2015 и 2016 гг. штатная численность судей составила 37 тыс. человек. Получается, что в среднем на одного судью средняя месячная нагрузка составляет около 80 дел и материалов. В такой ситуации очевидна

¹ См.: Европейский кодекс поведения медиаторов (г. Брюссель, 2 июля 2004 г.) // Mediacia.com: официальный сайт центра медиации и права. URL: http://mediacia.com/files/Documents/Code_of_Conduct.pdf (дата обращения: 22.09.2015)

² См.: Основные статистические показатели судов общей юрисдикции // Cdep.ru: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 22.09.2017)

все более нарастающая загруженность судей. Приведенные данные повышают вероятность допущения судебных ошибок, ведут к увеличению сроков рассмотрения и разрешения юридических казусов¹.

Судебная система России характеризуется высоким уровнем неисполнения судебных решений и большим количеством фактов по отложенным судебным делам. Поэтому у граждан вызывает недоверие система исполнительного производства. Дело в том, что только до 33 % всех вынесенных решений исполняется. Следствием развития этой ситуации в правоприменении является снижение степени доступности судебной защиты и восстановления нарушенных прав субъектов правоотношений.

Вызывают сомнения и критерии справедливости по актам правоприменения. Поэтому случаи коррупции в государственном аппарате воспринимаются как обыденное и закономерное явление современного российского общества. Именно эти факты и заставляют человека искать альтернативные варианты обеспечения и защиты своих прав и законных интересов. Усугубляет ситуацию и бюрократизация судебной деятельности. В частности, в последние годы было принято правило о необязательном включении мотивировочной части в содержание судебного решения. В случае если сторона желает с ней ознакомиться, ей нужно дополнительно направить об этом заявление в суд².

¹ См., например: *Мамыкин А.С.* Правовые средства оптимизации судебной юрисдикции и служебной нагрузки судей // *Российское правосудие*. 2016. № 2 (118). С. 78 ; *Панасюк А.М.* Разрешение конфликтных ситуаций: стратегия и тактика судьи // *Российская юстиция*. 1997. №5. С. 51 ; *Проблемы судебного права* / под ред. В.М. Савицкого. М., 1983. С. 31 ; *Чекмарева А.В.* Добровольное исполнение судебных решений – путь к социальному консенсусу // *Законы России. Опыт. Анализ. Практика*. 2013. № 5. С. 38.

² См. ст. 193 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) (часть первая) // *СЗ РФ*. 2002. № 46. Ст. 4532; 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4205.

В то же время для хозяйствующих субъектов, связанных с крупным капиталовложением, потеря времени играет важную роль. Поэтому в их интересах искать возможности по сокращению издержек забюрократизированных процедур государственной системы. Такое положение обуславливает выход данных субъектов на уровень самоорганизации и саморегулирования, что непосредственно ведет к формированию устойчивого мнения о необходимости обращения к использованию неюрисдикционного процесса;

сложность и излишний формализм юрисдикционных процессов по имущественным делам заставляют субъектов преодолевать такие трудности через упрощенные универсальные процедуры. Людям, не обладающим базовыми юридическими знаниями, очень сложно сориентироваться в тонкостях процессуального порядка разбирательства.

Существует также проблема наличия большого количества коллизий и противоречий, которые не позволяют создать систему эффективного правового регулирования процесса осуществления финансово-хозяйственной деятельности. Поэтому большинство экономических субъектов стремятся обеспечивать свои права и законные интересы и снижать степень риска неюрисдикционным путем, например, договор на доверии и т.д. В постиндустриальном обществе именно быстрота, высокая степень сохранения финансовой тайны и прозрачности операций, малая ресурсная затратность позволяют рассматривать изучаемый процесс в качестве одного из эффективных инструментов механизма обеспечения интересов;

коррупционность чиновничьего аппарата. Неюрисдикционные формы урегулирования конфликтов и обеспечения прав и законных интересов воспринимаются всем международным сообществом как важнейшие антикоррупционные средства. Данный факт подтверждает

Стратегия развития финансового рынка на период до 2020 года, утвержденная Правительством РФ;

2. Трансформация субъектного состава в сфере финансово-хозяйственных отношений привела к усилению роли и значения одних субъектов и снижению роли и значения других. В сфере имущественных отношений появились субъекты, превосходящие по своим возможностям функциональный потенциал не только государства, но и межгосударственных организаций и объединений. Такие участники и стали определять «правила поведения в возникающих правоотношениях, формы и процедуры урегулирования конфликтов и согласования интересов».

Институты власти и гражданского общества занимаются лишь соответствующим юридическим закреплением рекомендуемых ценностно-нормативных установок. Отражением указанной тенденции является утверждение в действующем законодательстве субъектно-объектных конструкций: экономические субъекты (физические лица, все формы юридических лиц), политические субъекты, нетрадиционные субъекты права, например, такие как транснациональные корпорации, представляющие собой «государство в государстве».

Данное суждение имеет достаточно простое объяснение. В условиях действия принципа трансграничности юридический статус субъектов права определяется не столько правомочиями и обязанностями, сколько наличием ресурсов на совершение юридически значимой деятельности за пределами традиционных юрисдикционных форм. Поэтому базовыми условиями по фиксации субъектной определенности являются финансово-экономические ресурсы, высокий функциональный потенциал сетевых структур. Они обеспечивают все условия для введения в действие неюрисдикционного процесса как для индивидуальных, так и групповых носителей законных интересов.

Ярким примером из мировой практики может являться деятельность крупнейшей в мире британской нефтяной компании «Би-Пи». В некоторых случаях она представляет собой транснациональную компанию как единый субъект, обладающий своими структурами. В иных случаях ее интересы могут представлять и защищать структурные подразделения, обладающие той или иной степенью самостоятельности. Это сетевая организация, в рамках которой могут заключаться соглашения неюрисдикционной природы.

Отмеченная тенденция находит свое отражение и в Российской Федерации. В частности, в действующее законодательство вводится конструкция, которая раньше не применялась в юридической практике – экономический субъект. Эта категория, по нашему мнению, носит общий универсальный характер¹. К тому же такие субъекты обладают возможностями установления собственных корпоративных «правил игры», так как государством поддерживается тенденция расширения границ саморегулирования деятельности непосредственно самими экономическими субъектами.

3. Количественный и качественный рост юридической практики по внедрению универсальных конструкций объективно стимулирует развитие эмерджентных процессуальных форм, которые направлены на достижение наибольшей полезности и эффективности в развитии социально-экономических отношений между участниками процесса.

Указанный факт обусловлен существенным увеличением в структуре права количества общих норм. Например, Конституция РФ имеет прямое действие, в связи с чем возникает масса вопросов, ответы на которые требуют уточнений и конкретизаций. Когда на законодательном уровне они

¹ См.: Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в ред. от 4 ноября 2014 г.) // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344; 2014. № 45. Ст. 6154.

отсутствуют, соответствующие субъекты выходят за пределы неопределенности путем самопроизвольного принятия решений. Поэтому можно сделать вывод о расширении возможностей субъектов права по самостоятельному обеспечению своих прав и законных интересов за счет использования в том числе и нетрадиционных инструментов защиты прав и разрешения споров.

Приведенное положение служит основанием для самоорганизации неюрисдикционного процесса субъектами права и предоставляет возможность сторонам самостоятельно определять границы своего поведения. Оно может быть оформлено в письменной форме - в виде договора или иного соглашения, а также в устной форме. Приведенная позиция подтверждается практикой рассмотрения арбитражными судами юридических казусов без соответствующей правовой регламентации. Принимаемые правовые акты по указанным фактам исполняются субъектами права, которым они адресованы.

4. Принятие Российской Федерацией обязательств по соблюдению международных норм, правил, стандартов и принципов, следствием чего является включение государства в систему международной практики по разделению компетенций в сфере юрисдикционной деятельности. Особенно остро данная проблема встала перед хозяйствующими субъектами после вступления России во Всемирную торговую организацию в 2012 г. В связи с этим государство взяло на себя обязательства по признанию действия правил и процедур Всемирной торговой организации на своей территории. Кроме того, в установленных случаях Россия должна легализовать весь понятийный аппарат права этой организации в действующем

отечественном законодательстве и применять его в правоприменительной практике¹.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Неюрисдикционный процесс имеет самостоятельное юридическое значение.
2. Существуют основания для фактической формализации неюрисдикционного процесса, поскольку он активно используется в юридической практике.
3. Международно-правовые соглашения Российской Федерации ведут к его легализации.
4. Существующая практика по неюрисдикционному процессу требует теоретического осмысления.

Анализ факторов детерминации неюрисдикционного процесса позволяет утверждать, что данная процессуальная форма – это самостоятельное явление политико-правовой реальности, представляющее собой следствие глобализации социально-экономических отношений. Стратегической целью легализации неюрисдикционного процесса является обеспечение законного интереса. Однако основная задача состоит в том, чтобы в неформальных, основанных на взаимном доверии отношениях достичь приемлемого баланса интересов для субъектов права, разрешить или преодолеть конфликт. В этом смысле неюрисдикционный процесс не ограничивает доступ субъектов права к правосудию, он служит вспомогательным элементом обеспечения прав и законных интересов.

¹ См.: Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации [рус., англ.] (вместе с Многосторонними соглашениями по торговле товарами) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2514 – 2523 ; Протокол от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4986.

Поэтому важную роль в изучении его юридической природы играют мировоззренческие основания.

1.2. Мировоззренческие основания анализа неюрисдикционного процесса

Необходимость обращения к мировоззренческому компоненту обусловлена следующими обстоятельствами:

во-первых, косвенное и опосредованное правовое регулирование неюрисдикционных форм деятельности требует аргументированного мировоззренческого обоснования научного оформления рассматриваемого феномена;

во-вторых, отсутствие комплексного теоретического исследования неюрисдикционного процесса предполагает использование адекватного мировоззренческого осмысления самой проблемы, поскольку мировоззрение задает не только систему взглядов на природу, но и определяет пределы научной формализации и позицию правоприменителя;

в-третьих, большое количество мировоззренческих идей и мнений создает ситуацию многовекторности познания политико-правовых явлений и ведет к беспорядочности и неточности научного аппарата правоведения. Классическим примером выступает ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹;

в-четвертых, мировоззренческий плюрализм создает предпосылки для неоднозначного понимания и объяснения юридических фактов;

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Российская газета. 2001. № 249; 2016. № 150.

в-пятых, многообразие научных идей и взглядов препятствует разработке непротиворечивой концепции неюрисдикционного процесса и его применения в юридической практике.

Сложившаяся ситуация объясняется тем фактом, что в России долгое время мировоззрение развивалось в рамках жесткой идеологической системы, которая базировалась на формационной доктрине и классовом подходе, что способствовало трансформации права в догму. Сложилась устойчивая практика, при которой государство играло ведущую роль в регулировании экономических отношений¹.

В постсоветский период начинают активно внедряться диаметрально противоположные мировоззренческие установки либерализма и неолиберализма, активно обосновывающие преимущества рыночной модели отношений в экономике. В качестве главного положения указанных подходов декларируется максимальное отстранение государства от вмешательства в финансово-хозяйственную деятельность с передачей его контролирующих функций транснациональным элементам экономического сообщества и гражданскому обществу. В таких условиях даже обоснованные государством ограничения расцениваются как препятствия на пути следования объявленным принципам².

В этой связи в рамках российской правовой действительности складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, процессы поддержки отечественного производства, ужесточения конкуренции и монополизации на мировых рынках требуют активного целесообразного вмешательства со стороны государства. С другой стороны, современные

¹ См.: *Козлихин И.М.* Марксизм и современное правопонимание // Право. Законодательство. Личность. Саратов, 2008. Вып. 3. С. 229-238.

²См.: *Волков Г.Ю.* Минимизация негативных последствий вступления в ВТО на региональном уровне (на примере Ростовской области) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10. С. 10-17.

мировоззренческие веяния, обосновывающие трансграничность экономических процессов и широкую свободу в рыночных отношениях, предполагают непосредственное участие соответствующих субъектов в определении политики современных государств¹. Иными словами, образовался «мировоззренческий суррогат», который уже не является всеобщей догмой, но в то же время еще не достиг высокого уровня либерализма. В условиях нарастающей глобализации этот факт чреват негативными последствиями для правоприменительной практики², являясь источником роста противоречий в правовой политике Российского государства.

Фундаментальные трансформации юридической науки и практики, на наш взгляд, создают необходимые предпосылки для перехода к выработке наиболее адекватных идей и взглядов. Именно мировоззрение способно сформировать позицию о сущностных чертах юридической природы неюрисдикционного процесса. Поэтому следует проанализировать несколько ведущих мировоззренческих подходов, взятых в единстве – юридический позитивизм, рационализм, структурный функционализм, синергетику. Перечисленные мировоззренческие направления в отечественной методологии обеспечивают возможность реального объединения формально-юридических и деятельностных аспектов в ходе анализа и описания рассматриваемого феномена с точки зрения полезности выбора неюрисдикционных форм.

Юридический позитивизм, несмотря на имеющуюся в науке критику, продолжает оставаться ведущим мировоззрением современности. Это свойство обусловлено восприимчивостью позитивизма к иным научным

¹См.: Малько А.В. Правовая политика современной России: от концепции к реальности // Правовая политика. Право. Правовая система / под ред. А.В. Малько. М., 2013. С. 34.

² См.: Там же. С. 6-19.

подходам, например к рационализму. Позитивизм основывается на объективности фактов, первичности объекта над субъектом. Поэтому он задает нормативные параметры любых видов практик, определяет основанное на догме права непротиворечивое развитие правовой системы. Данное суждение имеет важное значение, так как действующее законодательство, воспринимающее мировоззренческие установки правовой действительности, должно содержать точные юридические термины, понятные по своему смыслу и содержанию нормы права, что имеет большое значение для правоприменительной практики¹.

Юридический позитивизм базируется на положении о первичности практики относительно теоретических положений. В то же время научные воззрения и опыт являются формами выражения политико-правовой действительности. Следовательно, юридический позитивизм обеспечивает минимум субъективизма в политико-правовых конструкциях. Данное мировоззренческое течение устанавливает демаркационную линию между правом и моралью².

В отличие от либертарного мировоззрения, основывающегося на свободе усмотрения субъектов, юридический позитивизм обосновывает строгость соблюдения формально-юридических предписаний, на которые ориентируются субъекты правоприменительных отношений. Соответственно главным звеном в этом процессе выступает взаимодействие теоретических положений и юридической практики, где практика – критерий истины. Таким образом, при помощи юридического позитивизма можно установить место и специфику неюрисдикционного процесса в системе общественных отношений.

¹ См.: *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 33.

² См.: *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. М., 2008. С. 6-58.

Выделим основные характеристики юридического позитивизма:

1. Направлен на обеспечение взаимосвязи норм права и юридически значимой деятельности.
2. Характеризует право и как объект осуществления, и как условие его применения на практике.
3. Обосновывает формальную определенность права, что предупреждает относительность критериев анализа неюрисдикционного процесса.
4. Ориентирует научное познание на связь с юридической практикой.
5. Обеспечивает выявление и фиксирование структуры моделей, синтезирующих правовые допущения и юридически значимые действия субъектов общественных отношений. Это качество предполагает установление зависимостей между законодательством и практикой его реализации, что является одним из необходимых мировоззренческих условий внедрения неюрисдикционного процесса в механизм обеспечения прав и законных интересов.

Приведенные свойства представленного научного течения подвергаются фундаментальным изменениям путем его сближения с рационализмом, структурным функционализмом. В данном случае конвергенция указанных теоретических течений в условиях все более глобализирующейся социально-экономической действительности приобретает значение базовых мировоззренческих оснований изучения политико-правовых явлений.

Положения рационализма направлены на кардинальное переосмысление векторов дальнейшего развития и совершенствования российской правовой системы. При этом он не основывается исключительно на методологических аспектах ее эволюции, а затрагивает и структуру содержания юридической практики. Поэтому единство

рационализма и позитивизма в характеристике неюрисдикционного процесса направлено на выбор наиболее эффективных и наименее затратных путей решения проблем. Более того, рационализм в сочетании с юридическим позитивизмом и функционализмом требует получения результата с наименьшим количеством издержек. Это возможно благодаря универсализации и упрощению процедур. При этом обеспечивается минимизация рисков от консервативности, излишнего бюрократизма, косности государственных юридических форм поведения. Неюрисдикционный процесс следует требованиям рационализма. Он создает преимущества перед традиционными юридическими процессуальными формами.

В настоящее время одним из примеров рационального применения неюрисдикционных форм обеспечения прав и законных интересов является возможность неограниченного доступа в глобальную сеть с целью урегулирования конфликтов и обеспечения законных интересов посредством использования специальных интернет-ресурсов. Последние, в свою очередь, представляют собой одну из форм легализации неюрисдикционного процесса. Данное положение в полном объеме соответствует концепции дерегуляции финансово-хозяйственных связей, являющейся базовым компонентом глобализации либерально-монетаристской парадигмы постиндустриального общества¹.

Практика применения интернет-технологий в целях неюрисдикционного урегулирования конфликтов началась с 1992 г. Катализатором послужила отмена в Соединенных Штатах Америки запрета на осуществление коммерческой деятельности в глобальной сети. В

¹ Подробнее об этом см.: Ждановская А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный банк и ВТО? в 2 кн. Механизмы создания зависимости. 2-е изд. М., 2016. Кн. 1. С. 13-18, 34 - 40.

результате образовались многочисленные виртуальные сообщества, представляющие собой своеобразную среду социального взаимодействия, обеспечивающую как представление, так и защиту интересов.

Глобальная сеть, предоставляя неограниченные возможности, стала виртуальным местом встреч и взаимодействий различных субъектов. Вместе с тем использование интернет-ресурсов не могло ни сказаться на участвовавших случаях нарушения прав и законных интересов. Правовые системы практически всех государств ввиду отсутствия как международного, так и внутригосударственного нормативного регулирования виртуальных связей, не были готовы адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию. Так, возникали проблемы в сфере определения применимого права и юрисдикции государственных органов, их некомпетентности в данных вопросах, длительности рассмотрения таких дел. Зачастую сами конфликтующие стороны находились далеко друг от друга, что негативным образом сказывалось на процедуре разбирательства¹.

Первым способом электронного разрешения споров стал проект «Виртуальный судья», разработанный в 1996 г. Арбитражной американской ассоциацией совместно с Центром информационного права штата Пенсильвания. Целью разработчиков являлось исключение сложных, длительных, формализованных процедур, продвижение принципа всеобщей доступности данной системы. В основу такого урегулирования конфликтов были положены правила арбитражного разбирательства Американской арбитражной ассоциации. Достижение сторонами соглашения или консенсуса для обеспечения законных интересов производилось посредством использования глобальной сети через конфиденциальные каналы, на которые стороны выходили через свои уникальные пароли.

¹ См.: *Миронова С. Н.* Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М., 2010. С. 48.

В 1996 г. в США запускаются еще два экспериментальных проекта – «Онлайн омбудсмен» и «Проект семейного посредничества». Данные программы в отличие от «Виртуального судьи», полномочия которого были ограничены конфликтами между Интернет-провайдерами и их абонентами, направлены на обеспечение законных интересов, возникающих из различных видов сетевых связей.

Постепенно такие проекты начинают создаваться и в других странах. Так, в 1998 г. в Канаде был введен в действие проект «Кибертрибунал», преследующий цель урегулирования конфликтов, возникающих в интернете, путем посредничества и арбитража. Процесс разбирательства в границах проекта базируется на арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ.

В Соединенном Королевстве Великобритании в 1999 г. был запущен ConsensusMediation.com, а в 2001 г. начал действовать проект The Claim Room, способствующий обеспечению законных интересов в сфере денежных и потребительских отношений. Во Франции в 2000 г. был создан сайт CyberСМАР. Он также был направлен на разрешение коммерческих споров в порядке посредничества и арбитража. В Бразилии разработан проект «мобильного суда» («Justica Sobre Rodas»), функционирующего на основе искусственного интеллекта. Он способствует разрешению несложных дел в сфере дорожно-транспортных происшествий.

В Российской Федерации с осени 2015 г. начал функционировать «Онлайн - арбитраж». Разработчиком данного направления в юридической практике является Российская арбитражная ассоциация. В его основе лежит положение об урегулировании конфликтов в защищенном режиме онлайн на специально созданной платформе арбитражной ассоциации. Все важные процессуальные действия осуществляются через каналы Интернета и при посредничестве самой арбитражной ассоциации, соучредителями которой

выступают экономические субъекты¹. Фактически в правовой системе России имеют место сокращение уровня вмешательства государства в финансово-хозяйственную сферу.

Обеспечение законных интересов в рамках электронного урегулирования споров подчинено определенному порядку, который закреплен в рекомендательных стандартах, регламентах, собственно выработанных процедурах, например, правилах Американской ассоциации адвокатов, Регламенте Российской арбитражной ассоциации, правилах Американской арбитражной ассоциации и т.п., которые способствуют развитию юридических технологий неюрисдикционной природы, что отвечает требованиям рационализма в рамках существующей правовой действительности.

Стоит особо отметить тот факт, что обеспечение законных интересов участниками правоотношений при помощи неюрисдикционного процесса может увеличить количество рисков. Поэтому его субъекты должны иметь способность осознавать возможность проявления отрицательных последствий и для них самих, и для третьих лиц или общества и государства в целом. К примеру, может появиться вероятность частичного или полного отказа от исполнения взятых на себя обязательств соответствующими субъектами. В этой связи формируется потребность комплексного исследования функциональных параметров неюрисдикционного процесса. Отражением данной тенденции выступает активное использование структурного функционализма в исследовании правовых явлений². Этот методологический прием базируется на идее

¹ См.: Официальный сайт Российской арбитражной ассоциации. URL: <http://arbitrations.ru> (дата обращения: 01.03.2016).

² См., например: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1990 ; Мертон Р. Социальная теория и социальная

зависимости элементов структуры и их функционирования в рамках единой системы. Парадигмальный анализ дает возможность исследовать неюрисдикционный процесс в совокупности его семиотических, функциональных, институциональных и коммуникационных характеристик. Изучению социо-структурных аспектов данного процесса релевантна концепция, разработанная для рассмотрения социальной структуры, функций, системы в целом¹.

Структурный функционализм позволяет анализировать неюрисдикционный процесс как системную конструкцию, в которой каждый элемент выполняет самостоятельную функцию². В своем единстве они решают задачу по обеспечению прав и законных интересов субъектов права за границами юрисдикционной практики. Поэтому структурность неюрисдикционного процесса является его фундаментальной характеристикой. Она представлена в виде сети иерархично и функционально организованных связей, имеющих свои собственные свойства и особенности, которые составляют специфику данной системы. Тем не менее, основанием для использования неюрисдикционного процесса выступает совокупность требований и принципов законности.

Именно структурный функционализм в единстве с юридическим позитивизмом и рационализмом позволяет оценивать неюрисдикционный процесс в качестве саморегулируемой и самоорганизуемой юридически значимой деятельности субъектов права в границах своей воли, правил

структура. М., 2006 ; *Парсонс Т.* О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002 и др.

¹ См.: *Трикило Е.А.* Проблема нормы в структурном функционализме и социальной феноменологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 89 – 90.

² См.: *Зайцев А.В.* Институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России: структурно-функциональный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 30-36.

делового оборота и иных правовых положений. Приведенный «статус» рассматриваемого феномена обеспечивает достижение консенсуса по защите прав, законных интересов и преодолению противоречий.

Положения структурного функционализма способствуют выявлению следующих качеств неюрисдикционного процесса:

- 1) адаптивности неюрисдикционного процесса к политико-правовой реальности;
- 2) интегрированности неюрисдикционного процесса во внешние системные связи посредством свободы выбора неюрисдикционных форм обеспечения законных интересов;
- 3) целевых устремлений субъектов права в ходе защиты прав, свобод и законных интересов посредством достижения консенсуса;
- 4) легализации неюрисдикционных процедур в ходе осуществления юридически значимой деятельности.

В рамках структурного функционализма неюрисдикционный процесс выступает одним из компонентов механизма обеспечения прав, законных интересов и следствием реализации свободы волеизъявления. Отсутствие прямого правового регулирования только усиливает роль функционального аспекта через общепринятые установки и ценности¹. Такой подход предоставляет возможность исследования институционального взаимодействия субъектов права в границах законного интереса.

Структурный функционализм фиксирует роль юридически значимой деятельности в конструкции неюрисдикционного процесса. Она многогранна, так как:

во-первых, выступает содержанием, определяющим характер и значение неюрисдикционного процесса;

¹ См.: Уатэкер Я. Характер и значение функционализма в социологии // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968. Вып. 1. С. 278-294.

во-вторых, является материальным источником подтверждения наличия рассматриваемого процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений;

в-третьих, формирует и определяет природу исследуемого феномена;

в-четвертых, служит материальным основанием признания за сторонами конкретных субъективных прав и юридических обязанностей на совершение действий по обеспечению прав и законных интересов или их представлению.

Структурный функционализм указывает на коммуникативный характер неюрисдикционного процесса. Степень связи участников процесса неоднородна и определяется содержанием источника его использования. Поэтому она зависит от следующих обстоятельств:

- а) от установок самих действующих лиц;
- б) от нормативно-ценностной природы интереса или спора;
- в) от среды, в которой возник спор или присутствует интерес;
- г) от характера процедур, определяющих порядок выбора и применения неюрисдикционного процесса.

В структуре неюрисдикционного процесса можно выделить как минимум двух участников, которые вступают в переговоры по поводу конкретного спорного вопроса. Поэтому неюрисдикционный процесс представляет собой субъектно-объектную конструкцию. Таким образом, складывается коммуникативная среда для согласования интересов, где в начале процесса первый субъект выступает в качестве инициатора коммуникации, задавая тон дискурса, то есть он играет роль адресанта информации. Второй субъект выступает в роли принимающего информацию. Затем происходит смена позиций. Если в диалоге участвуют более двух субъектов, то роль адресанта переходит сначала к третьему, потом к четвертому субъекту и т.д.

В ходе осуществления неюрисдикционного процесса стороны обмениваются информацией относительно содержания своих интересов. Такая коммуникация субъектов в рамках данного процесса заканчивается соглашением, но может и не привести к такому результату. Однако сама по себе процедура состоявшегося диалога служит важнейшим направлением и способом преодоления противоречия в отношении объекта проявленного интереса. В этом смысле неюрисдикционный процесс не только не ограничивает возможности, а расширяет пути для продолжения взаимодействия и углубления взаимопонимания с целью взаимовыгодного удовлетворения прав и законных интересов¹.

Таким образом, структурный функционализм позволяет зафиксировать следующие особенности неюрисдикционного процесса:

1. Предоставляет возможность представить неюрисдикционный процесс в виде обладающего внутрискруктурной спецификой элемента механизма обеспечения прав и законных интересов.
2. Формализует и материализует интересы сторон.
3. Ориентирует на достижение консенсуса между сторонами на основании солидарного установления справедливого представления интересов.
4. Способствует определению природы, структуры и функций деятельности, осуществляемой в границах неюрисдикционного процесса.

Особого внимания в процессе уточнения природы неюрисдикционного процесса заслуживают отдельные аспекты синергетики. В последнее время данное мировоззренческое течение

¹ См.: Зайцев А.В. Институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России: структурно-функциональный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 30-36.

получило широкое распространение в юриспруденции¹. Оно обосновывает и развивает концепцию самоорганизации². Этот феномен правовой действительности получил широкое распространение в свете неустойчивости и нелинейности функциональных качеств, определяющих эволюцию правовой системы современного российского общества. Самоорганизация возможна при условии выстраивания синергетических связей между составляющими ее элементами. Ее внедрение и закрепление в юридической практике осуществляется на основе принципа свободы волеизъявления субъектов социально-экономических связей, который позволяет им принимать решения в границах заявленных законных интересов и норм действующего законодательства.

Именно приведенное положение обеспечивает обоснованность и законность нетрадиционных способов защиты законных интересов. К числу таких средств и принадлежит неюрисдикционный процесс. Самоорганизованность неюрисдикционного процесса обусловлена комплексными причинно-следственными зависимостями в структуре субъектно-объектных отношений. При этом причины и их последствия могут носить как жесткий детерминированный характер, так и сложный нелинейный процесс выбора субъектами права конкретных

¹ См., например: Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Государство и право. 1986. № 10. С. 24 ; Ветютнев А.Б. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 65 ; Глигич-Золотарева М. В., Добрынин Н. М. Синергетика федерализма. Ч. I // Право и политика. 2006. № 11. С. 44-56 ; Клюканова Л.Г. О концепции развития экологического права в рамках синергетической парадигмы // Экологическое право. 2012. № 6. С. 34 ; Сигалов К.Е. Синергетическая организация права: теория и реальность // История государства и права. 2011. № 19. С. 20 ; Его же. Бифуркация в праве // История государства и права. 2012. № 10. С. 12 ; Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах DJVU. М., 1985. С. 34 ; Шундигов К.В. Синергетический подход в правовой науке: проблемы адаптации // Правоведение. 2008. № 1. С. 150 ; Его же. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 25.

² См.: Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 3-5.

обеспечительных мер своих законных интересов. Особенно отчетливо указанная тенденция проявилась в ходе распада Советского Союза. Она регулировалась в режиме политико-правового обострения, когда субъекты государства самостоятельно выбирали конкретные формы субъектной и статусной организации в новых социально-экономических реалиях. В тех условиях неюрисдикционный процесс выступал одним из способов согласования интересов на постсоветском пространстве.

На наш взгляд, вполне допустимо включение неюрисдикционного процесса в число саморегулируемых моделей поведения субъектов права. Самоорганизация по защите законных интересов через неюрисдикционный процесс направлена на улучшение способов взаимодействия участников социально-экономических отношений, достижение положительного результата для сторон, укрепление законности и правопорядка. Неюрисдикционный процесс в границах самоорганизации соответствует предмету удовлетворения потребностей сторон в границах согласованных стандартов осуществления юридически значимой деятельности.

С учетом изложенного можно утверждать, что анализируемый процесс представляет самоорганизуемую системно-структурированную правовую поведенческую модель, обусловленную потребностями и интересами субъектов социально-экономических отношений. Неюрисдикционный процесс позволяет формулировать достигнутые соглашения в границах законного интереса и свободы волеизъявления. Данные принципы права определяют природу самоорганизуемой модели юридически значимой деятельности. Поэтому неюрисдикционный процесс отражает как простые линейно-казуальные зависимости между субъектами права, так и сложные нелинейные синергетические отношения относительно удовлетворения потребностей.

С точки зрения синергетики, неюрисдикционный процесс обладает возможностью выражать интересы субъектов права неопределенной

природы. Этот эффект достигается за счет самоорганизации субъектов права в пределах принципа сочетания законности и целесообразности. В этой ситуации следует четко понимать, что параметры указанного процесса задаются сторонами, а их действия определяются требованиями и принципами законности. Тем не менее, они весьма динамичны и восприимчивы к воздействиям факторов внешней среды. Поэтому рассматриваемый феномен обеспечивает:

во-первых, возможность изменения общих параметров достигнутого соглашения по обеспечению и защите прав и законных интересов, а также способов преодоления конфликтных ситуаций;

во-вторых, вероятность привлечения других заинтересованных сторон к участию в процессе;

в-третьих, допустимость изменения стандартов оценки и переоценку достигнутых договоренностей;

в-четвертых, относительную определенность критериев и процедур неюрисдикционного процесса, которые зависят от ситуационных аспектов социально-экономических отношений;

в-пятых, саморегулируемые и самоорганизуемые начала исследуемого феномена.

На наш взгляд, неюрисдикционный процесс носит поднормативный характер, так как он осуществляется на основе принципа законности и косвенного правового регулирования¹. Данное качественное состояние вытекает из отсутствия прямого закрепления в действующем законодательстве рассматриваемого феномена. Это одно из условий проявления самоорганизации субъектов социально-экономических

¹ См.: Кулапов В.Л., Медная Ю.В. Поднормативное правовое регулирование. Саратов, 2009. С. 23.

отношений по использованию неюрисдикционного процесса в качестве специфической формы охраны и защиты своих законных интересов.

Участники рассматриваемого феномена самостоятельно определяют допустимые пределы своего поведения в условиях конфликтной ситуации. Поэтому отношения, возникающие в границах неюрисдикционного процесса, обладают дозволительно-консенсуальной природой. За счет самоорганизации достигается преодоление противоречий и конфликтов интересов между участниками неюрисдикционного процесса. Следовательно, характер таких отношений является материально-договорным, а их содержание во многом определяется интересами сторон. Данные интересы составляют неотъемлемый атрибут анализируемого явления.

С учетом изложенного можно утверждать, что выбор неюрисдикционного процесса обусловлен законными интересами субъектов социально-экономических отношений. Они посредством юридически значимой деятельности удовлетворяют свои материальные и духовные потребности. Единство интересов и юридически значимой деятельности определяет природу неюрисдикционного процесса. Интересы стимулируют, а юридически значимая деятельность претворяет интересы в жизнь через самоорганизуемую правомерную поведенческую модель. В таком значении неюрисдикционный процесс требует четкого согласования всех позиций субъектов права в границах заявленных интересов.

Таким образом, неюрисдикционный процесс выражает интересы и целевые установки соответствующих субъектов права. Они задают конкретный набор процедур реализации рассматриваемого процесса. В этом смысле потребности субъектов права определяют материальное, нравственное и правовое содержание отношений, возникающих на основе выбора указанного процесса как средства обеспечения сторонами своих законных интересов. Поэтому неюрисдикционный процесс имеет

соответствующие преимущества перед юрисдикционным. В частности, он обеспечивает быстроту достижения результата, высокий уровень конфиденциальности, разнообразие в способах и процедурах его осуществления. Вместе с тем неюрисдикционный процесс требует эффективного обеспечительного механизма. В этой связи легализация неюрисдикционного процесса должна проходить исключительно в границах требований и принципов законности. Законность – это одна из гарантий обоснованности выбора данного вида процесса и основание его осуществления. Такой формат рассматриваемого явления позволяет избегать рисков в отказе по приему жалоб и заявлений на нарушенные интересы сторон. Косвенным юридическим условием для такового вывода выступает поднормативное регулирование отношений, возникающих в ходе выбора неюрисдикционного процесса¹.

В заключение отметим, что в основе развития концепции рассматриваемого феномена лежит конвергенционный подход к мировоззренческому обоснованию и развитию юридически значимой деятельности, которая является содержанием неюрисдикционного процесса. Фундамент этого составляют взятые в единстве:

недогматический юридический позитивизм, который обусловлен двумя базовыми закономерностями развития юридического мировоззрения: взаимосвязью права и закона как содержания и формы; зависимостью юридически значимой деятельности не только от правовых актов, но и от факта;

рационализм, предполагающий пути и формы совершенствования правовой системы Российской Федерации с точки зрения полезности использования неюрисдикционного процесса;

¹ См.: Кулапов В.Л., Медная Ю.В. Указ. раб.

структурный функционализм, который в границах позитивизма обеспечивает выявление системного и стадийного характера неюрисдикционного процесса, а также его функций;

синергетический подход, позволяющий утверждать, что неюрисдикционный процесс представляет собой самоорганизуемую правомерную поведенческую модель.

С учетом проведенного анализа тенденций развития правовой идеологии в структуре юридической науки и практики можно констатировать, что конвергенционные возможности позитивизма дают возможность наиболее продуктивно изучать нетрадиционные способы обеспечения законных интересов. Такой эффект в условиях неопределенности правового регулирования социально-экономических отношений достигается за счет единства формального, функционального и системно-структурного подходов. Позитивизм демонстрирует, как неюрисдикционный процесс может выступать в качестве одной из гарантий законности и обоснованности выбора данного варианта поведения сторон, и свидетельствует, что в сложных неустойчивых системах существует несколько вариантов путей преодоления таких ситуаций.

1.3. Понятие неюрисдикционного процесса

Современное состояние отечественной юридической науки и практики не дает комплексного ответа относительно понятия и природы неюрисдикционного процесса. Рассматриваемый феномен принадлежит к сложным, противоречивым, мало изученным проблемам современной политико-правовой реальности. Подтверждением отмеченного суждения выступает многообразие точек зрения и подходов к формулированию категориального статуса данной поведенческой модели в юридической науке и проблемы его легализации в российской правовой системе.

Поэтому заявленная тема обладает высокой степенью актуальности, особенно, когда нетрадиционные формы охраны и защиты законных интересов получают широкое распространение в различных видах правовых отношений, например, в рамках международной и внутригосударственной финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов¹. Именно либерализация всех сторон жизнедеятельности современного российского общества предоставила участникам социальных связей право свободного выбора способов обеспечения своих законных интересов. К сожалению, юридическая наука и практика не были готовы к таким фундаментальным преобразованиям в правовой системе страны. В этой связи для разработки понятия неюрисдикционного процесса важное методолого-эмпирическое значение приобретает вопрос о соотношении процессуальной формы, процедуры и процесса. Следует заметить, что в юридической литературе данная проблема в такой постановке не анализировалась. Тем не менее, сравнительный анализ перечисленных явлений позволяет выявить особенности их взаимодействия и роль в формулировании адекватной концепции неюрисдикционного процесса, его понятия и функционального потенциала в механизме обеспечения прав и законных интересов граждан Российской Федерации. Решение выдвинутой задачи обеспечивает внедрение неюрисдикционного процесса в отечественную юриспруденцию.

Анализ научного аппарата и правовых актов демонстрирует низкий уровень теоретико-эмпирического осмысления приведенной «триады», о чем свидетельствуют отдельные статьи нормативных правовых актов,

¹ См.: *Хартли Т.К.* Основы права Европейского сообщества. Введение в конституционное и административное право / пер. и науч. ред. В.Г. Бенде. М., 1998. С. 32-58.

фиксирующих понятия процессуальной формы, процедуры и процесса¹. Данный факт и порождает противоречивое и неоднозначное отношение к категории неюрисдикционного процесса. Такие издержки ведут к возникновению коллизий в выборе между понятиями «процесс», «правосудие», «судебное разбирательство», «процессуальное действие», «судопроизводство» и т.д.

Противоречивое разнообразие юридических конструкций, применяемых для обозначения источников развития процесса, формирует предпосылки для возникновения казусов на практике и парадоксов в теории. Они ведут к снижению уровня законности и правопорядка, стимулируют негативное отношение к действующему законодательству и судебной практике по разрешению различных юридических конфликтов. Роль сравнительного анализа и состоит в уточнении специфики проявления процессуальной формы, процедуры и процесса на теоретическом и эмпирическом уровнях.

В отечественной юридической науке сравнение проводилось в рамках дуальной конструкции, в частности, юридическая процедура сопоставлялась с процессуальной формой, а юридический процесс с процедурой². При этом зачастую в рамках как общетеоретических, так и

¹ См. ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.).

² См., например: *Байтин М.И., Яковенко О.В.* Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 93-100 ; *Баширова С.Г.* К вопросу о соотношении правовой процедуры и юридического процесса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2007. Вып. 67. С. 39 ; *Осипов М.Ю.* Теория социально-правовых процессов. М., 2011. С. 122 ; *Павлушина А.А.* Указ. раб. С. 80 ; *Панова И.В.* Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2000 ; *Протасов В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991 ; *Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 15 ; *Рязановский В.А.* Единство процесса. М., 1996. С. 15 ; *Яковенко О.В.* Правовая процедура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С.7.

отраслевых исследований, вопрос ставится именно о соотношении юридического процесса и юридической процедуры. На основании отмеченных подходов в правоведении сложилось несколько вариантов разрешения проблемы соотношения:

1. Ультраширокое понимание юридического процесса (В.Н. Иванова). Здесь юридическая процедура рассматривается как часть юридического процесса.

2. Широкое понимание юридического процесса (В.О. Лучин, В.С. Основин). Юридическая процедура и юридический процесс представляются тождественными понятиями. При этом процесс проявляет себя в виде правоприменения в различных его аспектах.

3. Узкая трактовка юридического процесса (Д.Н. Бахрах, В.Н. Протасов). В этом случае юридический процесс понимается как вид юридической процедуры (например, правореализующие процедуры)¹, а обе эти категории рассматриваются как правоотношение.

Приведенные позиции известных ученых-юристов подтвердили нашу точку зрения о противоречивости восприятия сравниваемых явлений. Вместе с тем в анализе и описании процесса, процедуры и процессуальной формы большинство специалистов указывают и исходят из одной теоретико-эмпирической платформы. Это означает, что их претворение в жизнь происходит в границах правоприменительного отношения. С учетом господствующей доктрины в отечественной юридической науке можно утверждать, что все сравниваемые феномены имеют жесткую формационную обусловленность действующим законодательством.

¹ См. Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. С. 8 ; Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 31 ; Его же. Юридическая процедура. М., 1991. С. 43.

Данное суждение следует учитывать в ходе сравнения, которое дополняется единой термино-лексической характеристикой процесса и процедуры. Поэтому в русском языке они рассматриваются в качестве синонимов. В то же время категория «процессуальная форма» относится к самостоятельному термино-лексическому ряду. При этом в действующем законодательстве и на практике употребляются конструкции, обозначающие однородные процессуальные действия¹.

Возникает резонный вопрос: как «развести» процесс и процедуру при разработке основ концепции неюрисдикционного процесса? На наш взгляд, такой эффект достигается с помощью правоприменительного правоотношения, где процесс – это его материальная сторона, а процедура – формально-юридическая. В этой ситуации правоприменительное отношение является единой процессуальной формой для процесса и процедуры.

Диалектика допускает такой вариант решения поставленного вопроса через категории «форма» и «содержание». Именно эта методологическая посылка позволяет и допускает возможность осуществления перехода одного качественного состояния в другое². В основании использования данной динамики лежит простой алгоритм. Он выражается в следующем: качественное состояние сущности одного порядка переходит во внутреннюю форму выражения сущности другого порядка и т.п. Диалектические модификации отражают степень сложности зависимостей между формой и содержанием сравниваемых явлений. В этом случае процесс и процедура представляют собой элементы формы, с помощью которой объективируются различные виды практик и информации,

¹ См. ст. 5 Научно-практического комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В. М. Лебедев ; под общ. ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 12-28.

² Подробнее об этом см.: *Шентулин А.П.* Категории диалектики. М., 1971. С. 223-232.

например, в виде понятий, правил, порядка осуществления той или иной юридически значимой деятельности.

В юриспруденции существуют логические формы выражения имеющих значения. По нашему мнению, в качестве интегральной конструкции можно рассматривать процессуальную форму, которая, исходя из её логико-семантической и функциональной природы, аккумулирует процесс и процедуру. Она выступает средством их внешнего выражения.

В приведенном суждении процессуальной формой неюрисдикционного процесса выступают субъектно-объектные зависимости или, иными словами, отношения участников этого процесса по согласованию своих законных интересов, целью которых является достижение компромисса. Процессуальная форма опосредует и обеспечивает единство процедуры и юридически значимой деятельности. Такая методологическая модель конструирования взаимодействия процесса и процедуры исходит из единства функционального и понятийного рядов этих явлений. Основываясь на предложенном варианте анализа, можно заключить, что процедура (формальный элемент содержания процессуальной формы) фиксирует правила и порядок поведения заинтересованных участников процесса, а через процесс (материальный элемент содержания процессуальной формы) на основании правил, устанавливаемых процедурой, осуществляется юридически значимая деятельность. Таким образом, процедура и процесс обладают самостоятельным категориальным значением.

Приведенный краткий анализ по сравнению указанной «триады» ставит проблему классификации процессуальной формы, процедуры и процесса. Указанный вопрос в правоведении в той или иной мере получил

свое разрешение¹. Но, прежде всего, необходимо определиться с понятием самого юридического процесса. На наш взгляд, под юридическим процессом стоит понимать основанную на нормах права, юридически значимую деятельность как органов государственной власти, так и негосударственных субъектов права, направленную на оптимальное обеспечение прав, свобод и законных интересов.

Вместе с тем следует отметить следующий факт. В частности, юридический процесс в правоведении неоправданно связывают исключительно с деятельностью государственных органов и должностных лиц². Такие доктринальные установки не отражают всей полноты преобразований, которые имеют место в юридической практике. Это доказывается этимологическим анализом конструкции «юридический процесс», который указывает не на субъектную специфику его осуществления, а на то, что он реализуется в соответствии с нормами действующего законодательства³. На основании форм осуществления юридически значимой деятельности можно выделить следующие типы процесса:

юрисдикционные, то есть те, которые осуществляются органами государственной власти, их должностными лицами;

¹ См.: Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М., 1976. С. 9 ; Павлушина А.А. Указ. раб. С. 80 ; Панова И.В. Юридический процесс / науч. ред. Н.М. Конин. Саратов, 1998. С. 22 ; Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. С. 11 ; Протасов В.Н. Юридическая процедура. С. 29.

² См., например: Сорокин В.Д. Проблемы административного процесса. М., 1968. С. 49.

³ См., например: Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М., 1990. С. 536 ; Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М., 1987. С. 697.

неюрисдикционные – процессы, осуществляемые негосударственными субъектами права за пределами официальной юрисдикции.

В этой связи важным фактором исследования природы неюрисдикционного процесса выступает изучение категории «юрисдикция». В правоведении становление этого понятия связывают с периодом возникновения государства и права. Однако, несмотря на достаточно продолжительный срок своего существования, в общей теории государства и права отсутствует единство взглядов по данной проблеме. Не отличается определенностью и система действующих нормативных правовых актов, регулирующих международные и внутригосударственные отношения. То же самое можно сказать и об отраслевых монографических исследованиях зарубежных и отечественных ученых, хотя частота использования данного термина достаточно велика.

Стоит оговориться, что анализ действующего законодательства, а также литературы по указанной проблематике показал, что рассматривать практику применения института юрисдикции следует на двух уровнях – внешнем и внутреннем.

Внешний, или международный, уровень юрисдикции отражает:

1. Территориальную юрисдикцию – определение территории либо объекта в исключительной экономической зоне, на которые распространяется суверенная власть соответствующего государства¹.

2. Параллельную юрисдикцию – предупреждение совершения международных преступлений и проведение соответствующих уголовно-процессуальных действий как компетентными международными органами,

¹ См.: Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS). Заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г. (с изм. от 23 июля 1994 г.) // СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493 ; СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5720.

так и органами государств, в соответствии с принципом действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц¹.

3. Обязательную юрисдикцию – четко установленный комплекс полномочий международного органа по рассмотрению и разрешению споров, переданных ему на основании обязательств спорящих сторон².

4. Национальную юрисдикцию – систему полномочий того или иного органа государственной власти, который действует на территории собственной страны или в отношении ее граждан.

5. Внешнюю юрисдикцию, реализуемую государственным органом одного государства на территории иного суверенного государства. По общему правилу юрисдикция одного государства не может осуществляться на территории другого государства. Исключение составляют случаи, когда иностранная сторона в силу имеющихся международных договоренностей между странами дала согласие другому государству на осуществление отдельных юрисдикционных действий в пределах своей территории. Например, к таким случаям относится крайняя необходимость³. Кроме того, государства обладают юрисдикционными правомочиями в отношении своих граждан с некоторыми оговорками, когда последние находятся за пределами территории собственной страны,

¹ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

² См.: Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] (вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...»). Принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.05.2015).

³ См.: Резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.05.2015).

например, на борту плавающего под ее флагом судна либо зарегистрированных в ней летательных аппаратов, размещающихся на территории иностранного государства¹.

К слову сказать, анализ ряда международно-правовых документов, упоминающих термин «юрисдикция», показал, что определение данного понятия не характеризуется конкретностью и ясностью содержания. В комментариях экспертов к документам присутствуют такие оговорки, как: «в контексте настоящих статей», «для целей договора», «употребление данного термина в настоящем документе не наносит ущерба употреблению аналогичных терминов в иных международных документах либо во внутреннем праве государств»².

Приведенный факт позволяет предположить, что в любых иных договорах термин «юрисдикция» может наполняться иным, отличным от уже указанного, содержанием. Существующее положение отражает многофункциональную роль юрисдикции, широту охвата соответствующих практик, которые сложились в российской правовой системе и международных правоотношениях. Указанная черта показывает универсальный характер понятия «юрисдикция», что служит основанием для неоднозначного его понимания или возможности использования в характеристике существующего многообразия видов юридически значимой деятельности.

В современной юридической науке существует несколько подходов к определению юрисдикции и ее назначения:

¹ См.: Ромашев Ю.С., Фетищев Д.В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. М., 2009. С. 41.

² См., например: Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS). Заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г. (с изм. от 23 июля 1994 г.) ; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

совокупность полномочий органов государственной власти¹;

круг вопросов, на которые распространяется компетенция государственных органов²;

государственно-властная деятельность соответствующих органов государственной власти, направленная на разрешение споров о праве и рассмотрение дел о правонарушениях, и вынесение по ним обязательных для исполнения решений³.

Исходя из цели установления юридической природы неюрисдикционного процесса в настоящем диссертационном исследовании, юрисдикция будет использоваться в значении государственно-властной деятельности. Она выражает конкретный вид юридически значимой деятельности и её функциональный потенциал. Кроме того, семантический анализ указанной категории позволяет определить ее через процесс, а деятельность и процесс являются категориями одного понятийного и функционального рядов. Поэтому зачастую в правовой науке систему полномочий и юридически значимую деятельность обозначают через категорию «юрисдикционный процесс»⁴.

Традиционно же юрисдикция ассоциируется с осуществлением правосудия и разрешением правовых споров путем реализации судебным

¹ См., например: *Лазарев Б.М.* Компетенция органов управления. М., 1972. С. 87 ; *Юдельсон К.С.* Исковое производство в составе гражданской юрисдикции // Вопросы теории и практики гражданского процесса: межвуз. науч. сб. Саратов, 1976. С.8.

² См., например: *Осинов Ю.К.* Подведомственность и подсудность гражданских дел. М., 1962. С. 48.

³ См., например: *Дюрягин И.А.* Гражданин и закон (о защите прав и законных интересов граждан) (Право для всех). М., 1989. С. 68.

⁴ См., например: *Побирченко И.Г.* Хозяйственная юрисдикция (общее учение). Киев, 1973. С. 53 ; *Чекалина О.В.* Административно-юрисдикционный процесс: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003 ; *Шергин А.П.* Административная юрисдикция. М., 1979. С. 43 и др.

органом ряда установленных в законах полномочий: управлять судебным процессом, разрешать казус, обеспечивать исполнение принятого решения. В этом смысле юрисдикция представляет единство полномочий и конкретный вид операций судебной власти. Приведенная ее интерпретация охватывает широкий спектр юридических споров различной природы – уголовные, имущественные, административные и т.д. Однако в таком значении юрисдикция осуществляется строго в границах законодательно установленных компетенций. Цель такой деятельности состоит в принятии правоприменительного акта, с помощью которого обеспечивается реализация прав, свобод и законных интересов субъектов права.

Несмотря на то, что судебное разбирательство выступает наиболее совершенным и гарантированным способом юрисдикционной защиты прав и законных интересов человека и гражданина, тем не менее, оно не является единственной формой. Это утверждение относится не только к функции отправления правосудия, но и другим видам юридически значимой деятельности, которые вызваны спором о праве. В настоящее время в результате совершенствования действующего законодательства появился целый ряд квазисудебных государственных органов, осуществляющих юрисдикционную деятельность, например: Межведомственная комиссия по рассмотрению обращений граждан Российской Федерации в связи с ограничением их права выезда из страны¹ и т.п. При этом квазисудебные органы представляют собой юрисдикционные учреждения, которые осуществляют свою деятельность в пределах исполнительной власти и разрешают административные споры в определенном законодательством порядке. Причем, юрисдикционная деятельность таких органов не

¹ См.: Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/activity/COORDINATING_and_ADVISORY_BODY/COMMISSION_FOR_CITIZENS_CONSIDERATION (дата обращения: 01.03.2016).

подменяет оперативно-исполнительную форму осуществления ими функций государства.

В этой связи в целях уточнения природы неюрисдикционного процесса рассмотрим признаки юрисдикции. На наш взгляд, к ним относятся следующие:

1. Юрисдикционная деятельность основана на нормах права.

Указанный признак является определяющим, поскольку все виды данной юридически значимой деятельности закреплены в нормах действующего законодательства. Это происходит за счет того, что она тесно связана с правами граждан и легальной возможностью их ограничения.

2. Спор о праве, конфликт интересов или правонарушение – это источники юрисдикции. Стоит отметить, что юрисдикционная деятельность будет направлена на разрешение юридического казуса в соответствии с действующими нормами и принципами международного и внутригосударственного права. Конечной целью юрисдикции является достижение желаемого субъектами права конкретного результата, облеченного в соответствующую правовую форму.

3. Юрисдикция осуществляется уполномоченным законодательством субъектом права в границах конкретной компетенции как прямой, так и делегированной. Система юрисдикционных органов определяется действующим законодательством с указанием подведомственности дел, четкой регламентации способов и порядка реализации компетенций.

4. Наличие процессуальной формы осуществления юрисдикционной деятельности. Она отражает стремление законодателя к строгому соблюдению установленного в законе порядка осуществления юрисдикции, включающей в себя процедуры как формальную ее сторону, и юрисдикционный процесс как материальную сторону. Приведенное обстоятельство предполагает наличие у сторон спора гарантий, направленных на объективное разрешение конфликта, обеспечение прав

сторон на защиту, соблюдение принципа состязательности в процессе рассмотрения дела по существу. Несоблюдение процессуальной формы влечет признание ничтожности всех произведенных действий и принятых решений.

5. Издание и обеспечение исполнения юрисдикционного акта по конкретному юридическому казусу.

Принятие решения по возникшему конфликту – это итог юрисдикционной деятельности, в рамках которой происходит установление, доказывание и юридическая оценка событий на основании применения определенной нормы права юрисдикционным органом к конфликтной ситуации. Итоговое решение по юридическому казусу выражает все многообразие значений юрисдикции и ее потенциал.

Юрисдикционные акты играют важную роль в механизме правового регулирования. Они служат источником корректировки и изменения как нормативно-правовых актов, так и поведения граждан, обеспечивают защиту наиболее важных общественных отношений, способствуют возникновению специфичных отношений между юрисдикционным органом и сторонами конфликта, между юрисдикционным органом и органами, приводящими в исполнение его решение, и т.п.

Таким образом, юрисдикция – это прерогатива органов государственной власти, обладающих соответствующими полномочиями. Отмеченное качество предусматривает наличие соответствующих процедур и процессуальных форм. В своем единстве они обеспечивают осуществление субъектами права юридически значимой деятельности в границах законного интереса или юридического казуса. Сама деятельность отражает публично-правовую природу субъектов юрисдикции, например, суда, прокуратуры и т.д. Поэтому юрисдикция – это основанная на правовых нормах юридически значимая деятельность компетентных органов государственной власти, которая направлена на разрешение

юридического казуса путем вынесения обязательного для сторон правового акта и обеспечение его исполнения.

Установление природы неюрисдикционного процесса предполагает изучение теоретико-эмпирической конструкции – «альтернативные юрисдикции способы защиты прав законных интересов». Дело в том, что в процессуальных отраслях знания неюрисдикционный процесс рассматривается в качестве одного из альтернативных вариантов самозащиты¹. В юридической науке они называются по-разному. В частности, различают внесудебные², негосударственные³, досудебные⁴, доюрисдикционные⁵, частные процедуры разрешения споров⁶.

В качестве примера можно привести опыт США, где активно используется альтернативное разрешение споров. Это дословный перевод англоязычного термина «alternative dispute resolution», появившегося в 60-е годы XX в. в Америке. Он представляет собой обозначение различных способов урегулирования споров. Приведенное суждение подтверждается смысловой интерпретацией и юридической практикой,

¹ См.: *Прокошкина Н.И.* О соотношении юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты прав и законных интересов членов семьи // Семейное и жилищное право. 2011. № 1. С. 18 -19.

² См.: *Брыждинский А.А.* Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2005. С. 24.

³ См.: *Зайцев, А.И., Кузнецов Н.В., Савельева Т.А.* Негосударственные процедуры урегулирования правовых споров: учебное пособие. Саратов, 2000. С. 17.

⁴ См.: *Рулан Н.* Юридическая антропология: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000. С. 272.

⁵ См.: *Елисейкин П.Ф.* Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1975. С. 66-68.

⁶ См.: *Давыденко Д.Л.* Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного урегулирования споров» // Третейский суд. 2009. №1. С. 40-53 ; *Носырева Е.И., Стернин И.* «Посредничество» или «медиация»: к вопросу о терминологии // Третейский суд. 2007. №1. С.10.

когда процессу разрешения различных казусов предшествует выбор одного из двух или более существующих вариантов разрешения спора¹. Как видим, речь идет обо всех реально имеющих место альтернативах, предопределяющих правомерную модель поведения. Аналогичного вывода придерживается и американский профессор Ф. Сандер².

В связи с изложенным можно допустить, что альтернативное разрешение спора – это предусмотренные правом возможности урегулирования конфликта³. В данном случае стороны обладают выбором: либо передать спор на рассмотрение в юрисдикционном порядке, либо преодолеть конфликт своими силами путем неюрисдикционных форм. Последний вариант в Соединенных Штатах Америки имеет свою нормативную регламентацию и практику реализации, которая и стала источником его развития⁴.

Выявленная и зафиксированная особенность в эволюции англосаксонской правовой семьи обнаружила себя в отечественной правовой

¹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка [Электронный ресурс] // 22-е изд. М., 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/395.shtml> (Дата обращения: 10.11.2015).

² *Sander F.* Dispute resolution within and outside the courts // *Attorneys general and Methods of Dispute resolution / National Associations of Attorneys General and ABBA.* P. 26.

³ См., например: *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб., 2000. С. 64 ; *Егоров А.В.* Понятие посредничества в гражданском праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002. С. 4 ; *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. 2-е изд. М., 2001. С. 46 ; *Зайцев И.М.* Хозяйственный спор и арбитражный процесс: вопросы теории. Саратов, 1982. С. 21 ; *Зайцева Л.И.* Переговоры как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // *Международное публичное и частное право.* 2012. №3. С. 14 ; *Зубарев Л.В.* Разрешение споров путем переговоров с участием посредника (медиация) // *Страховое право.* 2004. №1 (22). С. 10 ; *Мишутина Э.И.* Аксиологические основы примирения сторон // *Третейский суд.* 2010. №3. С. 25 ; *Эберг А., Пархоменко П.* Посредничество как эффективный инструмент разрешения споров // *Хозяйство и право.* 2008. №12. С. 80.

⁴ *Sander F.* Op.cit. P. 32.

системе страны. Процесс ее внедрения в юридическую практику обусловлен спецификой судебного правоприменения, когда правовые позиции судов определяют эталоны нормотворчества и выбор форм обеспечения законных интересов. Юридическая практика не исключает возможность для субъектов социально-экономических отношений самим выбирать варианты обеспечительных действий. Наиболее убедительно такой подход проявил себя в финансово-хозяйственной сфере, например, разрешение конфликта между компаниями «Роснефть» и «ЮКОС».

Ряд авторов предлагают называть эти способы «неформальными», или альтернативными юрисдикционным методами защиты интересов. Они являются дополнением к жестко регламентированным юридическим процедурам¹. По нашему мнению, формой осуществления права на самостоятельную защиту своих прав и законных интересов является неюрисдикционный процесс. Такая деятельность обеспечивает оперативное и малозатратное достижение цели в границах своего интереса. Именно неюрисдикционный процесс как один из приемов самозащиты не обременен формализмами и вмешательством со стороны государственных органов. Можно констатировать, что неюрисдикционные способы защиты и обеспечения законных интересов выступают одной из тенденций развития отечественной юридической науки и практики. При этом анализ истории развития Российского государства и права отражает практику применения негосударственных консенсуальных форм урегулирования конфликтов, начиная с времен становления отечественной государственности. Так, «популярность» доверительных форм в практике урегулирования конфликтов обнаруживает себя в отечественной истории еще до момента

¹ См.: Романенко М.А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 4.

пришествия варяг на Русь. На данном этапе эволюции государственной формы жизнедеятельности у восточных славян этот способ обеспечения законных интересов был ведущим¹.

Большое значение для уяснения процесса становления доверительных форм имеет исследование тенденций периода образования Киевской Руси². Особая роль в развитии неюрисдикционных мер обеспечения законных интересов принадлежала русскому купечеству. Именно в торговле применялись средства, основанные на доверии – это процедура предложения добрых услуг. Наибольшее распространение они получили на территориях, где такой вид деятельности являлся базовым промыслом развития всех видов хозяйственно-экономических связей. Однако с установлением княжеской власти появились первые профессиональные судьи, которые, наряду с неюрисдикционными методами, стали активно участвовать в разрешении споров³.

Немаловажную роль играли и совместные пиры князей, его поданных и народа, во время которых на основании положений о справедливости устранялись существующие противоречия⁴. Имели место мировые ряды, представлявшие собой полюбовное соглашение при участии послухов и

¹ См.: *Заозерский Н.А.* Духовное лицо в звании третейского судьи. СПб., 2013. С. 18.

² См.: *Петров И.В.* Государство и право Древней Руси (750–980 гг.). М., 2003. С. 271–290, 296 ; *Российское законодательство X–XX веков. Т.1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. В.Л. Янин.* М., 1984. С. 34.

³ См.: *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 16.

⁴ См.: *Власенко Н.А., Чернышева Т.В.* Примирение и право // *Журнал российского права.* 2012. № 7. С. 94.

рядцев, которые должны были относиться к числу добрых людей¹. Итогом их работы было достижение консенсуса противостоящими сторонами.

Средние века представляют период наибольшего распространения негосударственного урегулирования конфликтов². В том временном пространстве для малообеспеченных людей, крестьян доступность юрисдикционного разбирательства была практически сведена к нулю. Поэтому существенным показателем выступала степень доверия. На этой духовно-нравственной основе применялось нетрадиционное общинное разбирательство (суды старейшин, суд соседей, громада). Оно привлекало граждан больше, нежели государственные процессы.

Свидетельства Псковской судной грамоты 1467 г. указывают на существование суда братчины, который был прообразом товарищеского суда, функционировавшего в советский период³. До проведения судебной реформы 1864 г. в России имели место крестьянские обычные суды, основной задачей которых являлось примирение сторон. Состав такого суда формировался из представителей от каждой стороны и его решения имели общеобязательное значение для участников тяжбы⁴.

В дальнейшем, несмотря на набирающие обороты процессы централизации государственной власти, неюрисдикционные формы

¹ См.: Давыденко Д.Л. Мировой ряд – особый способ урегулирования споров в Новгородской Республике в XI - XV вв. // Третейский суд. 2011. № 3. С. 157 - 169.

² См.: Адамсон М.Л., Кириллов А.А., Колесницкий Н.Ф. История средних веков: учебник / под ред. Н.Ф. Колесницкого. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 419-457.

³ См.: Смыкалин А.С. Особенности судостроительства, судопроизводства и исполнения судебных решений в период феодальной раздробленности на Руси в XII – XIV вв. (на примере Новгорода и Пскова) // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 66.

⁴ См.: Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. СПб., 2003. С. 313 – 314, 317.

продолжают развиваться и совершенствоваться¹. Так, согласно Положению от 15 апреля 1831 г. «О третейском суде» получает широкое распространение третейское разбирательство как альтернатива государственному суду². В советский период происходит закрепление права в жесткой императивной форме – догме. Тем не менее, третейское разбирательство сохраняло за собой статус формы защиты и предполагало активное привлечение специалистов, мнение которых принималось во внимание участниками разбирательства по юридическому казусу.

На основе специально принятого Положения функционировали товарищеские суды, выражающие волю и доверие общественности³. Урегулирование конфликтов происходило не столько на основе права, сколько на основе норм морали⁴. В юридической литературе указывается на эффективность деятельности таких судов. К глубокому сожалению, неюрисдикционный процесс не получил должного практического применения и расширения сферы использования в силу нормативного догматизма.

В 90-е годы XX в. широкое распространение получили неформальные «криминальные суды». Они возникли в связи с неэффективной деятельностью судебных органов. Следует заметить, что в юридической

¹ См., например: *Волков А.Ф.* Торговые третейские суды: извлечения // *Гражданский процесс. Хрестоматия*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 740 – 741 ; *Новиков Е.Ю.* К вопросу о правовой природе третейского разбирательства // *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*. СПб., 2004. № 2. С. 308.

² См.: Положение «О третейском суде в Российской Империи», утвержденное Указом императора Николая I от 15 апреля 1831 г. // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе*. СПб., 1832. Т. VI. С. 309 - 310.

³ См.: Положение «О товарищеских судах и об общественных советах по работе товарищеских судов», утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. // *Ведомости Верховного Совета РСФСР*. 1977. №12. Ст. 254.

⁴ См.: *Малешин Д.Я.* Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С 335.

литературе серьезным образом обсуждались их преимущества перед судебной системой, в частности, отсутствие чиновничьей волокиты, гарантированность исполнения принятых решений и обязательств сторон¹.

Однако унаследованный от советского времени общий посыл тотального государственного контроля над всеми сферами общественной жизни способствовал укоренению в сознании людей следующей мировоззренческой установки: в случае возникновения конфликта, наиболее результативным и гарантированным будет обращение в юрисдикционный орган. Поэтому главенство формально-юридических источников в их безусловном смысле продлилось до конца XX – начала XXI в.

Современная правовая действительность Российской Федерации отличается ростом внимания к неюрисдикционным формам, увеличением доли их влияния. Одним из факторов развития приведенной тенденции выступает процесс вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию. Одним из обязательств, взятых на себя Россией, является внедрение неюрисдикционных форм обеспечения прав и законных интересов. Поэтому и происходит усиление статуса неформальных неюрисдикционных форм в структуре юридической практики².

По нашему мнению, неюрисдикционный процесс представлен как один из видов процессуальной деятельности по защите прав и свобод, обеспечению законных интересов. Такая юридически значимая деятельность осуществляется на основе косвенного правового воздействия и свободе волеизъявления субъектов социально-экономических отношений.

¹ См.: *Клеандров М.И.* Вид суда – третейский, разновидность – криминальный // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века: современное состояние и перспективы развития: межвузовский сборник научных трудов / ред. кол. В.В. Ярков (отв. ред.), М.А. Вукот и др. Екатеринбург, 2000. С. 102 - 107.

² См.: *Зенкин И.В.* Право Всемирной торговой организации. М., 2014. С. 92.

Посредством указанного процесса связь может устанавливаться между разными по уровню и правовому положению субъектами. Данное качество не исключает вероятность использования неюрисдикционного процесса государством в структуре международно-правовых отношений.

Приведенное свойство рассматриваемого феномена указывает на возможность его осуществления за пределами полномочий официальной юрисдикции, но в границах законного интереса, требований и принципов законности, юридически значимой деятельности и юридического факта. Именно эта специфика неюрисдикционного процесса позволяет его участникам обращаться за судебной защитой. В этой связи рассматриваемый феномен – это альтернативный путь обеспечения прав и законных интересов и преодоления конфликта.

В условиях неустойчивости современной российской социально-экономической действительности выбор неюрисдикционного процесса и его содержание определяется не только ее прошлой историей, но и строится в соответствии с новыми тенденциями развития правовой системы страны. Отмеченное качество позволяет рассматривать неюрисдикционный процесс как средство самоорганизации и правомерную поведенческую модель. Неюрисдикционный процесс обеспечивает локализацию дефектов правоприменительной практики через построение правомерных моделей поведения в границах принципа законности.

Понимание общих начал организации неюрисдикционного процесса имеет принципиальное значение для его внедрения в отечественную правовую систему моделирования рисков для субъектов социально-экономических отношений, имеющих разное положение в структуре этих связей. Поэтому он и базируется на общих свойствах, не изменяющихся при любых преобразованиях общественного строя. Указанная черта стимулирует участников неюрисдикционного процесса на самоорганизацию, которая позволяет в его рамках надлежащим образом

оперировать своими законными интересами с целью достижения желаемого и необходимого для сторон результата.

Приведенный анализ позволяет выделить следующие характерные черты неюрисдикционного процесса, которые в той или иной мере отражают причинно-следственную зависимость между субъектами права, обусловленную их законными интересами:

1. Самоорганизуемая деятельность субъектов права, базирующаяся на свободе волеизъявления сторон относительно защиты и обеспечения своих прав и законных интересов.

Самоорганизация неюрисдикционного процесса основана на нормах, позволяющих субъектам права осуществлять деятельность по организации альтернативных вариантов защиты и обеспечения прав и интересов. Такой процесс представляет собой независимый инструмент гарантированности прав и законных интересов в механизме обеспечения. В условиях свободного рынка при помощи такой самоорганизуемой модели создаются необходимые условия для реализации интересов соответствующих субъектов права, минимизации издержек и максимизации выгоды.

2. Саморегулируемая модель действий субъектов права.

Последние, в свою очередь, руководствуясь принципами свободы волеизъявления и законности в процессе достижения консенсуса, могут самостоятельно вырабатывать алгоритм поведения в границах своего интереса, принимать решение, удовлетворяющее интересы сторон¹. К тому же они могут изменять общие параметры достигнутого соглашения по обеспечению и защите прав и законных интересов. Принятое в итоге решение будет носить характер поднормативности. Поэтому процесс осуществления соответствующими субъектами неюрисдикционной

¹ См. ст. 1, 5, 6-10, 12, 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.).

деятельности не противоречит положениям действующего законодательства.

3. Не менее двух субъектов, вовлеченных в осуществление неюрисдикционного процесса, выступающих носителями субъективных прав, законных интересов и юридических обязанностей.

Именно эти формальные источники определяют условия и порядок протекания неюрисдикционного процесса. На этой основе и происходит самостимулирование выбора субъектами права конкретной формы обеспечения жизненных потребностей. Единство интереса, прав и свобод служит критерием дифференциации субъектов права на непосредственных участников, лиц, содействующих его осуществлению (например, арбитры, медиаторы, посредники), и представителей. Непосредственными субъектами неюрисдикционного процесса могут выступать лица, которые смогли достигнуть определенного уровня согласия на использование неюрисдикционной формы. При помощи своей сознательно-волевой деятельности они определяют характер возникающих в пределах рассматриваемого процесса отношений как дозвоительно-консенсуальный.

4. Юридически значимая деятельность сторон по обеспечению прав и законных интересов как базовый компонент неюрисдикционного процесса.

Стороны неюрисдикционного процесса свободны в деятельности по распоряжению своими правомочиями, в выборе порядка их обеспечения посредством согласования интересов, достижения компромисса и т.д. Консенсус оформляется письменным или устным соглашением и базируется на доверии сторон. Поэтому поведение сторон указанного процесса не может выходить за пределы интереса, объявленного в качестве объекта неюрисдикционного процесса, и обязательств, взятых на себя сторонами, и нарушать интересы третьих лиц.

5. Свобода волеизъявления по выбору неюрисдикционного процесса¹.

Этот признак выражается в свободе выбора субъектами форм защиты и обеспечения своих прав и законных интересов. К тому же исходящие из содержания интересов цели и мотивы поведения участников в единстве с правами и обязанностями задают стандарты реализации неюрисдикционного процесса в правоприменительной практике. Сознательно-волевой характер неюрисдикционного процесса объективно предполагает соответствующий набор способов защиты и обеспечения прав, свобод и законных интересов.

6. Косвенное правовое регулирование неюрисдикционного процесса.

Такое свойство отражает производный характер анализируемого феномена от интересов и право на свободу выбора договаривающимися сторонами вариантов поведения в границах принципов законности. Здесь норма права представляет собой гарантию законности применения рассматриваемого процесса, а ее воздействие на урегулирование отношений будет косвенным.

7. Неюрисдикционная деятельность представляет собой длящийся акт, дифференцированный на соответствующие стадии.

Количество стадий зависит от содержания интересов, выбора процедуры их согласования, количества субъектов и других аспектов. Поэтому реализация устремлений, потребностей и интересов происходит в результате осуществления последовательных действий, сменяемых одно другим. Итог такой деятельности выражается в достижении конкретного уровня согласования воли и целей в пределах заявленного интереса. Полученный результат отражает динамику воли и интересов участников

¹См. ч.1 п.1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.).

процесса. К тому же неюрисдикционный процесс может быть завершен на любой стадии его сторонами по взаимному согласию. В этой связи их действия не обладают свойством оспоримости, что является существенным признаком исследуемого явления. Поэтому, с одной стороны, указанный процесс выражает баланс потребностей его сторон. С другой стороны, субъекты неюрисдикционного процесса, оказывая при реализации законных интересов содействие друг другу, предупреждают посягательство третьих лиц на уже согласованные позиции по обеспечению прав и законных интересов. Способы содействия могут быть оговорены сторонами этого процесса.

8. Неюрисдикционный процесс представляет собой форму деятельности своих сторон, не нарушающих интересы третьих лиц.

Здесь интерес наряду с правами выступает определяющим основанием оценки их поведения. Если кто-то из сторон не исполняет принятые на себя обязательства, неюрисдикционный процесс может трансформироваться в юрисдикционную форму обеспечения.

9. Негосударственный характер осуществления юридически значимой деятельности.

Субъекты указанного процесса самостоятельно без участия органов государственной власти принимают решение о начале разрешения конфликта, оговаривают процедуры и способы осуществления такой юридически значимой деятельности в границах принципа законности и действующего законодательства, с помощью или без лиц, содействующих указанному процессу, достигают консенсуса по существующей проблеме и обеспечивают его исполнение на основе принципов добровольности и добропорядочности. При этом сама процедура обременения будет осуществлена в границах согласования содержания интересов, обеспечиваемых посредством неюрисдикционного процесса.

10. Неюрисдикционный процесс представляют собой один из важнейших инструментов механизма обеспечения законных интересов.

Исходя из анализа перечисленных признаков, неюрисдикционный процесс можно определить как обусловленную закономерностями развития окружающей действительности и основанную на требованиях законности самоорганизуемую правомерную поведенческую модель субъектов права, юридически значимая деятельность которых направлена на защиту и обеспечение прав и законных интересов путем достижения компромисса или соглашения.

Важным свойством, определяющим природу неюрисдикционного процесса, выступает его структура. В частности, можно выделить следующие ее элементы:

1. Субъекты неюрисдикционного процесса (договаривающиеся стороны) – физические и юридические лица. В указанном процессе могут принимать участие лица, содействующие его осуществлению, например, посредник, медиатор, арбитр и т.п.

2. Объект неюрисдикционного процесса – материальные и духовные блага, выраженные в правах и законных интересах. Под правом понимается субъективное право конкретного субъекта¹. В качестве законного интереса обычно понимают:

ещё не оформленный субъективным правом интерес (например, возникает на стадии заключения договора);

интерес, когда само субъективное право перестает существовать (например, при уничтожении вещи исчезает и право собственности на нее);

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

интерес, не оформленный в виде субъективного права, но прямо защищаемый действующим законодательством;

интерес, возникающий в случае противозаконного возложения обязанностей на субъекта.

3. Принципы неюрисдикционного процесса, а именно общие принципы права – справедливость; законность; самоорганизованность; свобода воли; разрешено все, что не запрещено законодательством; добровольность; равноправие и сотрудничество сторон; конфиденциальность и другие. Они определяют специфику юридически значимой деятельности в рамках неюрисдикционного процесса. Этот функциональный потенциал позволяет рассматривать перечисленные начала еще и в качестве нормативного основания выбора альтернативной формы обеспечения субъектами права своих законных интересов.

4. Неюрисдикционные процедуры – это оговоренные субъектами права правила, определяющие условия и порядок проведения неюрисдикционного процесса: консультации, добрые услуги, согласительная процедура¹, переговоры, посредничество, медиация, арбитраж, претензионный порядок и т.п.

5. Способы и приемы осуществления неюрисдикционного процесса (прекращение либо изменение отношений, признание права, возмещение убытков, самозащита прав²).

6. Юридически значимая деятельность носителей интересов, разделенная на стадии. Она принадлежит к материальным источникам

¹ См.: «Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации» [рус., англ.] (вместе с «Многосторонними соглашениями по торговле товарами») (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.).

² См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. СПС «КонсультантПлюс»: URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.06.2016).

самоорганизации неюрисдикционного процесса. Деятельность субъектов права раскрывает не только специфику их поведения, но и условия реализации неюрисдикционного процесса через достигнутый участниками консенсус в вопросе обеспечения своих законных интересов. Именно в этом качестве в юридически значимой деятельности проявляется самостоятельная роль неюрисдикционного процесса как гарантии осуществления прав и свобод соответствующих субъектов.

Консенсус предполагает совершение юридически значимой деятельности в определенной последовательности и порядке. Поэтому можно утверждать, что неюрисдикционный процесс осуществляется по соответствующим стадиям, каждой из которых присущи конкретные способы.

Первая стадия – подготовка к проведению процесса урегулирования юридического казуса. В ее пределах определяются цели, предоставляется и анализируется необходимая информация по возникшему казусу, выясняются позиции сторон, на основе чего устанавливается координирующий подход к делу, избираются процедуры и способы осуществления неюрисдикционного процесса.

Вторая стадия заключается в непосредственном урегулировании конфликта по правилам и порядку избранной процедуры. В ходе ее осуществления происходит выбор обеспечительных мер в своем законном интересе путем обмена мнениями сторон, согласование интересов, выработка совместного решения.

Третья стадия выражается в принятии решения в письменной или устной форме. Здесь определяются сроки и способы выполнения достигнутых договоренностей, фиксируются механизмы контроля за исполнением.

Четвертая стадия – исполнение достигнутых договоренностей.

Для каждой из стадий характерны: совокупность согласованных действий и конкретная цель. Количество и характер стадий могут отличаться. Они определяются выбором процедур и способов его осуществления.

Исходя из приведенных положений, можно назвать следующий фактор в характеристике неюрисдикционного процесса как самостоятельного правового явления – это определенность его структурных элементов и форм их проявления через юридически значимую деятельность. Именно указанное качество служит необходимым условием для фиксации юридической природы рассматриваемого феномена. Такой эффект достигается за счет того, что структура обеспечивает возможность установления внутренних содержательных и внешних (через механизм обеспечения интересов) зависимостей.

В частности, субъекты неюрисдикционного процесса выступают носителями и представителями не только интересов, но и полномочий на осуществление юридически значимой деятельности в соответствии с дозволительными процедурами и в пределах общих принципов права. Действия участников процесса обусловлены интересами и направлены на удовлетворение потребностей путем распределения, перераспределения или получения материальных и духовных благ. Достижение такого результата за пределами прямого правового регулирования возможно на основании консенсуса в структуре обязательств, взятых на себя сторонами неюрисдикционного процесса.

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, наличие как юрисдикционной, так и неюрисдикционной формы защиты и обеспечения прав и законных интересов, соответствует современным тенденциям развития правовой системы и юридической

практики в России¹. При этом юрисдикционная форма может быть осуществлена только государственным органом – судебным либо административным, она предполагает применение обеспечительных мер, предусмотренных действующим законодательством. В свою очередь, неюрисдикционная – осуществляется субъектами права самостоятельно при возможном участии лиц, содействующих разбирательству в границах принципов и норм права, установленных государством и разрешающих использование нетрадиционных форм урегулирования юридических казусов. Иными словами, неюрисдикционный процесс предполагает: применение мер оперативного воздействия, использование самозащиты, осуществление действий, направленных на урегулирование конфликта.

Во-вторых, неюрисдикционный процесс является поведенческой моделью соответствующих субъектов права, которая основывается на свободе волеизъявления в пределах самоорганизации, саморегулирования и косвенном правовом упорядочении. Ввиду того, что рассматриваемый феномен не получил прямого законодательного закрепления, для него процессуальной формой будут служить субъектно-объектные зависимости, выраженные в отношениях участников этого процесса по согласованию своих законных интересов, цель которых состоит в достижении компромисса. Он определяет перспективы и процедуры по обеспечению законных интересов субъектами права.

В-третьих, неюрисдикционный процесс может быть рассмотрен в качестве одного из оснований применения юридических процедур обеспечения законных интересов в силу гарантированного права на судебную защиту. Эти качества он приобретает в случае его признания

¹ См.: Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // ИПП «ГАРАНТ.РУ»: информационно-правовой портал: <http://base.garant.ru/12176781/> (дата обращения: 15.04.2015).

фактом, имеющим значение для обеспечения законных интересов и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Сформулированные выводы и допущения находят свое подтверждение в анализе функций неюрисдикционного процесса. Именно его функциональный потенциал позволяет установить и зафиксировать место и роль исследуемого процесса в системе категорий правоведения и механизме обеспечения прав и законных интересов. Кроме того, функции служат основаниями легализации данного процесса в правовой системе Российской Федерации.

1.4. Функции неюрисдикционного процесса

Большую методологическую и практическую роль в раскрытии природы неюрисдикционного процесса играют функции. Почему? Дело в том, что функции выражают зависимости различной степени сложности в системе общественных отношений с дифференцируемым субъектным составом и юридической практикой. Следовательно, изучение сущности и назначения неюрисдикционного процесса, раскрытие его связей и динамики проявления в юридической практике невозможно без уяснения его функций. Раскрытие функциональных значений неюрисдикционного процесса способствует выявлению его места и роли в системе понятий правоведения и эффективности его реализации на практике¹. В этой связи важное методологическое значение принадлежит общей характеристике категории «функция».

¹ См., например: *Корельский В.М.* Общая теория социалистического государства: учебное пособие / под ред. А.Ф Черданцева. Свердловск, 1970. С. 108 ; *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 192-193 ; *Радько Т.Н.* Теория функций права. М., 2015. С. 5-11, 37-46.

Впервые в научный оборот указанная конструкция была введена в XVII в. известным математиком Г. В. Лейбницем. Он считал, что функция выражает взаимную зависимость между переменными одного или нескольких множеств и определяет значение анализируемых явлений¹. Затем эту категорию начали использовать и иные науки. К примеру биологические науки рассматривают функцию как деятельность живых организмов². В социологии функция – роль, которую играют в общественной жизни социальные институты по отношению к целой системе³. Филология интерпретирует функцию через назначение языковой единицы⁴.

Философская трактовка представляет функцию как внешнее проявление характеристик и свойств того или иного объекта в конкретной системе отношений; связь между двумя и более объектами, определяющая, что изменение качественных характеристик одного из них влечет за собой изменение качественных характеристик другого, при этом второй объект понимается как функция первого. Таким образом, в философском смысле функция – воздействие веществ, предметов явлений на другие вещества, предметы и явления⁵.

¹ См.: *Медведев Е.В.* Понятие функции права // Вопросы правоведения. 2011. №3. С. 23-37.

² См., например: *Розин В.М.* Методологические проблемы биологии и возможные пути их решения // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция) / ред. О.Е. Баксанский. М., 2001. С. 94.

³ См., например: *Богачева О.* Социальные функции // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 36-38.

⁴ См., например: *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975. С. 76.

⁵ См.: *Тугаринов В.П.* Философия сознания (современные вопросы). М., 1971. С. 171.

В юридической науке функция продолжительное время была не востребована. Это объясняется тем, что она представлялась как деятельность органических систем и биологических организмов¹. Новатором применения этого понятия в юриспруденции стал А.Ф. Моджевский. Однако уже в XX в. функция начинает активно внедряться во все сферы правовой реальности и превращается в одну из фундаментальных категорий². Ее термино-лексический анализ указывает на осуществление какой-либо деятельности, исполнение работы. Речь идет о внешнем проявлении признаков феномена в системе отношений. Данное качество обеспечивает использование функции в характеристике любых динамичных систем³. Дело в том, что все основные свойства того или иного правового явления в юридической практике реализуются через действие (воздействие)⁴. Следовательно, функция может быть применена для изучения свойств связей, возникающих между элементами структуры конкретных явлений. Анализ юридической литературы по указанной тематике подтверждает этот вывод. Таким образом, функции различных правовых явлений зачастую формируют основные направления воздействия на реальную действительность, отражающие их сущность и закономерности развития. Однако существуют и иные точки зрения. Функцию определяют: через социальное предназначение правового института⁵; через цели и задачи той или иной деятельности¹; через прямое

¹ См.: Палазян А.С. Проблема функций в истории западноевропейской правовой мысли // История государства и права. 2008. № 9. С. 39.

² См., например: Правовая мысль: антология / авт.-сост. В.П.Малахов. М., 2003. С. 155.

³ См.: Современный словарь иностранных слов: около 20000 слов / ред. Л.Н. Комарова. 3-е изд., стер. М., 2000. С. 666.

⁴ См.: Онищенко Н.М. Правовая система: проблемы теории. М., 2002. С. 49.

⁵ См.: Самощенко И.С. Правовые формы осуществления функций Советского государства // О научном единстве проблем общей теории права и трудового права.

назначение правового явления²; через целеустремленное действие, имеющее разную степень интенсивности³; через средство познания различных правовых явлений⁴ и т.п.

Приведенные интерпретации данной категории содержат общую посылку – это зависимость и воздействие. Они позволяют утверждать, что деятельность отражает прямую зависимость между содержанием и задачами, которые решаются при помощи функций. Таким образом, взаимосвязь и взаимозависимость являются ее базовыми компонентами и определяют ее сущность. Поэтому функция – это средство выражения зависимости между различными явлениями и процессами. Эта взаимосвязь может быть как явной, так и скрытой⁵. Данное качество имеет важное гносеологическое и практическое значение для фиксации «статуса» неюрисдикционного процесса в правоведении.

По нашему мнению, функции неюрисдикционного процесса можно определить как обусловленные целями и задачами по обеспечению прав и законных интересов направления юридически значимой деятельности по удовлетворению потребностей в рамках механизма защиты и обеспечения

Труды ВЮЗИ. Т. 56: о научном единстве проблем общей теории права и трудового права / отв. ред. В. С. Андреев, А. М. Васильев. М., 1978. С. 21.

¹ См.: Гурней Б. Введение в науку управления / пер. с фр. Г.С. Яковлев ; ред. М.И. Пискотин. М., 1969. С. 35.

² См., например: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 78.

³ См., например: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1989. С. 123 ; Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород, 1995. С. 21-34.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

⁵ См.: Абрамов А.И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права / под общ. ред. В.М. Ведяхина. Самара, 2008. С. 36.

прав и законных интересов. Иными словами, функция выражает зависимость между интересами и мотивированным правомерным поведением участников процесса для получения жизненно необходимых материальных и духовных благ на основании взаимовыгодного консенсуального соглашения.

Следовательно, функции неюрисдикционного процесса целесообразно рассматривать как инструмент его легализации в юридической практике. На наш взгляд, посредством функций неюрисдикционный процесс вводится в систему социально-экономических отношений для решения конкретных задач. В этом случае проявляется его динамика, обозначаются роль и место в механизме обеспечения прав и законных интересов.

Согласно представлениям Р. Мертон¹ функции любых правовых категорий и явлений должны отвечать требованиям соответствующих постулатов¹. Данное суждение справедливо и относительно функций неюрисдикционного процесса:

1. Система функций отражает зависимости научного и эмпирического уровня использования неюрисдикционного процесса и фиксирует практический потенциал в обеспечении прав и законных интересов.

2. Значение функций проявляется через содержание связей участников неюрисдикционного процесса, выраженных посредством их деятельности по защите и обеспечению своих прав, свобод и законных интересов.

3. Функции неюрисдикционного процесса выражают субъектно-объектные системообразующие связи. При этом они выступают в качестве одного из характеризующих его содержание компонентов. Помимо них,

¹ См.: Мертон Р. Указ. раб. М., 2006. С. 73.

можно выделить, например, цели и задачи. Такой ряд указывает на возможность более точного уяснения динамики воздействия неюрисдикционного процесса на всю правовую систему и юридическую практику.

Таким образом, функции неюрисдикционного процесса характеризуются следующими основными положениями:

- 1) выражают содержание рассматриваемого процесса;
- 2) формируются на основании целей и задач, которые стоят перед участниками неюрисдикционного процесса;
- 3) представляют собой направления осуществления юридически значимой деятельности;
- 4) единство функций неюрисдикционного процесса отражает пространственно-временные пределы его применения по обеспечению законных интересов;
- 5) реализуются посредством рационального поведения субъектов права.

Исходя из анализа положений общей теории права, можно прийти к выводу, что назначение неюрисдикционного процесса проявляется посредством функций. Они обеспечивают достижение целей и решение задач, стоящих перед участниками этой юридически значимой деятельности. Поэтому выдвижение и постановка конкретных целей и задач служит одной из предпосылок для избрания указанного процесса в качестве инструмента по обеспечению прав и законных интересов. Это утверждение доказывается тем фактом, что функции задают четкие параметры поведения и интересов субъектов права¹.

¹ См., например: *Лафта Дж.К.* Теория организации: учебное пособие. М., 2005. С. 26 – 27 ; *Малько А. В., Шундилов К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 94.

Несмотря на то, что «функция», «цель», «задачи» являются довольно-таки близкими по значению категориями, тем не менее, они не тождественны. Выяснение характера соотношения между ними – одна из задач установления природы исследуемого феномена. Ее решение способствует уточнению поведенческих установок, реализуемых посредством неюрисдикционного процесса. Более того, точность в поставленном вопросе: «функция – цель – задача» служит условием для выбора вариантов действия участников указанного процесса.

В этимологии цель – это то, что нужно достичь. Диалектика видит в цели предвосхищение ожидаемого результата посредством осуществления конкретной деятельности¹. В правоведении цель рассматривается в качестве категории, обладающей субъективно-объективной природой². Иными словами, цели любой деятельности определяются современным состоянием окружающей действительности и возможностями обеспечить законные интересы субъектами неюрисдикционного процесса. Следовательно, их постановка – необходимое условие его применения.

С другой стороны, цель – категория субъективная, так как она формируется в сознании человека и может быть достигнута только в случае осуществления им соответствующей деятельности. Для выявления сути неюрисдикционного процесса приведенная позиция имеет принципиальное практическое значение. Дело в том, что в ходе постановки целей участники неюрисдикционного процесса прогнозируют последствия их достижения, планируют результаты данной деятельности, и только после этих операций претворяют в жизнь законные интересы.

¹ См.: Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. / под ред. С.И. Ожегова. М., 1999. С. 763.

² См., например: *Тарбагаев А.Н.* Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. С. 79.

В этой связи цель неюрисдикционного процесса – достижение посредством осуществления юридически значимой деятельности желательного для всех его участников паритета прав и законных интересов. Неюрисдикционный процесс опосредует целерациональный и функциональный характер зависимости, которая возникает между его участниками.

В системе социально-экономических отношений между целями и функциями исследуемого процесса могут прослеживаться связи двоякого характера – как с положительным, так и с отрицательным эффектом реализации юридически значимой деятельности как для всех участников неюрисдикционного процесса, так и для отдельных его субъектов¹. Такой результат обусловлен неоднозначной юридической природой рассматриваемого феномена и неопределенными последствиями отказа от юрисдикционных форм защиты прав и законных интересов.

Поэтому можно утверждать, что функции и юридически значимая деятельность выражают две стороны неюрисдикционного процесса – внешнюю и внутреннюю. В этом смысле их нельзя отождествлять. Они являются его самостоятельными аспектами. Внутренний уровень отражает связь между структурными элементами указанной поведенческой модели, к примеру, между юридически значимой деятельностью и правами и свободами субъектов права. Соответственно задачи, стоящие перед субъектами, решаются посредством осуществления юридически значимой деятельности. Поэтому их нельзя смешивать с функциями, которые определяются внешним характером зависимостей и фиксируют место и роль правового явления, например, в механизме обеспечения прав и законных интересов.

¹ См.: *Сунгатуллина Л.А.* Функции саморегулируемых организаций // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156, кн. 4. С. 118 – 129.

С учетом изложенного можно выделить следующие основные задачи неюрисдикционного процесса:

1. Негосударственное урегулирование юридических казусов в пределах принципа законности и норм действующего законодательства.
2. Охрана и защита прав и законных интересов субъектов неюрисдикционного процесса.
3. Оперативное разрешение конфликта.
4. Урегулирование споров в пределах оговоренных сторонами правил и процедур.
5. Развитие этики делового оборота, направленной на совершенствование партнерских отношений между договаривающимися сторонами.

Таким образом, функции, цели и задачи находятся в тесной взаимосвязи и представляют собой звенья одной цепи механизма осуществления неюрисдикционного процесса и отдельно друг от друга не могут быть реализованы. Они составляют внутреннее содержание исследуемого явления, которое обусловлено его принципами, и претворяются в жизнь через действие субъектов права¹. Такое положение обосновывается построением данных структурных элементов по принципу от частного к общему, когда первоначально будет поставлена цель, которая может быть достигнута при условии решения намеченных задач посредством осуществления функций неюрисдикционного процесса.

Классификация функций выступает одним из факторов выявления природы данного процесса. В качестве оснований таковой могут выступить цели и содержание юридически значимой деятельности. Учитывая изложенное, можно назвать следующие виды функций:

¹ См.: *Ергашев Е.Р.* Принципы правового института надзора за исполнением законодательства при исполнении мер принудительного характера, назначаемых судом // Российский судья. 2007. № 12. С. 44-47.

1. Обеспечительная функция неюрисдикционного процесса.

Она включает в себя два элемента: охрану и защиту, что олицетворяет соответствующие направления деятельности по охране и защите прав и законных интересов¹.

Охрана как компонент обеспечительной функции заключается во взаимном стремлении его участников предупредить посягательства третьих лиц на свои законные интересы, материальные и духовные блага. Тем самым неюрисдикционный процесс приобретает востребованность в среде субъектов социально-экономических отношений как обеспечительная мера по предупреждению нарушений прав и законных интересов соответствующих субъектов, на устранение причин таких нарушений. Защита решает задачу пресечения как противоправной деятельности субъектов права, так и правомерного прямого посягательства на законные интересы сторон неюрисдикционного процесса через получение определенных преимуществ в доступе к ресурсам.

Формой осуществления обеспечительной функции неюрисдикционного процесса выступает право на самозащиту, представляющее собой самостоятельное нормативное основание легализации исследуемого процесса в механизме обеспечения законных интересов. Оно открывает возможность его использования в единстве с принципом свободы волеизъявления субъектов права в своем интересе.

Следовательно, обеспечительная функция – это материальная основа, а перечисленные предписания – формальные источники легализации неюрисдикционного процесса. Приведенное правовое предписание обеспечивает возможность осуществления самозащиты, предлагает

¹ См.: *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1996. С. 86.

субъекту ряд способов этой самозащиты, зафиксированных в отраслевом законодательстве, и очерчивает рамки осуществления права на самозащиту.

2. Функция саморегулирования выражается в принятии субъектами права обязательств по реализации законных интересов в форме неюрисдикционного процесса.

Задача функции саморегулирования – согласование порядка организации и осуществления неюрисдикционного процесса на основании принципов законности и свободы волеизъявления¹. Таким образом, в процессе его осуществления достигаются саморегулирование отношений и координация действий. Формой осуществления этой функции является консенсус по основным параметрам совершения юридически значимой деятельности и достижения приоритета в обеспечении своих законных интересов, то есть происходит урегулирование конфликта на индивидуальном уровне.

Таким образом, она проявляет себя в момент заключения соглашения, которое является результатом этой юридически значимой деятельности, когда стороны посредством достижения определенных договоренностей в сложившейся ситуации определяют взаимные права и обязанности, а также в момент исполнения достигнутых договоренностей, когда требуется совместная координация действий договаривающихся сторон неюрисдикционного процесса при исполнении обязательств. Поэтому указанный процесс как саморегулируемая правомерная, поведенческая модель выражает интересы и обеспечивает возможность прогнозирования положительного результата. В данном случае стороны свободны при

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.).

выборе форм своего волеизъявления, что подтверждает вывод о его саморегулируемой природе¹.

3. Восстановительная функция неюрисдикционного процесса.

Эта функция занимает центральное место в механизме обеспечения законных интересов договаривающихся сторон, так как решает задачу достижения первоначального фактического состояния прав, свобод и законных интересов субъектов права и создания реальных предпосылок для преодоления коллизий между участниками неюрисдикционного процесса.

Содержанием восстановительной функции является применение исследуемого процесса для разрешения возникшего казуса в связи с обеспечением законных интересов. Формой осуществления этой функции является соглашение его участников о проведении согласованных действий в границах неюрисдикционного процесса по определению обеспечительных мер и их применение через механизм обеспечения законных интересов.

4. Стимулирующая функция неюрисдикционного процесса.

Задача этой функции – выбор неюрисдикционного процесса в качестве основного средства по обеспечению прав и законных интересов. Она побуждает договаривающиеся стороны к сотрудничеству, законопослушному поведению в целях достижения благоприятных условий удовлетворения своих потребностей и наиболее эффективного обеспечения законных интересов.

Необходимость выделения стимулирующей функции неюрисдикционного процесса детерминируется рядом факторов, например, реалии современного мира требуют оперативного сопровождения процессов перемещения товаров, капиталов, услуг, технологий с целью

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.).

достижения желаемого результата с наименьшими издержками. Однако жесткость требований юридических предписаний служит препятствием для решения поставленных задач, что является нарушением осуществления концепции трансграничности в отношениях различных субъектов. Эти обстоятельства побуждают субъектов социально-экономических отношений искать наиболее выгодные формы сотрудничества, каковой является форма неюрисдикционная.

5. Воспитательная функция неюрисдикционного процесса.

Посредством неюрисдикционного процесса происходит воспроизводство новых целевых установок лиц, участвующих в такой юридически значимой деятельности. Это ориентирует их на поиск наиболее приемлемых для них способов обеспечения интересов и выхода из конфликтной ситуации посредством достижения консенсуса и взаимных уступок¹. Поэтому содержание воздействия на поведение сторон направлено на формирование добросовестного взаимодействия субъектов права по обеспечению прав и законных интересов.

В то же время воспитательная функция неюрисдикционного процесса ориентирует участников на соблюдение достигнутых договоренностей и добросовестного взаимодействия субъектов права в ходе реализации своих прав и законных интересов. Таким образом, она представляет собой реализацию двуединого процесса – это формирование установки и ориентации на использование нравственно-правового инструментария для преодоления конфликта и уважение интересов и требований противоположной стороны.

6. Информационная функция неюрисдикционного процесса

содержит сведения о возможностях урегулирования конфликта

¹ См., например: *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. С. 20 ; *Рожкова М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006. С.12 ; *Романенко М.А.* Указ. раб. С. 4 и др.

посредством осуществления неюрисдикционного процесса, поскольку обладание полной информацией позволяет анализировать сложившуюся ситуацию и прогнозировать последствия выбора неюрисдикционного процесса в качестве обеспечительной меры своих интересов. В современных условиях значение информационной функции стремительно растет.

7. Мотивационная функция направлена на формирование правомерного поведения у участников неюрисдикционного процесса. На основании полученной информации о состоянии интересов ставятся цели и формируются мотивационные факторы выбора неюрисдикционного процесса в качестве формы осуществления законных интересов. Мотивы – это источник самоорганизации носителей интересов.

На основании изложенного можно прийти к следующему заключению:

1. Современная правовая действительность характеризуется тем, что все правовые явления тесно взаимосвязаны друг с другом. Такая связь достигается посредством осуществления ими своих функций.

2. Функции неюрисдикционного процесса представляют собой обусловленные целями и задачами по обеспечению прав и законных интересов направления юридически значимой деятельности по удовлетворению потребностей в рамках механизма защиты и обеспечения прав и законных интересов.

3. Взятые в совокупности функции неюрисдикционного процесса позволяют более точно раскрыть его юридическую природу как правомерной поведенческой модели и определить его место в механизме обеспечения прав и законных интересов. В них раскрываются имманентные свойства неюрисдикционного процесса, происходящие ввиду его качественной самостоятельности как специфического правового феномена.

4. Функции неюрисдикционного процесса отражают его преобразующую роль в правовой действительности. Они реализуются через поведение договаривающихся сторон. Функциональная характеристика неюрисдикционного процесса отражает его сущность и социальное назначение, дает целостное представление о месте и роли, которое он занимает в механизме обеспечения прав и законных интересов.

Данные выводы находят свое подтверждение в материальных и формальных источниках легализации неюрисдикционного процесса. Его реализация проходит через соответствующие правовые режимы. В единстве с нормативными основаниями они фиксируют пределы и содержание юридически значимой деятельности носителей интересов и юридические последствия для сторон, выбравших неюрисдикционный процесс в качестве обеспечительной меры своих интересов.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА

2.1. Нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса

Правовая система современного российского государства характеризуется наличием противоречивых изменений. Последние, в свою очередь, получают неоднозначную оценку со стороны ученых и практиков. Такая ситуация в политико-юридической сфере обусловлена процессами глобализации и регионализации социально-экономических связей, стимулирующими разнонаправленность развития юридической практики.

Одним из проявлений отмеченной тенденции выступает универсализация правового инструментария, применение нетрадиционных форм осуществления прав и свобод. Данный фактор способствует преодолению негативных сторон бюрократизма с помощью использования альтернативных методов обеспечения законных интересов, к которым относится неюрисдикционный процесс. Именно он имеет преимущества перед классическими процессуальными формами, например, судебной защитой и т.п.

Указанный инструмент выбирается субъектами права с целью быстрого и эффективного решения конкретных задач, юридических казусов и иных вопросов. Отмеченные обстоятельства делают его наиболее привлекательной формой защиты и обеспечения прав и законных интересов. Именно поэтому его все чаще используют в качестве инструмента механизма обеспечения прав и законных интересов субъектов. В большей мере приведенное положение соответствует международно-правовой практике в сфере финансово-хозяйственных отношений. В этой связи теоретическое и эмпирическое осмысление нормативных оснований

легализации неюрисдикционного процесса имеет большое значение для юридической практики. Именно анализ нормативных предписаний и правоприменения позволяет установить особенности режима возможного использования неюрисдикционного процесса в качестве инструмента защиты и обеспечения прав, свобод и законных интересов.

Важность комплексного изучения нормативных оснований этого феномена обусловлена отсутствием его прямого закрепления в законодательстве и правового регулирования поведения участников указанного процесса. Вместе с тем в отдельных правовых актах содержатся позиции компетентных органов, которые косвенно допускают использование нетрадиционных процессуальных форм, например, право на самозащиту; действия субъектов права в границах свободы воли в своем интересе; все, что не запрещено законом, разрешено и др.

Кроме того, анализ таких источников легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе имеет и методологическое значение. Выявленные нормативные основания, допускающие возможность внедрения неюрисдикционного процесса, выражают одну из закономерностей развития правоведения – взаимосвязь теории и практики. Указанное положение оправдывает выбор в качестве мировоззренческих оснований юридического позитивизма и структурного функционализма. Такой подход предполагает:

выявление юридических оснований легализации неюрисдикционного процесса;

формулирование функционального и понятийного рядов неюрисдикционного процесса;

определение границ использования указанного феномена и способов его возможной формализации.

В этой связи легализация неюрисдикционного процесса в правовой системе страны требует учета следующих ее особенностей:

во-первых, отсутствия универсальной концепции исследуемого феномена;

во-вторых, влияния международного права на российскую правовую систему;

в-третьих, изучения процесса диверсификации базовых принципов определенности и общеобязательности и его воздействия на неюрисдикционный процесс;

в-четвертых, конвергенционного характера протекающих в правовой реальности процессов;

в-пятых, увеличения значения материальных факторов и снижения роли формально-юридических на практике;

в-шестых, активного продвижения концепции саморегулирования в правовой системе России.

Последнее положение находит свое подтверждение в принятых государством различных концепциях развития и совершенствования институтов гражданского общества:

Указе Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003 – 2004 годах» – признание развития системы саморегулирования в качестве приоритетного направления¹;

Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах, одобренной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р – разработка и принятие нормативных правовых актов Российской Федерации, упраздняющих избыточные и дублирующие функции, осуществляемые органами исполнительной власти. Эти акты позволяют передавать ряд государственных функций саморегулируемым организациям и создавать

¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3046.

механизмы, предотвращающие появление новых избыточных функций у органов исполнительной власти¹;

Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р – развитие взаимодействия государства, частного бизнеса и общества, ориентированного на создание условий для свободы предпринимательства и конкуренции, а также на развитие механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества²;

Концепции совершенствования механизмов саморегулирования, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 2776-р³.

Одним из фундаментальных нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса выступает Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. 3 июля 2016 г.)⁴. В рамках законности он обеспечивает свободу выбора форм определения отношений, возникающих между субъектами права на основе принципов самоорганизации и саморегулирования. Приведенные начала составляют мировоззренческие и эмпирические основания для выбора

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах» (в ред. от 9 февраля 2008 г. № 157-р) // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720 ; 2008. № 7. Ст. 633

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 2776-р «О концепции совершенствования механизмов саморегулирования» // СЗ РФ. 2016. № 2 (часть II). Ст. 458.

⁴ См.: СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076 ; 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4225.

неюрисдикционного процесса по обеспечению прав и законных интересов и преодолению конфликтных ситуаций. В этой связи важно проанализировать условия и преимущества действия принципа саморегулирования для развития неюрисдикционного процесса.

Развитие механизмов саморегулирования создает условия для:

- 1) обеспечения высокого уровня представительства на рынке профессионалов, которые в диалоге с властью решают вопросы защиты своих интересов и прав, а с потребителями – вопросы защиты их прав;
- 2) персонификации наиболее авторитетных и компетентных, по мнению представителей рынка, участников;
- 3) комплексного решения задач по формированию института квалифицированного диалога, оппонирования и механизма консультаций с организованными представителями интересов предпринимательских и профессиональных сообществ, повышения прозрачности отношений государства и бизнеса, сужения поля для принятия решений по усмотрению государственных служащих, а также сокращения бюрократических барьеров и устранения коррупциогенных факторов¹.

Перечисленные условия свидетельствуют о том, что институт саморегулирования в сравнении с прямым государственным регулированием обладает следующими преимуществами:

- 1) развитие механизмов саморегулирования осуществляется исходя из потребностей конкретных отраслей и интересов субъектов права;
- 2) создает условия для более оперативного удовлетворения интересов и организации более предметного контроля за поведением субъектов права;

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 2776-р «О концепции совершенствования механизмов саморегулирования».

3) стимулирует развитие механизмов внесудебного урегулирования коммерческих споров, что и создает легальную основу для внедрения неюрисдикционного процесса.

Таким образом, эволюция саморегулирования в современной правовой жизни Российского государства – это закономерный результат воздействия процессов глобализации и регионализации. Указанные обстоятельства делают привлекательным внедрение неюрисдикционного процесса в правовую систему России. Именно нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса выступают необходимым условием его закрепления в ней¹.

В этой связи внедрение неюрисдикционного процесса позволит выявить зависимость между положениями действующего законодательства и практикой его применения в правовой системе Российской Федерации. Такая связь выражает мировоззренческо-эмпирические и ценностно-нормативные установки, которые задают направления исследования изучаемого процесса, позволяют сформулировать основные тенденции совершенствования исследуемого процесса в пределах механизма обеспечения законных интересов.

В юридической науке существуют разные мнения, направленные на решение указанной проблемы². С нашей точки зрения, воплощение рассматриваемого феномена в реальность может проводиться в границах реализации принципов и требований законности. Подобный вариант легализации неюрисдикционного процесса в практике обусловлен отсутствием его прямого закрепления в действующем законодательстве.

¹ Подробнее об этом см.: *Денисенко В.В.* Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию. М., 2014. С. 95-107.

² Подробнее об этом см.: *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005. С. 46-69.

Законность гарантирует возможность использования рассматриваемого феномена как инструмента обеспечения прав и законных интересов. Поэтому действия субъектов права в границах своего интереса и законности приобретают качество материально-правового источника легализации неюрисдикционного процесса. На наш взгляд, общий замысел внедрения исследуемого феномена заключается в стремлении субъектов права эффективно реализовывать свои права и свободы. В этом случае неюрисдикционный процесс допустимо рассматривать в качестве альтернативной юрисдикционному процессу поведенческой модели. Она объединяет материальные и формальные источники, которые стимулируют выбор неюрисдикционного процесса в качестве обеспечительного инструмента прав и законных интересов.

В этой связи общие принципы права: свобода воли; разрешено все, что не запрещено законодательством; свобода выбора вариантов поведения и другие – выступают базовыми основаниями для выбора этого вида процесса. Поэтому исследуемая поведенческая модель побуждает к взаимному обмену правами и обязанностями между ее участниками. Следовательно, неюрисдикционный процесс характеризуется не только альтернативностью, но и консенсуальностью. Соглашение, компромисс сторон – это необходимое условие выбора рассматриваемого феномена.

При исследовании нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса особое внимание стоит обратить на его структуру, так как она служит важнейшим критерием анализа. Ввиду того, что главным ее компонентом является непосредственно закрепленная в нормах действующего законодательства юридически значимая

деятельность¹, она выступает в качестве основания легализации исследуемого процесса.

Другой элемент структуры – «субъект права» – также может быть применен в качестве критерия выявления нормативных оснований. Законодательство четко фиксирует субъектный состав правовых отношений. Перечень субъективных прав и юридических обязанностей в единстве с ресурсной базой позволяет определить правовое положение в системе социально-экономических связей и реальные функциональные возможности субъектов права на совершение конкретных правомерных действий.

Также принципы осуществления неюрисдикционного процесса в системе права приобретают самостоятельное значение наряду с нормами права². Приведенное обстоятельство позволяет рассматривать их в качестве конкретизирующего нормативного основания легализации неюрисдикционного процесса.

Важным компонентом структуры выступают права и законные интересы. Именно они определяют мотивационную сторону в рассматриваемой поведенческой модели. Кроме того, формализованные интересы в единстве с субъективными правами и обязанностями служат в качестве пределов использования неюрисдикционного процесса. Интерес – это еще и объект применения рассматриваемого феномена. Именно интерес определяет состав участников, содержание юридически значимой деятельности, обеспечительные меры. Нормативно закрепленные интересы

¹ См. ст. 8, 8.1, 9, 10, 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016. № 5. Ст. 559

² См.: *Акимов А.Н., Чекин А.Н.* О соотношении международного права и национального права в эпоху глобализации // *Международное публичное и частное право.* 2009. №5. С. 44-47.

— это комплексное функциональное основание легализации неюрисдикционного процесса.

При исследовании нормативных оснований легализации указанного процесса необходимо принимать во внимание конгломерат прав и законных интересов, имеющийся у его участников на совершение юридически значимой деятельности, например, право на самозащиту¹. Они относятся к критериям исследования нормативных оснований.

Ввиду того, что понятие «неюрисдикционный процесс» не закреплено на законодательном уровне, вышеперечисленные критерии легализации не обладают свойствами исключительности и исчерываемости. В связи с этим нормативные основания характеризуются относительностью. Поэтому необходимым условием закрепления и внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему России выступает единство формально-юридических и материальных источников. Данный факт обосновывается отсутствием требования общеобязательности в отношении процедур и способов осуществления неюрисдикционного процесса².

Приведенные положения дают возможность утверждать, что неюрисдикционная поведенческая модель, где юридически значимая деятельность по обеспечению прав и законных интересов соответствующих субъектов определяет направления легализации неюрисдикционного процесса. Указанная деятельность — это материальный источник внедрения

¹ См. ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2016. № 5. Ст. 559 ; ст. 379, 380 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3 ; 2016. № 1 (Ч. 1). Ст. 54.

² См. ст. 3781 Таможенного кодекса Таможенного Союза от 27 ноября 2009 г. (в ред. от 8 мая 2015 г.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615 ; 2015. № 38. Ст. 5214.

рассматриваемого феномена в механизм обеспечения прав и законных интересов и правового регулирования, основание для открытия юрисдикционной деятельности по защите основных прав и свобод человека и гражданина.

Юридически значимая деятельность в неюрисдикционном процессе детерминирует все его стадии по согласованию и обеспечению прав и законных интересов. Таким образом, посредством нее и консенсуального обеспечения законных интересов рассматриваемый феномен выстраивается и легализуется. Поэтому потребности субъектов права являются материально-ценностным фактором, определяющим мотивационные аспекты избрания исследуемого процесса, а его содержание находится в зависимости от свободы воли его участников. В связи с этим рассматриваемый феномен можно рассматривать в качестве одной из форм согласования законных интересов соответствующих субъектов. Отмеченное обстоятельство предполагает важность уяснения и определения нормативных стандартов легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации.

Ввиду того, что исследуемая поведенческая модель имеет различные формулировки как по форме, так и по содержанию в законодательстве международного и внутригосударственного уровней, объектом анализа выступают различные по своей природе источники права. Согласно положениям Конституции Российской Федерации их структура представлена в виде норм международного права (п. 4 ст. 15), законодательства федерального и регионального уровней, законодательства по предметам совместного ведения, нормативных правовых актов местного и локального характера (ст. 71, ст. 76, ст. 73, ст. 132)¹.

¹ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 ; 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4231.

Указанную совокупность системой не назовешь, так как их положения содержат большое количество противоречий содержательного и функционального характера, весьма существенно отличаются по своей природе¹. Приведенное состояние предполагает изучение всей законодательной базы для поиска таких положений, которые можно будет квалифицировать как нормативные основания легализации неюрисдикционного процесса.

Одним из главных объектов поиска нормативных оснований выступает Конституция Российской Федерации. По нашему мнению, некоторые ее положения, так же как и правовая политика страны, задают направления и стандарты создания оптимальных условий для обеспечения достойной жизни человека и гражданина. Отечественное законодательство гарантирует свободу осуществления экономической деятельности, конкуренции и перемещения товаров и услуг. Кроме того, данные положения формализованы в общепризнанных положениях и принципах международного права.

В соответствии с международными правовыми положениями и нормами Конституции Российской Федерации права, свободы и законные интересы гражданина и человека являются непосредственно действующими. Они определяют смысл использования законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (п.1. ст. 7, п. 1. ст. 8, п.4. ст. 15, п.1. ст. 17, ст. 18 Конституции РФ). Приведенное положение может быть использовано субъектами права как нормативное основание для избрания неюрисдикционного процесса в качестве меры обеспечения прав и законных интересов за границами действия официальной юрисдикции.

¹См.: Лисанюк Е.Н. Логические аспекты презумпций системности права // Правоведение. 2014. №1. С. 43-54.

Кроме того, нормы международного права содержат широкий перечень положений, которые предоставляют субъектам права свободу выбора неюрисдикционных форм защиты своих интересов и разрешения юридических казусов. К числу международно-правовых источников легализации неюрисдикционного процесса относятся принципы и правила Всемирной торговой организации, которые направлены на всеобщую либерализацию единой экономической зоны, формирование условий для беспрепятственного перемещения услуг, финансовых средств, трудовых ресурсов и товаров.

Перечисленные факторы ведут к фактической утрате монополии внутригосударственной юрисдикции в указанной области юридической практики. Реализация права Всемирной торговой организации приводит к фактическому выведению государства из хозяйственно-экономической сферы, что способствует применению нетрадиционных процессуальных форм обеспечения интересов¹. Данная тенденция предоставляет возможность оценивать Марракешскую декларацию в качестве основания легализации неюрисдикционного процесса. Такое решение вопроса гарантируется п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации предполагает внедрение неюрисдикционного процесса в юридическую практику через категорию «договаривающиеся стороны». Такой вид субъектов позволяет ввести в структуру неюрисдикционного процесса понятие консенсуса как обязательного условия для выбора субъектами права неюрисдикционного процесса в качестве меры обеспечения и защиты оговоренных сторонами интересов².

¹ См.: *Зенкин И.В.* Право Всемирной торговой организации. М., 2014. С.10, 13-14.

² См. п. 6 ст. XVI, п. 6. ст. IX Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации [рус., англ.] (вместе с Многосторонними соглашениями по

В развитие института трансграничности международного права стоит отметить, что в декабре 2015 г. были приняты федеральные законы, которые направлены на реформирование российского законодательства в сфере третейского разбирательства, что способствует легализации неюрисдикционного процесса¹:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2016 г. Этот закон прекратил действие Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.). Данным Законом внесены изменения в Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и иные акты.

торговле товарами) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. V). С. 2019 – 2031.

¹ См. ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I) ; Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29 ; 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4294.

Прежде чем перейти к анализу данных законов, необходимо сделать следующую оговорку. Согласно положениям Конституции Российской Федерации (ст. 118, гл. 7), Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 4)¹ правосудие может осуществляться исключительно государственными судами, которые входят в судебную систему Российского государства. В то же время российское законодательство предусматривает возможность для субъектов защищать свои права и законные интересы в негосударственных судах, а именно в международном коммерческом арбитраже и внутренних третейских судах.

Указанные суды не являются государственными, а следовательно, не могут осуществлять правосудие как исключительно государственную деятельность. Это утверждение находит свое подтверждение в практике Конституционного Суда Российской Федерации, а именно разъясняется, что разбирательство юридических дел в третейских судах является альтернативной формой защиты прав и законных интересов².

Кроме того, альтернативность подтверждается положением о том, что сами субъекты права обладают возможностью защищать свои права и законные интересы любыми способами, которые не противоречат действующему законодательству (ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации). Иными словами, право выбора способов обеспечения принадлежит участникам социально-экономических отношений. Таким

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1 ; 2014. № 6. Ст. 551.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2007 г. № 377-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 ст. 4, ст. 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым п. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 04.02.2016).

образом, работу третейского суда можно квалифицировать в качестве материального источника легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе страны. Данное утверждение подтверждают и имеющиеся исследования в правоведении¹.

Возвращаясь к анализу принятых законов, стоит отметить, что необходимость такого реформирования обусловлена следующими причинами:

во-первых, действующее российское законодательство оказалось неспособным обеспечить достойный уровень третейского разбирательства и его реальную востребованность у субъектов права на практике;

во-вторых, наличие многочисленных случаев злоупотреблений со стороны третейских судов привело к нивелированию роли и значения указанного института.

Соответственно часть норм указанных законов направлена на регламентацию процессов создания третейских судов, постоянно действующих арбитражных учреждений. Последние теперь могут быть созданы при некоммерческих организациях, к которым также предъявляются жесткие требования. Большое внимание уделяется процессу проведения третейского разбирательства, вводится новый категориальный аппарат указанного института, тщательно проработан вопрос составления и содержания арбитражного соглашения. Установлены ограничения в отношении третейских судов, которые образуются сторонами для рассмотрения конкретного спора, например, запрет на окончательность его решения и т.п. Данный Закон предоставляет третейским судам, которые администрируются постоянно действующими третейскими учреждениями,

¹ См., например: *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб., 2010. С. 78.

возможность разрешения корпоративных споров, закрепляя условия и особенности такого процесса.

Следовательно, в отличие от предыдущего Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ, который предусматривал либеральный подход и широкую степень свободы участников гражданского оборота, действующее законодательство в сфере третейского разбирательства усилило роль государства в ней, установило целый ряд ограничений и запретов. С одной стороны, это будет способствовать росту авторитета этого института на международном и внутригосударственном уровне, а с другой – подробная регламентация и жесткий контроль противоречит самой идее третейского разбирательства.

Такая же тенденция постепенного огосударствления предусмотрена Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 23 июля 2013 г.)¹. Кроме того, можно выделить отдельные нормы права, содержащиеся в кодифицированных нормативных актах, которые косвенным образом затрагивают вопросы неюрисдикционного процесса².

¹ См.: СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162 ; 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4066.

² См.: ст. 10, 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2016. № 5. Ст. 559 ; ч. 4 ст. 687, ст. 797 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 ; 2016. № 22. Ст. 3094 ; ст. 384–389, 399, 401–403 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 27 июля 2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 ; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4804 ; ст. 161–163 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001 ; 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4300 ; ст. 403–407 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 № 81-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207 ; 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4215 ; ст. 125–127 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383 ; 2016. № 28. Ст. 4558 и т.д.

Приведенные примеры нормативных положений доказывают, что отечественное законодательство допускает и предусматривает возможность легализации неюрисдикционного процесса в правовой системе Российской Федерации. В сущности такие предписания выступают в роли оснований внедрения изучаемого процесса в правовую действительность страны. Более того, перечисленные веления и принципы права формируют условия для применения исследуемого феномена как инструмента механизма обеспечения законных интересов.

Представленное косвенное правовое регулирование неюрисдикционного процесса делает процедуру согласования необходимым фактором материализации анализируемого явления. Именно соглашение есть одна из форм выражения неюрисдикционного процесса. Дело в том, что договорная природа этого процесса способствует осуществлению юридически значимой деятельности за пределами прямого правового регулирования¹. Консенсус достигается на фундаменте свободы воли в своем интересе². В этой связи участники такого процесса руководствуются положениями, предоставляющими законодательно закрепленную возможность осуществлять свою деятельность за пределами прямого правового регулирования. Последняя, если не будет нарушать

¹ См. ч.1. п1. ст.8, п.1 ст.9, п.1 ст.10, ст.154, ст. 421, ч.1 ст. 2, ч. 2 ст. 5, ч. 5 ст. 6, ч.1 ст. 8, ч.1 ст. 15 и др. Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) ; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 27 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 ; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4804.

² См. ч. 1 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.)

права и законные интересы третьих лиц, будет отвечать требованиям законности¹.

Можно сделать вывод о междисциплинарности проблемы исследования сущности и нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса. Указанное умозаключение основывается на необходимости изучения правовых норм различных отраслей действующего российского законодательства. Однако все эти нормативные положения выражают общие принципы права, например, гарантированность обеспечения прав и законных интересов; свобода воли субъектов права; добросовестность и правомерность осуществления юридически значимой деятельности субъектов права в своем законном интересе; консенсуальность и саморегулирование отношений между сторонами и т.д. Такие начала способны определить не только сущность и юридическую природу, но и пределы использования неюрисдикционного процесса в юридической практике.

Внедрение неюрисдикционного процесса происходит посредством юридически значимой деятельности. Его участники обладают соответствующими правами и действуют в границах своего интереса. Исходя из этого положения, можно предположить, что этот процесс используется в случаях, не охватываемых юрисдикционными компетенциями. Однако такие действия не должны выступать в качестве препятствия в осуществлении прав и свобод третьими и иными заинтересованными лицами.

¹ См. ст. 2, п. 1 ст. 7, п.1 ст. 8, ст. 12, п.5 ст. 13, п. 4 ст. 15, ст. 17, ст. 18 и другие статьи Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) ; пп. 2 - 4 ст.1, п.1 ст. 2, ст. 5, п. 2 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 2 п. 5 ст. 8.1, ст. 9, ст. 10, ст. 14 и другие статьи Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) ; ч. 2 ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст. 5, пп. 4 - 6 ч. 1 ст. 6, ч. 1 ст. 15, п. 7 ч. 2 ст. 22, ст. 23-27 и другие статьи Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 27 июля 2017 г.).

Неюрисдикционный процесс представляет собой результат выбора его участников по разрешению вопросов, касающихся их прав и законных интересов. Следовательно, его легализация – это вариант внедрения в российскую юридическую практику еще одной альтернативной формы в механизм обеспечения законных интересов.

Альтернативность – это самостоятельная черта неюрисдикционного процесса, не допускающая возможности противопоставления традиционным юрисдикционным формам. Однако между ними имеются существенные различия. В частности, для неюрисдикционного процесса характерен ограниченный круг субъектов права. Указанное положение доказывается фактом косвенного правового регулирования. В связи с этим для избрания неюрисдикционного процесса субъекты права должны достигнуть согласия на применение этой процессуальной формы.

Третьи лица могут быть вовлечены в процесс обеспечения прав и законных интересов в качестве участников или представителей, что предусматривается действующим законодательством¹. Стоит отметить, что консенсуальная природа этого процесса не гарантирует полное исключение возможности претендовать на интересы третьих лиц. Выявление такого факта предполагает предварительное обсуждение сложившейся ситуации с целью её правомерного преодоления или полного исключения из сферы действия законных интересов участников данного процесса. Кроме того, существует вариант вовлечения третьих лиц в сферу действия процесса в качестве самостоятельных субъектов права (носители законного интереса).

Отмеченное качество неюрисдикционного процесса подкрепляет утверждение о том, что он представляет одно из средств согласования позиций сторон по объекту интересов. В этом случае рассматриваемый

¹ См. ст. 29-35 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 27 июля 2017 г.).

феномен способствует увеличению юридических пределов функциональных возможностей субъектов, то есть для договаривающихся сторон он является дополнительным приемом реализации своих возможностей по защите прав и законных интересов. Таким образом, в системе российского законодательства есть предписания, которые допускают вероятность нормативного закрепления исследуемой поведенческой модели в правовой системе Российской Федерации.

По нашему мнению, неюрисдикционный процесс – это связующее звено между процессами разработки и реализации правовой политики Российского государства и юридической практикой. Такое взаимодействие способствует повышению уровня правопорядка и законности. В связи с этим исследуемый процесс выступает в качестве средства снижения степени неурегулированности социально-экономических связей, где главным компонентом является юридически значимая деятельность, следующая процедурам и обычным практикам сторон. Такое положение позволяет ставить вопрос о режимах осуществления исследуемого феномена.

2.2. Режим осуществления неюрисдикционного процесса

Российская действительность характеризуется динамичностью социальных, экономических, политических и иных отношений. Следует отметить неоднозначность и противоречивость процессов, протекающих в указанных сферах. Данный факт оказывает непосредственное воздействие на тенденции развития юридических практик в правовой системе страны. Одним из показателей комплексных трансформаций политико-правовой реальности выступает конструкция режима. Она все чаще используется для анализа различных правовых явлений, и неюрисдикционный процесс не является исключением

Важность изучения режима в рамках исследования природы рассматриваемого феномена обусловлена его комплексностью, широтой и глубиной охвата правовых явлений. Его многоаспектная природа обеспечивает вовлечение в гносеологический процесс таких категорий, как право, правоотношения, субъекты права, правомерное и противоправное поведение, законность и правопорядок. Перечисленные понятия в ходе описания неюрисдикционного процесса способствуют уточнению его категориального статуса.

Изначально категория «режим» обязана своим возникновением в юриспруденции таким правовым феноменам, как «государство», «право», «политика». Приведенное положение доказывает анализ указанной термино-лексической конструкции. Он показывает, что эта категория обладает множеством значений: управление, метод управления, установленный порядок правил при достижении какой-либо цели¹.

С помощью конструкции «режим» фиксируется специфика поведения субъектов права в границах установленного порядка осуществления прав и свобод человека и гражданина. Поэтому режим отражает динамичность политико-правовых связей и является способом организации макросоциальных процессов. Он опирается, кроме права, на систему культурных ценностей и экономических потребностей. Таким образом, режим и его использование в характеристике неюрисдикционного процесса подтверждает вывод о вероятности внедрения последнего в правовую систему страны.

Правовой режим оказывает двойное воздействие на систему общественных отношений. С одной стороны, это проявляется в совершенствовании социально-экономических связей, а с другой — в

¹ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 18-е изд., стер. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987. С. 683.

степени взаимодействия и координации элементов таких отношений. Поэтому в монографических исследованиях предлагается множество концепций понимания правового режима, в которых его методологическая и практическая роль имеет противоречивое описание¹.

В частности, под правовым режимом в юридической науке понимают: социальный режим конкретного объекта, закрепленный нормами права и обеспеченный юридическими средствами²;

систему правовых норм либо совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих общественные отношения между субъектами относительно тех или иных объектов³;

итог регулятивного воздействия юридических средств конкретной отрасли права на общественные отношения⁴;

систему методик либо средств и способов правовой регуляции, выражающуюся в особенностях правоотношений и индивидуальных предписаний⁵;

порядок регулирования, который основывается на совокупности тесно взаимосвязанных юридических средств, сочетающих в себе дозволения, запреты, позитивные обязывания¹.

¹ См.: *Соколова О.С.* Административно-правовые режимы конфиденциальной информации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 23.

² См.: *Исаков В.Б.* Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права: учебник. М., 1987. С. 258 – 259.

³ См., например: *Розанов И.С.* Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 9. С. 84-85 ; *Свит Ю.П.* Понятие и правовой режим общего имущества многоквартирного дома // Жилищное право. 2006. № 6. С. 20 и др.

⁴ См.: *Морозова Л.А.* Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 123.

⁵ См., например: *Бабаев В.К., Баранов В.М., Гойман В.И.* Словарь категорий и понятий общей теории права. Н. Новгород, 1992. С. 29 .

Между тем конструкция правового режима является важным компонентом, определяющим юридическую природу неюрисдикционного процесса. Ввиду отсутствия его прямого правового регулирования в действующем российском законодательстве режим приобретает для исследуемого феномена архиважное значение и выступает его обязательным элементом. Это объясняется тем фактом, что неюрисдикционный процесс выражает единство воли и интересов его сторон. Поэтому использование конструкции режима в рамках изучения указанного процесса основывается на принципе свободы воли по обеспечению своих прав и законных интересов. Такое положение приводит к возможности саморегулирования действий участников неюрисдикционного процесса. В этой связи на базе правового режима значительно увеличиваются нормативные основания легализации указанного процесса. Следовательно, режим является конструкцией, в рамках которой объединяются материальные и формальные источники данного способа обеспечения прав и законных интересов.

Большое значение для понимания природы неюрисдикционного процесса имеет вопрос дифференциации правовых режимов. Данное утверждение базируется на том суждении, что типовая и видовая классификация дает возможность конкретизации области применения. Кроме того, режим обеспечивает фиксацию допустимого уровня активности субъектов права в ходе отстаивания своих прав и законных интересов, возможности по их ограничению или льготы и привилегии.

¹ См., например: *Беляева Г.С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013. С. 11 ; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: понятие и виды // *Право и политика: современные проблемы соотношения и развития.* Воронеж, 1996. Вып. 4. С. 14.

В юридической литературе выделяют большое разнообразие правовых режимов: публично-правовые и частноправовые¹; международно-правовые и внутригосударственные; постоянные и временные; пошлинный, таможенный, валютный и т.д.; законный, договорной, определенный административно-правовым актом². В этой связи для уяснения сути неюрисдикционного процесса сформулируем концептуальный выбор режима, исходя из цели подтверждения природы неюрисдикционного процесса. В частности, законодатель фиксирует следующие типы таковых: общий правовой режим³ и специальный⁴, которые могут быть дифференцированы на конкретные виды.

Общие правовые режимы включают в себя исходную совокупность правил поведения субъектов права в границах конкретного

¹ См., например: *Беляева Г.С.* Правовые режимы в публичном праве // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. М., 2012. С. 203 ; *Её же.* К вопросу о сущности, содержании и особенностях нормативно-правового закрепления частноправового режима // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1321-1325 ; *Гориунов Д.Н.* Частноправовые режимы // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. С. 182-183.

² См., например: *Беляева Г.С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013. С. 11 ; *Шамсумова Э.Ф.* Правовые режимы (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 122-124.

³ См., например, ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) ; ст. 42 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16 ; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 77 ; ст. 17 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) (с измен. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824 ; 2016. № 22. Ст. 3092.

⁴ См., например, ст. 18 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2016 г.) ; Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Российская газета. 2001. № 105 ; 2014. № 59

правоотношения. Такие режимы рассчитаны на типичные социальные ситуации и повседневную деятельность. Специальные правовые режимы представляют собой модификацию общих. Они характеризуются либо особыми преимуществами, дополнительными правами и льготами, либо ограничениями, позитивными обязываниями, дополнительными запретами. Такие условия фиксируют особый порядок поведения и, как правило, направлены на стабилизацию общественной жизни путем целенаправленного правового воздействия и способны быстро реагировать на отклонения от стандартной ситуации в целях наиболее эффективного правового регулирования¹.

По нашему мнению, отдельные аспекты специального правового режима отражают особенности неюрисдикционного процесса. В частности, свобода волеизъявления в границах принципа «все, что не запрещено законом, разрешено» указывает на необходимость обоснования субъектами правомерности выбора такой альтернативной формы обеспечения законных интересов. Для обычной юрисдикционной процедуры эти требования являются необязательными, поскольку процесс регулируется соответствующими материальными и процессуальными предписаниями. Неюрисдикционный процесс не обладает такими качествами.

С учетом изложенного допустимость выбора неюрисдикционного процесса требует соответствующего нормативного обоснования. На наш взгляд, конструкция «специальный правовой режим» предоставляет такую возможность. Препятствием в этом случае выступает реальная угроза интересам третьих лиц. Дело в том, что одним из организационных начал специального правового режима выступает единство законности и целесообразности. Данное положение обеспечивает в границах требований

¹ См.: *Лиманская А.П.* Специальные правовые режимы: общетеоретический и сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 38, 41.

законности выбор целесообразных для субъектов права саморегулируемых форм охраны и защиты законных интересов. Обоснованность приведенного утверждения базируется на концепциях свободы воли и «разрешено все, что не запрещено законодательством».

Специальный правовой режим предусматривает условия для саморегулирования поведения сторон в целях реализации своих интересов в пределах требований законности, где целесообразность – это неотъемлемое качество специального правового режима. Это свойство позволяет использовать общие правоотношения для юридической формализации неюрисдикционного процесса. Структура этого вида связи предусматривает использование основных прав и свобод в качестве его формального структурного элемента, а юридически значимая деятельность носителей интересов – это материальный компонент общего правоотношения. Таким образом, специальный правовой режим осуществления неюрисдикционного процесса является необходимой формой его закрепления и легализации. В этой связи стоит проанализировать специальный правовой режим как самостоятельное направление внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему страны.

В правоведении категория специального правового режима подвергалась анализу в основном в отраслевых науках, например, в административном и налоговом праве¹. К сожалению, в общей теории

¹ См., например: *Братановский С.Н.* Сущность и виды специальных правовых режимов информации // *Гражданин и право*. 2012. № 9. С. 3-17 ; *Ильин А.Ю.* Специальные налоговые режимы: правовой механизм применения, развития и совершенствования // *Финансовое право*. 2011. № 3. С. 20-27 ; *Попова Н.Ф., Рушайло В.Б.* К вопросу о теории классификации специальных административно-правовых режимов в сфере обеспечения безопасности // *Право и политика*. 2003. № 10. С. 49-55 ; *Румянцев Н.В.* Специальные административно-правовые режимы деятельности органов внутренних дел в современных условиях. М., 2010 ; *Рушайло В.Б.* Законодательные и теоретические основы специальных административно-правовых режимов // *Российский следователь*. 2004. № 2. С. 39 – 41 ; *Терещенко Л.К.* Специальные правовые режимы информации в законодательстве Российской Федерации и международных актах // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2011. № 2. С. 69-75 и др.

права, несмотря на отдельные исследования феномена специального правового режима¹, отсутствует единство подходов по разрешению отмеченной проблемы. Такая ситуация возникла ввиду того, что в большинстве случаев его применение связано с особенностью субъектно-объектных зависимостей и чрезвычайностью возникающих ситуаций, которые требуют введения указанного режима.

Действующее российское законодательство не содержит системной характеристики специального правового режима. Однако следует отметить активное текстуальное употребление этой термино-лексической конструкции в содержании отдельных статей нормативных правовых актов:

ст. 8.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (установление ответственности за нарушение специального режима при осуществлении хозяйственной и иного рода деятельности в прибрежной полосе, водоохраной зоне водного объекта, в зонах санитарной охраны источников питьевого и хозяйственного водоснабжения)²;

ст. 18 Налогового кодекса Российской Федерации (установление специальных налоговых режимов)³;

нормы Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 12 марта 2014 г.)⁴;

¹ См.: *Лиманская А.П.* Указ. раб.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // *Российская газета*. 2001. № 256 ; 2016. № 152.

³ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) (с измен. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2016 г.).

⁴ См.: *Российская газета*. 2001. № 105 ; 2014. № 59.

положения Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 12 марта 2014 г.)¹.

В Модельном таможенном кодексе для стран – участниц СНГ специальный таможенный режим предусматривает особые условия пересечения товаров через границу². В Таможенном кодексе Таможенного союза и Федеральном законе «О таможенном регулировании в Российской Федерации», вступившими в силу с июля 2010 г., как и в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, вступающего в силу после соблюдения условий, предписанных в Договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., но не ранее 1 июля 2017 г., конструкция «специальный таможенный режим» заменяется на «таможенную процедуру»³.

Кроме того, специальный правовой режим устанавливается на отдельных территориях Российской Федерации, регламентирующий ведение предпринимательской деятельности при сохранении уникальности экологической системы окружающей среды⁴, в рамках особых

¹ См.: СЗ РФ. 2002. №5. Ст. 375 ; 2014. № 11. Ст. 1088.

² См.: Модельный таможенный кодекс для государств-участников СНГ. Принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2008 г. Постановлением 31-22 на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2009. №43. С. 460-504.

³ См.: Таможенный кодекс Таможенного союза (в ред. от 8 мая 2015 г.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615; 2015. № 38. Ст. 5214 ; Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москва 11 апреля 2017 г.) URL: www.consultant.ru (дата обращения: 04.05.2017) ; Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: www.consultant.ru (дата обращения: 04.05.2017).

⁴ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (в ред. от 28 июня 2014 г.) // Российская газета. 1999. № 90 ; 2014. № 146.

экономических зон¹, территорий опережающего экономического развития², свободных экономических зон в Крымском федеральном округе³, в Калининградской области⁴. С помощью такого режима достигается опережающее социально-экономическое развитие, что позволяет выйти на высокий уровень показателей эффективности регионов.

Следует подчеркнуть, что во всех приведенных случаях специальный правовой режим используется в различных функциональных значениях – основания юридической ответственности, способа восстановления нарушенного общественного порядка и законности, приема достижения необходимого прогнозируемого результата. И этот перечень можно продолжить. Многообразие функционального потенциала специального правового режима указывает на широту практических возможностей и его универсальный характер. Приведенные качественные свойства специального правового режима допускают вероятность его использования как процессуальной формы реализации для закрепления неюрисдикционного процесса в правовой системе страны.

В этой связи можно допустить использование отдельных аспектов специального правового режима для внедрения неюрисдикционного

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Российская газета. 2005. № 162 ; 2015. № 153.

² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Российская газета. 2014. № 299 ; 2016. № 146

³ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Российская газета. 2014. № 275 ; 2017. № 144.

⁴ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 10 декабря 2006 г. № 16-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 11 марта 2016 г.) // Российская газета. 2006. № 8 ; 2016. № 53.

процесса в правовую систему страны. Поэтому представляется оправданным проведение анализа следующих признаков данного вида режима как факторов, способствующих легализации исследуемого феномена:

1. Правовой основой действия специального правового режима являются нормативные документы, которые предусматривают и допускают различные варианты поведения субъектов права и возможности по выбору форм защиты своих прав и интересов в границах специального режима. В данном случае не запрещаются и нетрадиционные способы обеспечения законных интересов, в том числе и неюрисдикционный процесс.

В такой ситуации анализу должны подвергаться различные по своей природе нормативные положения. В рамках данного режима действуют не только конкретные процедуры, но и основные права и свободы в форме особого порядка осуществления юридически значимой деятельности носителей интересов. Эти качества в той или иной мере присущи и неюрисдикционному процессу. В этом смысле специальный правовой режим отражает специфику исследуемого процесса как особой нетрадиционной формы обеспечения законных интересов.

Приведенное утверждение имеет соответствующее нормативное подтверждение, в частности:

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»¹;

Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. №192-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период 2013-2014 годов (утв. Президиумом Верховного Суда Российской

¹ См.: Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

Федерации 1 апреля 2015 г.)¹. В последнем документе проводится анализ, на основании которого перечисляются субъекты Российской Федерации, в которых посредством специального правового режима могут применяться альтернативные формы обеспечения законных интересов. Таким образом, специальный правовой режим – это один из вариантов закрепления неюрисдикционного процесса в правовой системе страны.

2. Специальный правовой режим применяется для достижения конкретной цели путем использования широкого спектра обеспечительных мер. Например, он устанавливает пределы для поведения субъектов права как в границах действующего законодательства, так и в границах законного интереса. Данное положение распространяется и на неюрисдикционный процесс, в котором участники обязуются проводить юридически значимую деятельность в оговоренных рамках. Таким образом, этот режим обеспечивает благоприятную среду для реализации идеи неюрисдикционного процесса.

3. Специальный правовой режим есть особый порядок совершения юридически значимой деятельности. Это положение характерно и для неюрисдикционного процесса, так как его выбор определяется субъектами права самостоятельно в границах целесообразности и законности. Именно саморегулирование поведения носителей интересов и формализует особый порядок осуществления их действий.

4. Локальность действия специального правового режима. Здесь речь идет об адресном характере. Локализация присуща и неюрисдикционному процессу. Она определяется содержанием интересов и волей сторон. Например, в уставах, регламентах крупных экономических субъектов предусматриваются и рекомендуются для использования

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6.

неюрисдикционные формы при разрешении юридических казусов и иных форс-мажорных ситуаций.

5. Специальный правовой режим – это система взаимосвязанных структурных элементов. Обычно выделяют следующие элементы: нормы права, принципы, правила поведения, юридические факты, акты реализации прав и обязанностей, методы, правовые статусы субъектов, правоотношения, гарантии¹. Такое большое количество компонентов содержания правового режима позволяет включать в сферу нормативного воздействия широкий круг субъектно-объектных связей. Данный эффект достигается через общерегулятивное правоотношение.

Использование конструкции общего правового отношения позволяет через основные права и свободы применять неюрисдикционный процесс в публичной и частной сферах обеспечения законных интересов независимо от субъектного состава. Это находит подтверждение в ходе практики защиты прав, свобод и законных интересов. Общее правоотношение – это универсальная форма наделения различных явлений и процессов юридическим значением. Данное качество распространяется и на неюрисдикционный процесс и его включение в систему внесудебного урегулирования и разрешения юридических казусов.

Таким образом, специальный правовой режим можно определить как совокупность способов и методов осуществления юридически значимой деятельности, фиксирующих особый порядок регулирования общественных отношений, который основан на сочетании правовых средств, гарантий, принципов, создающих условия для эффективного достижения поставленных целей.

Природа специального правового режима определяет и правомерность избрания неюрисдикционного процесса как инструмента

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. раб. С. 16-29.

обеспечения законных интересов. Поэтому рассматриваемый феномен выражает единство воли, интересов участвующих в процессе сторон через юридически значимую деятельность. Формой выражения применительно к неюрисдикционному процессу может быть выбрана конструкция общерегулятивного правового отношения¹.

Исходя из анализа осуществления законного интереса за границами прямого правового действия, можно сделать вывод, что пределы осуществления исследуемого процесса составляют как специальный, так и договорной режимы. Их единство обладает качествами, которые позволяют снизить потребность в использовании процессуальных процедур для организации и проведения неюрисдикционного процесса. Данная задача решается на основании наиболее общих и универсальных категорий, например, права, правового порядка, метода управления, принципов и др.² По нашему мнению, использование аспектов специального и договорного режимов объединяет правовые и неправовые элементы материализации различных видов деятельности человека.

Правовой режим неюрисдикционного процесса характеризуется отсутствием властных элементов в отношениях участников такого процесса и базируется на консенсуальных принципах. В частности, речь идет о предоставлении сторонам права самостоятельно урегулировать конфликт при минимальном использовании нормативных предписаний. В данном случае соглашение служит основным средством обеспечения своего интереса. Такой результат достигается путем применения принципов права – диспозитивности, равноправия сторон правоотношений, отсутствия

¹ См.: Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 37 - 46.

² См.: Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы. М., 2000. С. 5 – 50.

императивных начал и процессуальной формы в классическом ее понимании.

В этой связи можно обобщить и выделить следующие критерии, раскрывающие специфику и особенности режима осуществления неюрисдикционного процесса:

1. Консенсуальный характер возникших отношений в рамках неюрисдикционного процесса, то есть:

равенство договаривающихся сторон неюрисдикционного процесса;

свобода воли в своем интересе; разрешено все, что не запрещено законодательством и т.д.

наличие у сторон процессуальной правосубъектности, представляющей собой основание использовать возможность урегулирования юридических казусов при помощи неюрисдикционных форм путем заключения соглашения и приведения в исполнение положений этого соглашения;

согласованный выбор заинтересованными сторонами процедур и способов неюрисдикционного характера, направленных на урегулирование конфликтов.

2. Негосударственный характер регламентации способов осуществления неюрисдикционного процесса:

допускает отсутствие прямого правового урегулирования в действующем российском законодательстве способов осуществления неюрисдикционного процесса. Рассматриваемый феномен является институтом саморегулирования, поэтому государство не принимает участия в его детальной регламентации;

применяется процедурная диспозитивность в выборе способов обеспечения интересов.

Приведенное положение фиксирует за сторонами право самостоятельно, по своему усмотрению организовывать порядок защиты и

обеспечения своих прав и законных интересов посредством не запрещенных законодательством способов¹. В основе регулирования лежит метод координации отношений между юридически равными участниками. Поэтому нормы права являются ориентирами для субъектов права по выбору вариантов реализации своих законных интересов. Диспозитивность выражает степень свободы и многовариантность поведения заинтересованных сторон. Она основывается на признании принципа автономии воли субъектов в выборе того или иного варианта действий и доступности использования не запрещенных законодательством способов урегулирования конфликтов².

3. Разрешение юридических казусов по общему правилу в частной сфере общественных отношений. Этот порядок характеризуется самоорганизацией, саморегулированием и отсутствием отношений «власти-подчинения». Речь идет о возможности установления имеющих юридическое значение фактов, детерминированных спором.

4. Распространение действия соглашения, достигнутого в ходе осуществления неюрисдикционного процесса, на его непосредственных участников. Имеются ввиду:

окончательность и вариативность урегулирования юридического конфликта;

добровольность исполнения сторонами неюрисдикционного процесса достигнутого соглашения, что снимает потребность в возбуждении исполнительного производства.

5. Неюрисдикционный процесс осуществляется в рамках общего правоотношения. Поэтому он отличается добровольным и

¹ См.: Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007. С. 192–193, 432.

² См.: Орлова И.А. Институт разрешения споров в системе международного права. СПб., 2011. С. 134.

взаимосогласованным волеизъявлением сторон. Кроме того, добровольность участия свойственна лицам, содействующим осуществлению данного процесса и урегулированию конфликта. По своему характеру правоотношения, складывающиеся в ходе реализации неюрисдикционного процесса, можно определить как отношения координации совместных действий.

Предметом неюрисдикционного урегулирования конфликтов выступают интересы. Они побуждают субъектов права на совершение совместных действий путем преодоления разногласий сторон на основе поиска взаимоприемлимого консенсуса. Форма и порядок регламентации определяются соглашением сторон в рамках базовых принципов права. Поэтому режим осуществления неюрисдикционного процесса представляет собой специально-договорной порядок осуществления юридически значимой деятельности по достижению консенсуса в целях согласования законных интересов в границах требований и принципов законности.

По нашему мнению, исходя из положений юридической науки, можно выделить пять уровней правового регулирования неюрисдикционного процесса:

1. Императивные нормы, которые выражаются в общих принципах права, регламентирующих осуществление юридически значимой деятельности в границах специального правового режима. К таким, например, относятся принцип законности, принцип добропорядочности и т.п.

2. Диспозитивные нормативные положения, предоставляющие возможность выбора между традиционной и нетрадиционной поведенческой моделью по обеспечению прав и законных интересов, преодолению юридических конфликтов.

3. Юридические процедуры, позволяющие легализовать неюрисдикционный процесс как процессуальную форму обеспечения прав и законных интересов субъектов права.

4. Обычаи, являющиеся одним из базовых нормативных оснований легализации неюрисдикционного процесса посредством специального правового режима.

5. Принципы права, позволяющие избирать неюрисдикционный процесс как инструмент обеспечения законных интересов.

Указанные источники легализации неюрисдикционного процесса позволяют сделать вывод об отсутствии единой системы правовых норм, регулирующих рассматриваемую проблему. Все предписания, формализующие неюрисдикционный процесс в пределах специального договорного режима, являются не систематизированными и в большинстве своем косвенными регуляторами действий субъектов права по выбору данного вида процесса в качестве формы обеспечения прав и законных интересов.

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что неюрисдикционный процесс представляет собой поведенческую модель, характеризующуюся правомерностью осуществления. Она конструируется на базе принципа свободы волеизъявления в своем законном интересе, поэтому обеспечивает необходимый уровень согласования сторонами своих законных интересов и фиксирует переход воли в юридически значимую деятельность по удовлетворению жизненно важных потребностей.

Таким образом, неюрисдикционный процесс – это юридически значимая деятельность, реализуемая в границах специально-договорного правового режима. В этой связи выбор такого процесса претворяет в жизнь ряд принципов, которые не характерны для классического юрисдикционного процесса. Все они имеют двойственную природу. Иными словами, принципы служат ориентирами, при соблюдении которых

будет обеспечиваться внедрение в юридическую практику данного процесса. К ним относятся:

- 1) добровольность выбора договаривающимися сторонами конфликтного отношения неюрисдикционного процесса в качестве возможности разрешения конфликта, а также соответствующих способов его осуществления;
- 2) сочетание императивных и диспозитивных начал в легализации неюрисдикционного процесса;
- 3) несистемное правовое регулирование, основанное на сочетании различных по своей природе методов воздействия на стороны неюрисдикционного процесса;
- 4) производность неюрисдикционного процесса от волеизъявления сторон;
- 5) ориентированность процесса урегулирования юридического казуса на интересы сторон, обычаи делового оборота, обычаи, деловые обыкновения, общепризнанные принципы права;
- 6) отсутствие механизма государственного принуждения;
- 7) взаимобременение субъектов права в неюрисдикционном процессе;
- 8) необходимая конфиденциальность;
- 9) доверительный характер отношений заинтересованных сторон неюрисдикционного процесса;
- 10) координация совместных действий заинтересованных сторон и иных лиц, участвующих в неюрисдикционном процессе.

Перечисленные принципы не являются исчерпывающими. Они обусловлены специально-договорным режимом осуществления неюрисдикционного процесса. Данный факт позволяет ставить вопрос о месте и роли рассматриваемого феномена в различных правовых

механизмах по обеспечению прав и законных интересов и разрешению конфликтных ситуаций.

2.3. Неюрисдикционный процесс в механизме обеспечения прав и законных интересов субъектов права

Выдвигая проблему роли и значения неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений, необходимо обозначить теоретико-эмпирические пределы возможного использования исследуемого феномена. Для решения поставленной задачи следует сформулировать определение такого механизма. Именно понятие дает возможность ставить другую не менее сложную задачу – это критерии (стандарты) оценки места и роли неюрисдикционного процесса в данном механизме.

Любой механизм представляет собой внутреннее устройство какой-либо системы, а если быть точнее совокупность элементов находящейся в постоянном движении системы¹. Получается, что механизм обеспечения прав и законных интересов можно обозначить в виде технологии, способствующей созданию оптимальных условий для их беспрепятственного осуществления. Конструкция механизма позволяет установить степень осуществления личностью своих прав в системно-динамическом виде.

На протяжении нескольких лет в правоведении проблема механизма обеспечения сводилась к перечислению не связанных между собой направлений деятельности политического, экономического, идеологического характера государства и общества. Такое положение отрицательно влияло на основные права и свободы человека и гражданина.

¹ См.: *Снежко О.А.* Государственная защита прав граждан. М., 2005. С. 61.

Если в советское время наблюдается функционирование стройной системы защиты прав и свобод, то после падения Советского Союза развал охватил идеологическую, политическую, социально-экономическую и правовую сферы. Это негативным образом отразилось и на статусе, значении и роли самого механизма обеспечения. Поэтому вопрос определения сущности и особенностей последнего в настоящее время приобретает все большую актуальность.

В юридической науке существуют два базовых методологических подхода к интерпретации всех видов правовых механизмов, которые используются как для объяснения правовых явлений, так и их применения на практике. Такими мировоззренческими основаниями выступают инструментальная и функциональная концепции механизма. Нередко используется совокупность приведенных мировоззренческих установок. В нашем случае будет применяться сочетание положений этих двух подходов к формулированию механизма обеспечения законных интересов. Этот выбор обусловлен отсутствием прямого правового регулирования неюрисдикционного процесса.

Первая концепция наиболее полно представлена В.И. Гойманом. Он обосновывает положение о том, что механизм обеспечения представляет собой совокупность взаимосогласованных юридических, идеологических, материально-технических и организационно-управленческих мер, осуществляемых государством в лице его органов и должностных лиц. Главной целью таких мер выступает формирование условий, в рамках которых физические и юридические лица беспрепятственно и эффективно пользуются предоставленными действующим законодательством возможностями удовлетворения своих материальных и духовных потребностей¹.

¹ См.: Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М., 1992. С. 155.

Вторая концепция заключается в том, что под механизмом понимают процесс действия правовых средств обеспечения. В частности, А.С. Мордовец дает определение социально-юридическому механизму обеспечения прав через совокупность международных и внутригосударственных средств, правил и процедур, которые гарантируют достойное существование личности, ее уважение, охрану и защиту всех ее прав¹. Структура такого механизма представлена социальными нормами, осуществляемой в рамках действующего законодательства деятельностью субъектов права, гласностью, гарантиями общего, специального, юридического и организационного характера, общественным мнением, юридическими процедурами, контролем и ответственностью².

Некоторые правоведы полагают, что содержание механизма следует дополнить еще одним элементом в виде средств стимулирования реализации прав и законных интересов граждан³. Иными словами, речь идет о создании условий, при которых закрепленные законодательством права, свободы и законные интересы будут реально принадлежать индивиду, а последний, в свою очередь, беспрепятственно сможет ими пользоваться для удовлетворения материальных и духовных потребностей.

В целом можно отметить, что в основу большинства исследований заложен социально-юридический, или правовой механизм защиты и охраны прав и законных интересов личности. Обеспечительный характер данного механизма как бы подразумевается, поэтому сущность его остается нераскрытой. В рассматриваемом аспекте интерес состоит в том, что в

¹ См.: *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 85.

² См.: Там же. С. 8.

³ См.: *Морозова Л.А.* Проблемы современной российской государственности: учебное пособие. М., 1998. С. 168-169.

последнее время приобретает актуальность вопрос сочетания государственной (юрисдикционной) и негосударственной (неюрисдикционной) сторон механизма обеспечения прав, свобод и законных интересов личности. В самом деле, именно благодаря такому подходу становится возможным понять сущность и природу данного механизма. Особую остроту проблема сочетания приведенных процедур получила после вступления России во Всемирную торговую организацию. Дело в том, что принятые страной обязательства легализовали в правовой системе институт внешней юрисдикции. Он предусматривает возможность применения нетрадиционных форм обеспечения законных интересов¹.

На наш взгляд, необходимо обозначить следующие основные направления, свойственные такому комплексному интегративному подходу:

расширение объема обеспечительных мер;

внедрение международно-правовых стандартов в отечественную юридическую практику;

применение юрисдикционных и неюрисдикционных форм согласования интересов субъектами социально-экономических отношений;

анализ рисков нарушения прав и законных интересов физических и юридических лиц;

учет последствий использования альтернативных процедур для охраны и защиты интересов;

анализ деятельности государственных и негосударственных структур, определяющих результат и эффективность функционирования механизма обеспечения прав и законных интересов в целом².

¹ См.: Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации [рус., англ.] (вместе с Многосторонними соглашениями по торговле товарами) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.).

² См.: Анохин Ю.В. Об общих основаниях механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Ползуновский вестник. 2005. № 1. С. 251.

Механизм обеспечения представляет собой сложно-структурное, системное образование, которое сочетает в себе элементы социально-юридического государственного и негосударственного характера. Они находятся в тесной организационной соподчиненной взаимосвязи, составляют единую по своим целям и задачам систему.

С учетом перечисленных факторов можно утверждать, что роль неюрисдикционного процесса в структуре механизма обеспечения требует комплексного изучения. Сочетание внутрироссийских и международно-правовых процедур является самостоятельным источником легализации неюрисдикционного процесса, где механизм обеспечения прав, свобод и законных интересов выступает средством придания ему юридического значения.

Таким образом, цель такого механизма заключается в обеспечении реализации прав, свобод и законных интересов гражданина. Задачами являются соблюдение прав и законных интересов личности, создание условий для их беспрепятственного осуществления или восстановления в случае нарушения таковых. Из представленной посылки вытекают соответствующие им функции, а именно: воспитательная, охранительная, компенсационная, информационная, координационная, правовосстановительная и др.¹ В основе целей, задач и функций лежат правовые принципы. Движущей силой всего перечисленного являются потребности и интересы субъектов права

Исследование места и роли неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов предусматривает рассмотрение его статической (инструментальной) и динамической (функциональной) сторон. Статическая сторона представляет собой внутреннее строение механизма, или взятые в единстве его

¹ См.: Мордовец А.С. Указ. раб. С. 20.

системообразующие элементы. Она служит предпосылкой динамической стороны, поскольку в статике выражается комплекс компонентов, образующих структуру содержания. В качестве системообразующих компонентов выступают следующие: правовое регулирование общественных отношений; реализация, охрана и защита прав и законных интересов личности; деятельность юрисдикционных и неюрисдикционных структур; гарантии обеспечения действия данного механизма; правовая культура и правовое сознание; состояние правопорядка в государстве и законность.

Следует особо обратить внимание на то, что эффективное функционирование механизма обеспечения прав и законных интересов находится в прямой зависимости от степени социальной активности отдельно взятого индивида и его отношения к своим правам, свободам и законным интересам. Поэтому динамическая сторона отражает специфику функционирования статических компонентов, иными словами, действия юрисдикционных и неюрисдикционных структур. В этой связи здесь на первый план выступает непосредственно применение элементов механизма обеспечения в процессе совершения юридически значимой деятельности, которая направлена на достижение его целей и решение соответствующих задач в границах конкретных правоотношений.

Таким образом, статическая сторона механизма обеспечения прав и законных интересов представлена его элементами, динамическая — их любой деятельностью¹.

Не вызывает сомнения тот факт, что в механизме обеспечения прав, свобод и законных интересов главенствующее положение занимает именно государственно-правовая составляющая, которая играет ведущую роль в процессе реализации прав. Такое положение позволяет подчеркнуть:

¹ См.: Анохин Ю.В. Указ. раб. С. 251.

во-первых, особый статус правового государства в деятельности по обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан;

во-вторых, особую организаторскую деятельность государства по созданию, развитию и совершенствованию всех юрисдикционных и неюрисдикционных институтов, юридических и неюридических средств и способов защиты прав граждан¹.

Однако не следует недооценивать роль неюрисдикционных институтов и социальных средств обеспечения прав и законных интересов соответствующих субъектов. Их значение в настоящее время возрастает под воздействием факторов глобализации². В этой связи можно отметить, что цели юрисдикционной и неюрисдикционной деятельности совпадают – это обеспечение прав и законных интересов в различных сферах жизнедеятельности современного российского общества³. И юрисдикционная и неюрисдикционная деятельности возникают и осуществляются в сфере наиболее важных общественных отношений, а именно в области защиты, охраны и обеспечения прав, свобод и законных интересов. Поэтому различие между ними, выраженное в степени юридической формализации в отечественной правовой системе и в способах обеспечения, не является препятствием для их совместного применения через механизм обеспечения прав и законных интересов.

Формирование такой ситуации, когда возможно сочетание двух процессов, имеющих общее направление и цели, происходит на основании существования законодательно закреплённой возможности выбора форм

¹ См.: *Воситов Х.А.* Некоторые вопросы правового механизма обеспечения прав и свобод граждан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук. 2013. № 4 (56). С. 57.

² См.: *Рахматулов А.Э.* Государственно-правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина // Сборник научных трудов ТГУПБП. Худжанд, 2002. С. 9-12.

³ См.: *Малешин Д.Я.* Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 320-325.

защиты и обеспечения прав и законных интересов субъектами социально-экономических отношений в границах свободы волеизъявления и законности. Поэтому реализация такого подхода в пределах механизма указывает на двойственную природу неюрисдикционного процесса – объективно-субъективную.

Следовательно, использование неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения находится в зависимости от уровня правопорядка и правовой культуры населения страны. Так, выделяют целый ряд факторов объективного и субъективного характера, которые определяют выбор либо юрисдикционной, либо неюрисдикционной формы осуществления юридически значимой деятельности в механизме по защите и обеспечению прав и законных интересов. В частности, к объективным факторам относятся степень социально-экономического развития страны, политическая обстановка внутри государства, тип общества и т.д. Перечисленные обстоятельства определяют сферу распространения тех или иных видов способов урегулирования юридического конфликта в правовой реальности. Неслучайно, отмеченные предпосылки детерминируют и соответствующие волевые осознаваемые алгоритмы поведения субъектов права в структуре правовых отношений.

К субъективным условиям можно причислить ценностные установки, особенности восприятия окружающей реальности, позиции субъектов права и целесообразные варианты поведения индивидов. Они не всегда бывают правомерными, что и определяет отношение общества к нетрадиционным формам охраны и защиты интересов. В своем единстве они обуславливают варианты обращения к юрисдикционному или неюрисдикционному приему реализации основных прав и свобод.

В целях проведения анализа места и роли неюрисдикционного процесса в таком механизме необходимо исходить из его функционального и ресурсного потенциала¹. К таким факторам относятся:

доверительность, как движущая сила выбора сторонами неюрисдикционного процесса;

диспозитивность как свободное самостоятельное определение субъектами права порядка осуществления неюрисдикционного процесса.

В этой связи важно учитывать и использовать опыт применения рассматриваемого феномена в правовых системах различных государств. В частности, в западных государствах толчком к развитию негосударственных форм урегулирования конфликта стали большие финансовые обременения. Они связаны с официальной политикой работы юрисдикционных органов². Ярким примером являются Соединенные Штаты Америки, где расходы одной стороны не могли быть компенсированы даже в случае ее выигрыша³.

Изначально неюрисдикционный процесс стал применяться в Америке как альтернативная возможность обеспечения прав и законных интересов экономических субъектов и распространился на другие виды субъектов права. В настоящее время эта форма получила свое развитие в Британском королевстве⁴. В свою очередь классическая государственная модель

¹ См.: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 234

² См.: *Малешин Д.Я.* Указ. раб. М., 2011. С. 353.

³ См.: *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. С. 13.

⁴ См.: Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации [рус., англ.] (вместе с Многосторонними соглашениями по торговле товарами) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.).

урегулирования конфликта приобретает свойства крайнего исключительного средства¹.

Неюрисдикционные формы урегулирования конфликтов в странах романо-германской правовой системы менее востребованы. Данный факт объясняется традициями юридической практики, сформированной на фундаменте римского права, которое исходило из принципов и методов формулярного процесса. В этом смысле государства Европейского Союза в вопросах фундаментальных трансформаций сложившейся правовой системы более консервативны, чем страны, правовые системы которых ориентированы на прецедент.

Между тем именно неюрисдикционная составляющая механизма обеспечения законных интересов создает условия для более эффективного преодоления конфликта и его причин. Указанный эффект достигается за счет непосредственного участия субъектов права в выборе соответствующих форм выражения своего интереса. Неслучайно одной из целей механизма является разгрузка судебной системы и снижение уровня государственных расходов в сфере обеспечения частноправовых и публичных интересов².

Азиатские страны относительно указанной проблематики имеют свои отличительные особенности. Здесь основной ключевой посылкой тех или иных форм преодоления конфликта служат религиозные установки и представления, а также традиции и обычаи³. В такой ситуации обращение в

¹ *Andrews N. Alternative Dispute Resolution in England // Zeitschrift fur Zivilprozess International. 10. Band 2005. P. 9, 32 ; Freidman L.M. American Law in the 20th Century. New Haven; London, 2002. P. 279.*

² См.: *Марченко М.Н. Отличительные особенности романо-германского права // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право, 2000. № 1. С. 26-42.*

³ См.: *Varga C. Modernization of Law and its Codification Trends in the Afro – Asiatic legal development. Budapest: Institute for the World Economics of the Hungarian Academy of Sciences, 2005. P. 5-26.*

государственные органы с целью разрешения конкретного казуса является нарушением принятого в таком обществе порядка. Поэтому инициирование государственного разбирательства по урегулированию конфликтов – крайний способ защиты нарушенных прав и свобод.

В большинстве случаев возникающие конфликты разрешаются посредством таких способов, как переговоры, а также путем обращения в специальные организации негосударственного характера в качестве примера можно привести Центр по урегулированию транспортных конфликтов, существующий в Японии и разрешающий до 99% конфликтных ситуаций, связанных с дорожными происшествиями¹.

В Российской Федерации механизм защиты и обеспечения прав и законных интересов функционирует на основе двух направлений: юрисдикционного и неюрисдикционного. Данный вывод подтверждается юридической практикой и фактическим состоянием правопорядка. В частности, в последние годы правоприменители отмечают, что количество обращений физических и юридических лиц за судебной защитой существенно снижается. Приведенная статистика служит свидетельством роста запросов на нетрадиционные процессуальные формы обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина², к которым и относится неюрисдикционный процесс.

Несмотря на то, что российская правовая система указывает на возможность осуществления неюрисдикционного процесса, тем не менее, юридическая практика в данной сфере достаточно скудна³. Обычно в

¹ См.: *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США. С. 20.

² См.: *Носырева Е.И.* Там же. С. 27.

³ См., например: *Колясникова Ю.С.* Примириительные процедуры в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 5 ; *Курочкин С.А.* Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство: учебник. М.,

конфликтных ситуациях стороны предпочитают обращение к юрисдикционным органам. Одной из причин такого положения является низкий уровень правовой культуры населения страны, отсутствие пропаганды возможности устранения разногласий нетрадиционными способами, недоверие к посредникам и низкий материальный достаток основной части российского населения.

С другой, стороны сами органы государственной власти достаточно настороженно относятся к внедрению и активному применению неюрисдикционного процесса. Ярким примером является ситуация с третейскими судами¹. Неопределенность самого законодательства о третейском разбирательстве, касающаяся вопросов арбитрабельности юридических казусов, местонахождения постоянно действующих судов и т.п., повлекла за собой ряд проблем. Экономические субъекты злоупотребляли своим правом создания третейских судов и управления самим разбирательством (например, деятельность Федерального третейского суда)².

Сложившаяся практика реализации указанного института в структуре исполнительного производства повлекла за собой ряд негативных последствий, которые проявились в недоверии со стороны государственных органов к третейскому разбирательству. Такое отношение вызвало усиление

2013. С. 222 ; Суханов Е.А. О современном состоянии третейского разбирательства в Российской Федерации и перспективах его развития // Третейский суд. 2006. № 4. С. 38.

¹ См.: Бутнев В.В. Правовой спор и некоторые тенденции развития гражданского судопроизводства // Проблемы защиты субъективных гражданских прав: сборник научных трудов / под ред. В.В. Бутнева. Ярославль, 2011. Вып. 11. С. 17.

² См.: Севастьянов Г.В. Каким третейский суд быть не должен // Третейский суд. 2009. № 1. С. 4 - 6.

контроля за деятельностью таких судов¹. Указанное несовершенство законодательства может повлечь за собой угасание интереса к неюрисдикционному процессу, что противоречит принципам демократического правового государства, гражданского общества и общей мировой практики рассмотрения экономических споров.

Аналогичные проблемы возникают и при анализе законодательства, регламентирующего порядок проведения медиации². Процессы его принятия и реализации также сопровождались рядом негативных тенденций, а именно:

отсутствием общественного обсуждения и кулуарностью разработки;
игнорированием мнения экспертного сообщества;

юридизацией возникающих в этой сфере отношений, не исключая ситуации, где это является излишним³.

В своем первоначальном виде данный проект декларировал указанную процедуру в качестве саморегулируемого института гражданского общества. Поэтому в отечественной юридической практике отмечается тенденция огосударствления неюрисдикционного процесса. Оно стимулирует ограничения институтов гражданского общества. В этой связи нетрадиционные формы в механизме обеспечения прав и законных интересов не получают должного развития. В очередной раз обществу

¹ См., например: Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты по вопросам полномочий третейских судов и международных коммерческих арбитражей» // Третейский суд. 2006. № 5. С. 8 – 29.

² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 23 июля 2013 г.).

³ См.: *Севастьянов Г.В.* Юридизация медиации, или почему Госдума не рассматривает примирительные законопроекты // Третейский суд. 2009. № 5. С. 5 - 11.

демонстрируют «готовый продукт» в виде императивных предложений и инициатив со стороны органов государственной власти.

Немаловажную роль в процессе внедрения неюрисдикционного процесса играют психологические и социальные факторы, например, социокультурные условия функционирования общества. Необходимо, чтобы у субъектов права, занимающихся урегулированием конфликта, совпадали установки и принципы на выбор способов защиты. Этот аспект распространяет свое действие и на формы альтернативных вариантов обеспечения прав и законных интересов и доверия к указанным институтам гражданского общества

В этой связи гражданскому обществу в Российской Федерации следует продемонстрировать настойчивость в допуске народа к управлению политико-правовыми процессами. Отдельными проявлениями подвижек в сложившейся ситуации выступают: деятельность комиссий по трудовым спорам, предложенный Ассоциацией региональных банков проект института посредников по урегулированию конфликтов между банковскими организациями и их клиентами по вопросам обслуживания¹.

Одним из ключевых моментов анализа роли и места неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения законных интересов является отношение самого населения к юрисдикционной деятельности. В настоящее время оно выражается в отсутствии доверия. Такая ситуация означает, что либо люди вообще стараются не обращаться в суд, либо находят иные способы урегулирования возникающих конфликтов.

Большая работа ведется по популяризации использования способов неюрисдикционного процесса. В качестве примера можно привести Поручение Президента Российской Федерации, изданное по результатам

¹ См.: Кукол Е. Кредит без суда и следствия // Российская газета. 2010. № 128. С. 4.

VII Всероссийского съезда судей¹, «Стратегию развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года»² и т.д. Приоритетной целью такой активной правовой политики выступает уменьшение уровня загруженности судебной системы³.

Внедрение и использование неюрисдикционных форм связываются с решением проблем, возникающих в самой деятельности органов государственной власти, например, разрешение конфликта интересов между двумя союзными государствами относительно цены поставок газа и нефти в Республику Беларусь. Данный факт свидетельствует о нежелательности вынесения спора на публично-правовой уровень разбирательства, которое осуществляется Стокгольмским арбитражным судом, как это имеет место в отношениях России и Украины.

Большое значение приобретает и тот факт, что при обращении к неюрисдикционному процессу появляется возможность применять различные социальные регуляторы, основанные на принципе законности, которые были оговорены между субъектами права. Использование неюрисдикционного процесса ведет к преодолению разрыва между правом и моралью. Соответственно такой процесс позволяет его участникам обращаться к согласованным правовым принципам, которые они разделяют.

¹ См.: Поручение Президента Российской Федерации по итогам VII Всероссийского съезда судей. Опубликовано на официальном сайте Президента Российской Федерации 12.01.2009 г. // Kremlin.ru: официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/01/211593.shtml> (дата обращения: 22.09.2015).

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423.

³ См., например: *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 184 ; *Скворцов О.Ю.* Основные направления развития науки об альтернативных способах разрешения правовых споров // Третейский суд. 2009. № 3. С. 111.

Таким образом, место неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения законных интересов характеризуется его способностью учитывать специфику субъектно-объектной зависимости и использовать менее затратные методы обеспечения¹. С учетом изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Механизм обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина можно определить как комплекс правовых средств и юридических мер, осуществляемых юрисдикционными и неюрисдикционными структурами и направленными на обеспечение беспрепятственной реализации законодательно закрепленных прав и законных интересов человека и гражданина, их эффективной охраны и защиты. Он представлен инструментальной и функциональной сторонами. В рамках исследования места неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав, свобод и законных интересов инструментальная сторона выражается в совокупности правовых средств косвенного регулирования неюрисдикционной юридически значимой деятельности (нормы права, процедуры, нетрадиционные средства защиты). Функциональная сторона представляет собой непосредственно саму юридически значимую деятельность, осуществляемую в рамках специального правового режима.

2. Неюрисдикционный процесс является самостоятельным и дополнительным инструментом в механизме обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина. Единство государственной юрисдикции и альтернативных форм защиты способствует наиболее эффективному обеспечению прав и законных интересов индивида. Такое положение обосновывается следующими особенностями данного процесса:

содействием в восстановлении и поддержании деловых связей между заинтересованными субъектами;

¹ См.: Малешин Д.Я. Указ. раб. М., 2011. С. 360.

конфиденциальностью осуществления;

более короткими, по сравнению с юрисдикционными процессами, сроками рассмотрения юридических казусов;

способствованием в формировании институтов гражданского общества, а именно институтов саморегулирования.

3. Реализация неюрисдикционного процесса должна проходить с учетом экономических, политико-правовых, психологических, географических и социокультурных условий развития правовой системы. Анализ зарубежного опыта показал, что источником применения неюрисдикционного процесса служат объективные причины: трансграничность, внешняя юрисдикция и др.

4. Концепция неюрисдикционного процесса основана на свободе волеизъявления субъектов права в своем интересе. Если заинтересованные участники останутся неудовлетворенными ходом и результатом осуществления неюрисдикционной деятельности, они всегда могут обратиться в органы государственной власти в целях разрешения юридического казуса.

Таким образом, неюрисдикционный процесс объективно вписывается в механизм обеспечения прав и законных интересов субъектов права, является его важнейшей составляющей, инструментом защиты и обеспечения прав, свобод человека и гражданина. Дальнейшее развитие этого института требует активизации гражданского общества в системе властных отношений. Решение обозначенной проблемы будет способствовать скорейшей легализации и совершенствованию неюрисдикционного процесса как самостоятельного инструмента в механизме защиты и обеспечения прав и законных интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подведем итоги исследования, сформулируем основные выводы и рекомендации относительно определения сущности и природы неюрисдикционного процесса. Реализация и легализация этой конструкции являются следствием фундаментальных трансформаций правовой действительности. Такая динамика обусловлена внедрением в научный и эмпирический оборот новых форм осуществления юридически значимой деятельности. Глобализационные и регионализационные процессы в финансово-экономической сфере, произошедшие в конце XX – начале XXI в. явились следствием возрождения интереса к неюрисдикционному процессу. Указанная тенденция выступает следствием утраты актуальности в постиндустриальном обществе догматических и формально-юридических конструкций в процессах разрешения юридических казусов.

По нашему мнению, принципиальное значение для изучения неюрисдикционного процесса приобретает исследование причин внедрения и оснований легализации неюрисдикционного процесса. Они определяют вероятность и пределы возможного использования неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений и задают параметры структуры его содержания, возможность верификации и способы осуществления. Поэтому совокупность внутренних и внешних факторов делает легализацию неюрисдикционного процесса в правовой системе России объективной необходимостью и потребностью для становления инструментов гражданского общества.

Считаем, что предпосылки внедрения неюрисдикционного процесса в правовую систему Российской Федерации можно определить как наличие условий, при которых существует возможность эффективно пользоваться таким процессом на практике, внедрить его в сложившуюся систему

общественных отношений без последующего отторжения. В этой связи целесообразно выделить базовые юридические причины, которые обосновывают необходимость использования неюрисдикционного процесса в юридической практике: наличие недостатков при урегулировании конфликтов в рамках юрисдикционных процессов; увеличение в структуре юридической практики универсальных конструкций, неопределенностей, относительностей и допущений; принятие Российской Федерацией обязательств по соблюдению международных норм, правил, стандартов и принципов в связи с вступлением во Всемирную торговую организацию.

Единство предпосылок и причин представляет собой совокупность обстоятельств, которые выражаются в факторах детерминации неюрисдикционного процесса в правовой системе России. Они делают становление и внедрение неюрисдикционного процесса не только возможным, но и неизбежным.

Считаем, что в Российской Федерации на данный момент уже сложились условия для использования неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов. Поэтому отсутствие прямого правового регулирования неюрисдикционных видов деятельности является законодательным пробелом, который необходимо восполнить с учетом использования опыта мировой правоприменительной практики.

Возрастание роли и значения мировоззренческих оснований исследования рассматриваемой проблемы позволяет систематизировать информацию научно-практического характера о природе неюрисдикционного процесса и активно пропагандировать данную форму обеспечения. На наш взгляд, к наиболее обоснованным идеям и взглядам относятся несколько ведущих мировоззренческих подходов, взятых в единстве — юридический позитивизм, рационализм, структурный функционализм, синергетика. В условиях все более глобализирующейся социально-экономической действительности мировоззрение приобретает

статус самостоятельного условия легализации неюрисдикционного процесса.

Анализируемый феномен представляет собой юридически значимую деятельность по обеспечению прав и законных интересов. Тем не менее, можно утверждать, что неюрисдикционный процесс представляет собой альтернативную официальной юрисдикции государства форму обеспечения прав и законных интересов субъектов права. В этой связи считаем, что неюрисдикционный процесс выступает в качестве самоорганизуемой правомерной поведенческой модели, обеспечивающей не только преодоление конфликта, но и прогнозирование последствий выбора данной меры. Поэтому рассматриваемый процесс можно определить как обусловленную закономерностями развития окружающей действительности и основанную на требованиях законности самоорганизуемую поведенческую модель субъектов права, юридически значимая деятельность которых направлена на защиту и обеспечение прав и законных интересов путем достижения компромисса или соглашения.

Природа неюрисдикционного процесса определяется косвенным правовым регулированием и содержанием юридически значимой деятельности его участников. Поэтому можно допустить, что исследуемый феномен применяется для обеспечения прав и законных интересов в качестве дополнительной гарантии. В этом смысле неюрисдикционный процесс, с одной стороны, обеспечивает возможности преодоления косности бюрократической системы, осуществляющей правоприменение; с другой стороны, в ходе внедрения неюрисдикционного процесса в юридическую практику следует учитывать его альтернативность юрисдикционным процедурам.

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о структуре неюрисдикционного процесса, которая предоставляет возможность раскрыть его природу и сущность. Анализ действующих

нормативных актов, осуществляющих косвенное правовое регулирование, позволил выделить следующие её элементы: субъекты и объект неюрисдикционного процесса; принципы неюрисдикционного процесса; неюрисдикционные процедуры; юридически значимая деятельность участников неюрисдикционного процесса, которая представлена соответствующими стадиями; способы и приемы, при помощи которых он осуществляется. Большую важность приобретает выделение в качестве структурного компонента стадий, который показывает на лежащий характер юридически значимой деятельности, разделенной на отдельные этапы. Структура позволяет выявить связь элементов, составляющих неюрисдикционный процесс, друг с другом, а также показать его место и значение в механизме обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений.

По нашему мнению, отдельные аспекты специально-договорного правового режима являются общими и для неюрисдикционного процесса. Возможность использования конструкции «специальный и договорный правовой режим» для анализа природы исследуемого феномена базируется на особенностях осуществления юридически значимой деятельности субъектов права в пределах анализируемого феномена. Специальный и договорный правовые режимы служат основанием и формой легализации неюрисдикционного процесса в механизме обеспечения прав и законных интересов. Поэтому критериями, раскрывающими специфику и особенности режима осуществления неюрисдикционного процесса, являются: консенсуальный характер возникших отношений в рамках неюрисдикционного процесса; негосударственный характер регламентации способов осуществления неюрисдикционного процесса; отсутствие прямого нормативного закрепления данного феномена; разрешение юридических казусов на основе общих принципов права; отношения координации совместных действий в неюрисдикционном процессе.

Выбор неюрисдикционного процесса претворяет в жизнь ряд принципов, не характерных для классического юрисдикционного процесса: добровольность выбора неюрисдикционного процесса; сочетание императивных и диспозитивных начал в легализации неюрисдикционного процесса; несистемное правовое регулирование, основанное на сочетании различных по своей природе методов воздействия на стороны неюрисдикционного процесса; производность неюрисдикционного процесса от волеизъявления участников процесса; ориентированность урегулирования конфликта на интересы сторон, обычаи делового оборота, обычаи, деловые обыкновения, общепризнанные принципы права; отсутствие механизма государственного принуждения; взаимобременение субъектов права в неюрисдикционном процессе; необходимая конфиденциальность; доверительный характер отношений заинтересованных сторон неюрисдикционного процесса; координация совместных действий заинтересованных сторон и иных лиц, участвующих в урегулировании конфликтов.

Появление и совершенствование неюрисдикционного процесса в правовой системе России – это результат реакции общества на изменения в системе социально-экономических связей, возникновение и развитие ряда негативных явлений: социальное неравенство, коррупция, чиновничий произвол, отсутствие справедливости и многое другое. Общество осознало пагубность излишнего бюрократизма и волокиты государственно-правовых инструментов. Поэтому предпринимаются попытки для их преодоления через альтернативные формы реализации своих прав и свобод, а также по выстраиванию механизмов самозащиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. НОРМАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) [Текст] // Российская газета. – 1993. – № 237 ; СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (вместе со Статутом Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) (по состоянию на 4 мая 2015 г.) [Текст] (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.; ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1960 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1993. – № 8. – С. 108 - 113.

3. Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже (вместе со Статутом Европейской Конвенции о внешнеторговом арбитраже) [Текст] (заключена в г. Женеве 21 апреля 1961 г.; ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1962 г. № 67-VI) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1993. – № 10. – С. 76 - 89.

4. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID) [рус., англ.] [Текст] (заключена в г. Вашингтоне 18 марта 1965 г.; вступила в силу 14 октября 1966 г.) // Международное

публичное право. Сборник документов. – Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 431 - 445.

5. Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно-технического сотрудничества [Текст] (заключена в г. Москве 26 мая 1972 г.; ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1973 г. № 4161-VIII; вступила в силу для Российской Федерации 13 августа 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXIX. – М., 1975. – С. 102 - 105.

6. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [Текст] (заключена в г.г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 29 марта 1972 г.; ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1973 г. № 4855-VIII; вступила в силу для СССР 9 октября 1973 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. – Т. 2. – М.: БЕК, 1996. – С. 362-368.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (с изм. от 23 июля 1994 г.) [Текст] (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г. ; ратифицирована Федеральным законом от 26 февраля 1997 г. № 30-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 11 апреля 1997 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 48. – Ст. 5493 ; СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5720.

8. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже [Текст] (принят в г. Нью-Йорке 21 июня 1985 г. на 18-й сессии ЮНСИТРАЛ) // Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1985 год. – Т. XVI. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1988. – С. 601 – 612.

9. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Текст] (заключена в г. Минске

22 января 1993 г.; ратифицирована Федеральным законом от 04 августа 1994 г. № 16-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

10. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации [рус., англ.] (вместе с «Многосторонними соглашениями по торговле товарами») [Текст] (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.; вступило в силу для Российской Федерации 22 августа 2012 г.) // СЗ РФ. – 2012. – № 37 (приложение, ч. VI). – С. 2514 – 2523.

11. О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации [Текст] протокол от 16 декабря 2011 г.: (ратифицирован Федеральным законом от 21 июля 2012 №126-ФЗ ; вступил в силу 22 августа 2012 г.) // СЗ РФ. – 2012. – № 37. – Ст. 4986.

12. Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] (вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») [Текст] (принят в г. Риме 17 июля 1998 г. дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда ; подписан и ратифицирован Распоряжением Президента Российской Федерации) URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.05.2015).

13. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Текст] (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций; ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 25 июня 2004 г.) // СЗ РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.

14. Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о международной коммерческой

согласительной процедуре (вместе с «Руководством по принятию и применению...») [Текст] (принят в г. Нью-Йорке 24 июня 2002 г. на 35-й сессии ЮНСИТРАЛ). – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2004. – 63 с.

15. Модельный таможенный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств [Текст] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2008 г. на 31-м пленарном заседании) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2009. – №43. – С. 460-504.

16. Ответственность государств за международно-противоправные деяния [Текст]: Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г. // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.05.2015).

17. О чрезвычайном положении [Текст] : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Российская газета. – 2001. – № 105 ; 2014. – № 59

18. О военном положении [Текст] : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // СЗ РФ. – 2002. – №5. – Ст. 375 ; 2014. – № 11. – 1088.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 ; – 2016. – № 5. – Ст. 559.

20. Семейный кодекс Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от

30 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16 ; 2016. – № 1 (ч. I). – Ст. 77.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410 ; –2016. – № 22. – Ст. 3094.

22. Воздушный кодекс Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 13. – Ст. 1383 ; 2016. – № 28. –Ст. 4558.

23. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824 ; 2016. – № 22. – Ст. 3092.

24. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [Текст]: федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207 ; 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4215.

25. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 11. – Ст. 1001 ; – 2016. – № 27 (ч. II). – Ст. 4300.

26. Трудовой кодекс Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 27 июля 2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3 ; 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4804.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г.

№ 174-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Российская газета. – 2001. – № 249 ; 2016. – № 150.

28. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Российская газета. – 2001. – № 256 ; 2016. – № 152.

29. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532 ; 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4205.

30. Таможенный кодекс Таможенного Союза от 27 ноября 2009 г. (в ред. от 8 мая 2015 г.) [Текст] : Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза (принято Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) // СЗ РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6615 ; 2015. – № 38. – Ст. 5214.

31. О международном коммерческом арбитраже (вместе с Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации) [Текст] : закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (в ред. от 3 декабря 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240 ; СЗ РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5748.

32. Об охране озера Байкал [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г.) // Российская газета. – 1999. – № 90 ; 2014. – № 146.

33. О третейских судах в Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (в

ред. от 29 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019 ; 2016. – № 1 (ч. I). – Ст.

34. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822 ; 2016. – № 27 (ч. II). – Ст. 4231.

35. Об особых экономических зонах Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Российская газета. – 2005. – № 162 ; – 2015. – № 153.

36. Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 10 декабря 2006 г. № 16-ФЗ (в ред. от 11 марта 2016 г.) // Российская газета. – 2006. – № 8 ; 2016. – № 53.

37. О саморегулируемых организациях [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6076 ; 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4225.

38. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162 ; 2013. – № 30 (ч. I). – Ст. 4066.

39. О бухгалтерском учете [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2014 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7344 ; 2014. – № 45. – Ст. 6154.

40. О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя [Текст] : федеральный

закон Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Российская газета. – 2014. – № 275 ; 2017. – № 144.

41. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Текст] : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Российская газета. – 2014. – № 299 ; 2016. – № 146.

42. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации [Текст] : федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. I). – Ст. 2.

43. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [Текст] : федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. I). – Ст. 29 ; 2016. – № 27 (ч. II). – Ст. 4294.

44. О мерах по проведению административной реформы в 2003 – 2004 годах [Текст] : Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824 // СЗ РФ. – 2003. – № 30. – Ст. 3046.

45. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы [Текст] : Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 // СЗ РФ. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

46. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы на 2013 – 2020 гг.» [Текст] : Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. №1406 // СЗ РФ. – 2013. – №1. – Ст.13.

47. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» [Текст] : Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. №1406 // СЗ РФ. – 2014. – №18 (ч. II). – Ст.2158.

48. О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах [Текст] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р // СЗ РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.

49. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Текст] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

50. Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года [Текст] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р // СЗ РФ. – 2009. – № 3. – Ст. 423.

51. О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования [Текст] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 2776-р // СЗ РФ. – 2016. – № 2 (ч. II). – Ст. 458.

52. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова [Текст] : постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П // СЗ РФ. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.

53. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 4, статьей 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым пункта 1 статьи 17 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" [Текст] :

Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 377-О-О.
URL: www.consultant.ru (дата обращения: 04.02.2016).

54. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации [Текст] : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П // СЗ РФ. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

55. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Текст] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

56. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности [Текст] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 12.

57. О примирении сторон в арбитражном процессе [Текст] : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 50 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 9. – С. 175 – 186.

58. О третейском суде в Российской Империи [Текст] : Положение: (утверждено Указом императора Николая I от 15 апреля 1831 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб., 1832. – Т. VI. – С. 309 - 310.

59. О товарищеских судах и об общественных советах по работе товарищеских судов [Текст] : Положение: (утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст. 254.

II. НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

60. *Абрамов, А.И.* Теоретические и практические проблемы реализации функций права [Текст] / А.И. Абрамов ; под общ. ред. В.М. Ведяхина. – Самара: ООО «Офорт», 2008. – 318 с.

61. *Аврорин, В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) [Текст] / В.А. Аврорин. – Ленинград: Наука, 1975. – 276 с.

62. *Алексеев, С.С.* Проблемы теории права: в 2 т. [Текст] / С.С. Алексеев. – Свердловск: СЮИ, 1972. – Т. 1. – 396 с.

63. *Абрамсон, М.Л.; Кириллов, А.А.; Колесницкий Н.Ф.* История средних веков [Текст] : учебник / М.Л. Абрамсон, А.А. Кириллов, Н.Ф. Колесницкий и др. ; под ред. Н.Ф. Колесницкого. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 575 с.

64. *Баранов, В.М., Поленина, С.В.* Система права, система законодательства и правовая система [Текст] : курс лекций / В.М. Баранов, С.В. Поленина. – Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 2000. – 46 с.

65. *Бачило, И.Л.* Функции органов управления [Текст] / И.Л. Бачило. – М.: Юрид. лит., 1976. – 200 с.

66. *Бревдо, Т.В., Волков, Г.Ю., Миронова, О.А.* Глобализация мировой экономики [Текст] / Т.В. Бревдо [и др.]. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 320 с.

67. Бюллетень Федерального института медиации. 2014 год [Текст] / науч. ред. Ц. Шамликашвили. – Т.1. – М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2015. – 334 с.

68. *Вопленко, Н.Н.* Очерки общей теории права [Текст] / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
69. *Гегель, Г.* Сочинения. Наука логики [Текст] / Г. Гегель ; под ред. М. Б. Митина ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. – Т.5. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 715 с.
70. *Гойман, В.И.* Действие права (методологический анализ) [Текст] / В.И. Гойман. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 182 с.
71. *Гражданский процесс. Хрестоматия* [Текст] : учебное пособие / под ред. М. К. Треушников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГОРОДЕЦ, 2005. – 896 с.
72. *Гришина, Н.В.* Психология конфликта [Текст] / Н.В. Гришина. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
73. *Гурней, Б.* Введение в науку управления [Текст] / Б. Гурней ; пер. с фр. Г.С. Яковлев ; ред. М.И. Пискотин. – М.: Прогресс, 1969. – 430 с.
74. *Давид, Р., Жоффре-Спинози, К.* Основные правовые системы современности [Текст] / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В.А. Туманова – М.: Международные отношения, 1997. – 400 с.
75. *Денисенко, В.В.* Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию [Текст] / В.В. Денисенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 184 с.
76. *Дюрягин, И.А.* Гражданин и закон (о защите прав и законных интересов граждан) (Право для всех) [Текст] / И.А. Дюрягин. – М.: Юрид. лит., 1989. – 382 с.
77. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э.О. Дюркгейм ; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
78. *Ждановская, А.А.* Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? : в 2 кн. Кн. 2 Россия в неолиберальной петле [Текст] / А.А. Ждановская. – 2-е изд. – М.: Ленанд, 2016. – 264 с.

79. *Зайцев, А. К.* Социальный конфликт [Текст] / А.К. Зайцев. – 2-е изд. – М.: Academia, 2001. – 464 с.
80. *Зайцев, И.М.* Хозяйственный спор и арбитражный процесс [Текст] : вопросы теории / И.М. Зайцев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 82 с.
81. *Заозерский, Н.А.* Духовное лицо в звании третейского судьи [Текст] / Н.А. Заозерский. – СПб.: Лань, 2013. – 61 с.
82. *Зенкин, И.В.* Право Всемирной торговой организации [Текст] / И.В. Зенкин. – М.: Юрайт, 2014. – 792 с.
83. *Зорькин, В.Д.* Цивилизация права и развитие России [Текст] / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 320 с.
84. *Карташов, В.Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность [Текст] / В.Н. Карташов ; под ред. Н.И. Матузова – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1989. – 218 с.
85. *Кельзен, Г.* Чистое учение о праве, справедливости и естественное право [Текст] / Г. Кельзен ; пер. с нем., англ., и фр. ; сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 704 с.
86. *Клеандров, М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / М.И. Клеандров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 600 с.
87. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под ред. Л. В.Лазарева, В. Д. Зорькина. – М.: ООО «Новая правовая культура», 2009. – 1056 с.
88. *Корельский, В.М.* Общая теория социалистического государства [Текст] : учебное пособие / В.М. Корельский; под ред. А.Ф Черданцева. – Свердловск: Изд-во Свердловск. юрид. ин-та, 1970. – 196 с.
89. *Кулапов, В.Л., Медная, Ю.В.* Поднормативное правовое регулирование [Текст] / В.Л. Кулапов, Ю.В. Медная. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 200 с.

90. *Кузбагаров, А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера [Текст] / А.Н. Кузбагаров. – СПб.: ООО «Статус», 2010. – 320 с.
91. *Курочкин, С.А.* Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство [Текст] : учебник / С.А. Курочкин. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 260 с.
92. *Лазарев, Б.М.* Компетенция органов управления [Текст] / Б.М. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1972. – 178 с.
93. *Лафта, Дж.К.* Теория организации [Текст] : учебное пособие / Дж.К. Лафта. – М.: Проспект, 2005. – 416 с.
94. *Лескова, Ю.Г.* Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений [Текст] / Ю.Г. Лескова. – М.: Статут, 2013. – 384 с.
95. *Леушин, В.И.* Юридическая практика в системе общественных отношений [Текст] / В.И. Леушин ; науч. ред. С.С. Алексеев. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. – 152 с.
96. *Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка [Текст] / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Русский язык, 1990. – 704 с.
97. *Луман, Н.* Социальные системы. Очерк общей теории [Текст] / Н. Луман ; пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
98. *Лучин, В.О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве [Текст] / В.О. Лучин. – М.: Юрид. лит., 1976. – 168 с.
99. *Малешин, Д.Я.* Гражданская процессуальная система России [Текст] / Д.Я. Малешин. – М.: Статут, 2011. – 496 с.
100. *Мальцев, Г.В.* Нравственные основания права [Текст] / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2008. – 550 с.

101. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т.12. – 879 с.
102. *Масленников, В.В.* Посредническое предпринимательство [Текст] : учебное пособие / В.В. Масленников. – М.: Инфра-М, 2003. – 272 с.
103. *Мертон, Р.* Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
104. *Миронова, С.Н.* Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров [Текст] / С.Н. Миронова. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 248 с.
105. *Мордовец, А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина [Текст] / А.С. Мордовец ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. – 286 с.
106. *Морозова, Л.А.* Конституционное регулирование в СССР [Текст] / Л.А. Морозова. – М.: Юрид. лит., 1985. – 156 с.
107. *Морозова, Л.А.* Проблемы современной российской государственности: учебное пособие [Текст] / Л.А. Морозова. – М.: Юрид. лит., 1998. – 80 с.
108. *Мурадян, Э.М.* Судебное право [Текст] / Э.М. Мурадян. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 575 с.
109. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / В.М. Лебедев; под общ. ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 851 с.
110. *Носырева, Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США [Текст] / Е.И. Носырева. – М.: ОАО «Издательский Дом «Городец»», 2005. – 320 с.
111. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.

112. *Онищенко, Н.М.* Правовая система: проблемы теории [Текст] / Н.М. Онищенко. – М.: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, 2002. – 352 с.
113. *Орлова, И.А.* Институт разрешения споров в системе международного права [Текст] / И.А. Орлова. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2011. – 199 с.
114. *Осипов, М.Ю.* Теория социально-правовых процессов [Текст] / М.Ю. Осипов. – М.: NOTA BENE, 2011. – 300 с.
115. *Осипов, Ю.К.* Подведомственность и подсудность гражданских дел [Текст] / Ю.К. Осипов. – М.: Госюриздат, 1962. – 112 с.
116. *Павлушина, А.А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития [Текст] / А.А. Павлушина. – Самара: изд-во Самар. гос. экон. акад., 2005. – 480 с.
117. *Панова, И.В.* Юридический процесс [Текст] / И.В. Панова ; науч. ред. Н.М. Конин. – Саратов: Светопись, 1998. – 76 с.
118. *Парсонс, Т.* О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
119. *Пахман, С.В.* Обычное гражданское право в России: юридические очерки [Текст] / С.В. Пахман. – СПб.: Зерцало, 2003. – 736 с.
120. *Петров, И.В.* Государство и право Древней Руси (750–980 гг.) [Текст] / И.В. Петров. – М.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. – 413 с.
121. *Побирченко, И.Г.* Хозяйственная юрисдикция (общее учение) [Текст] / И.Г. Побирченко. – Киев: РИО МВД УССР, 1973. – 252 с.
122. *Правовая мысль: антология* [Текст] / авт.-сост. В. П. Малахов. – М.: Академический проект, 2003. – 1016 с.
123. *Правовая политика. Право. Правовая система* [Текст] / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 344 с.

124. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты [Текст] / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 499 с.
125. Проблемы судебного права [Текст] / под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
126. *Протасов, В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории [Текст] / В.Н. Протасов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 144 с.
127. *Протасов, В.Н.* Юридическая процедура [Текст] / В.Н. Протасов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 79 с.
128. Процессуальные нормы и отношения в советском праве в «непроцессуальных» отраслях [Текст] / авт. кол. : И. А. Галаган, А. П. Глебов, В. С. Основин и др. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 208 с.
129. *Пугинский, Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях [Текст] / Б.И. Пугинский. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
130. *Радько, Т.Н.* Теория функций права [Текст] / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2015. – 272 с.
131. *Рожкова, М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора [Текст] / М.А. Рожкова. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 416 с.
132. *Розин, В.М.* Методологические проблемы биологии и возможные пути их решения [Текст] / В.М. Розин // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция) / ред. О.Е. Баксанский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 93 -102.
133. *Ромашов, Ю.С., Фетищев, Д.В.* Юрисдикция государств в правоохранительной сфере [Текст] / Ю.С. Ромашев, Д.В. Фетищев. – М.: Научная книга, 2009. – 48 с.

134. Российское законодательство X – XX веков. Законодательство Древней Руси [Текст] / под общ. ред. О.И. Чистякова ; отв. ред. В.Л. Янин. – Т.1. – М., 1984. – 430 с.
135. Рулан, Н. Юридическая антропология [Текст] : учебник для вузов / Н. Рулан ; под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: НОРМА, 1999. – 310 с.
136. Румянцев, Н.В. Специальные административно правовые режимы деятельности органов внутренних дел в современных условиях [Текст] / Н.В. Румянцев. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 167 с.
137. Рушайло, В.Б. Административно-правовые режимы [Текст] / В.Б. Рушайло. – М.: Щит-М, 2000. – 264 с.
138. Рязановский, В.А. Единство процесса [Текст] / В.А. Рязановский. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1996. – 75 с.
139. Самоуправление: От теории к практике [Текст] / авт. кол.: М. С. Айвазян, А. И. Ковлер, В. В. Смирнов и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Г. Х. Шахназаров. – М.: Юрид. лит., 1988. – 208 с.
140. Свердлык, Г.А. Защита и самозащита гражданских прав [Текст]: учебное пособие / Г.А. Свердлык. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 208 с.
141. Снежко, О.А. Государственная защита прав граждан [Текст] / О.А. Снежко. – М.: Юрист, 2005. – 266 с.
142. Современный словарь иностранных слов [Текст] : около 20000 слов / ред. Л.Н. Комарова. – 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2000. – 742 с.
143. Сорокин, В.Д. Проблемы административного процесса [Текст] / В.Д. Сорокин. – М.: Юрид. лит., 1968. – 144 с.
144. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права [Текст] / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2004. – 528 с.
145. Тарбагаев, А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности [Текст] / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. – 120 с.

146. *Горшенев В.М., Крупин В.Г. и др.* Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. Харьков: Вища школа: Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. 193 с.

147. *Тихомиров, Ю.А.* Управление делами общества: субъекты и объекты управления в социалистическом обществе [Текст] / Ю.А. Тихомиров – М.: Мысль, 1984. – 223 с.

148. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка [Текст]: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 943 с.

149. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова. – Т.1. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 1096 с.

150. *Тосунян, Г.А.* Банковское саморегулирование [Текст] / Г.А. Тосунян. – М.: СПЕЦ-АДРЕС, 2006. – 304 с.

151. *Тугаринов, В.П.* Философия сознания (современные вопросы) [Текст] / В.П. Тугаринов. – М.: Мысль, 1971. – 271 с.

152. *Уздимаева, Н.И.* Правовая самозащита: концептуально-проблемные основы теории [Текст] / Н.И. Уздимаева. – Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2008. – 112 с.

153. *Филиппова, С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей [Текст] / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2011. – 320 с.

154. *Филиппова, С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права [Текст] / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2013. – 350 с.

155. *Хакен, Г.* Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах DJVU [Текст] / Г. Хакен. – М.: Мир, 1985. – 424 с.

156. *Хартли, Т.* Основы права Европейского сообщества. Введение в конституционное и административное право Европейского сообщества

[Текст] / Т. Хартли ; пер. и науч. ред. В.Г. Бенда. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 161 с.

157. Хелд, Д., Гольтблатт, Д., Макгрю, Э., Перратон, Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура [Текст] / Д. Хелд, Д. Гольтблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон ; пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.

158. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы [Текст] / под ред. В.Н. Корецкого. – М.: Госюриздат, 1961. – 366 с.

159. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран [Текст]: учебник / В.Е. Чиркин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 622 с.

160. Шагиева, Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе [Текст] / Р.В. Шагиева. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. – 312 с.

161. Шептулин, А.П. Категории диалектики [Текст] / А.П. Шептулин. – М.: Высшая школа, 1971. – 280 с.

162. Шергин, А.П. Административная юрисдикция [Текст] / А.П. Шергин. – М.: Юрид. лит., 1979. – 143 с.

163. Шундилов, К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения [Текст] / К.В. Шундилов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 256 с.

164. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. – М.: Юрид. лит., 1976. – 280 с.

III. СТАТЬИ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ

165. Акимов, А.Н., Чекин А.Н. О соотношении международного права и национального права в эпоху глобализации [Текст] / А.Н. Акимов,

А.Н. Чекин // Международное публичное и частное право. – 2009. – №5. – С. 44-47.

166. *Анохин, Ю.В.* Об общих основаниях механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности [Текст] / Ю.В. Анохин // Ползуновский вестник. – 2005. – № 1. – С. 250-256.

167. *Байтин, М.И., Яковенко, О.В.* Теоретические вопросы правовой процедуры [Текст] / М.И. Байтин, О.В. Яковенко // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 93 – 102

168. *Барбин, В.В.* К вопросу о признаках правовых режимов [Текст] / В.В. Барбин // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 3. – С. 20 – 22.

169. *Баширова, С.Г.* К вопросу о соотношении правовой процедуры и юридического процесса [Текст] / С.Г. Баширова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». – 2007. – Вып. 67. – С. 38 – 48.

170. *Белоковильский, М.С.* Конфликт и консенсус: некоторые проблемы реализации диспозитивных начал в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / М.С. Белоковильский // Российский судья. – 2014. – № 7. – С. 20 – 24.

171. *Беляева, Г.С.* К вопросу о сущности, содержании и особенностях нормативно-правового закрепления частноправового режима [Текст] / Г.С. Беляева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7 (44). – С. 1321 – 1325.

172. *Бенова, В. И.* Посредничество (медиация) как один из способов альтернативного разрешения споров [Текст] / В.И. Бенова // Бизнес, менеджмент и право. – 2013. – № 1. – С. 155 – 160.

173. *Богачева, О.* Социальные функции [Текст] / О. Богачева // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8. – С. 36 – 38.

174. *Братановский, С.Н.* Сущность и виды специальных правовых режимов информации [Текст] / С.Н. Братановский // Гражданин и право. – 2012. – № 9. – С. 3 – 17.

175. *Венгеров, А.Б.* Синергетика, юридическая наука, право [Текст] / А.Б. Венгеров // Государство и право. – 1986. – № 10. – С. 36 – 56.

176. *Ветютнев, Ю.Ю.* Синергетика в праве [Текст] / Ю.Ю. Ветютнев // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64 – 69.

177. *Власенко, Н.А., Чернышева, Т.В.* Примирение и право [Текст] / Н.А. Власенко, Т.В. Чернышева // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 91 – 106.

178. *Волков, Г.Ю.* Минимизация негативных последствий вступления в ВТО на региональном уровне (на примере Ростовской области) [Текст] / Г.Ю. Волков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 1. – С. 10 – 17.

179. *Воронцов, А.А.* Международный коммерческий арбитраж: практические аспекты деятельности [Текст] / А.А. Воронцов // Арбитражная практика. – 2006. – № 5. – С. 93 – 96.

180. *Воситов, Х.А.* Некоторые вопросы правового механизма обеспечения прав и свобод граждан [Текст] / Х.А. Воситов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук. – 2013. – № 4 (56). – С. 52 – 57.

181. *Гальперин, М. Л.* «Третейское разбирательство - это не бизнес» [Текст] / М.Л. Гальперин // Закон. – 2015. – № 10. – С. 6 – 16.

182. *Глигич-Золотарева, М.В.; Добрынин, Н.М.* Синергетика федерализма. Ч. I [Текст] / М.В. Глигич-Золотарева, Н.М. Добрынин // Право и политика. – 2006. – № 11. – С. 5 – 16.

183. *Давыденко, Д.Л.* Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного урегулирования споров» [Текст] / Д.Л. Давыденко // Третейский суд. – 2009. – №1. – С. 41 – 44.

184. *Давыденко, Д.Л.* Мировой ряд – особый способ урегулирования споров в Новгородской Республике в XI – XV вв. [Текст] / Д.Л. Давыденко // Третейский суд. – 2011. – № 3. – С. 157 – 169.

185. *Егорова, М. А.* Место саморегулирования в системе социальных норм [Текст] / М.А. Егорова // Конкурентное право. – 2013. – № 2. – С. 19 – 25.

186. *Елисейкин, П.Ф.* Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий [Текст] / П.Ф. Елисейкин // Вопросы развития и защиты прав граждан: межвузовский тематический сборник / ред. кол. Р.Е. Гукасян (отв. ред.) и др. – Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1975. – С. 56 – 70.

187. *Ергашев, Е.Р.* Принципы правового института надзора за исполнением законодательства при исполнении мер принудительного характера, назначаемых судом [Текст] / Е.Р. Ергашев // Российский судья. – 2007. – № 12. – С. 44 – 47.

188. *Ерохина, Е.В.* Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров [Текст] / Е.В. Ерохина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2014. – № 4. – С. 165 – 170.

189. *Зайцев, А.В.* Институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России: структурно-функциональный анализ [Текст] / А.В. Зайцев // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – № 1. – С. 30 – 36.

190. *Зайцева, Л.И.* Переговоры как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве [Текст] / А.В. Зайцев // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 3. – С. 15 – 19.

191. *Зубарев, Л.В.* Разрешение споров путем переговоров с участием посредника (медиация) [Текст] / Л.В. Зубарев // Страхование право. – 2004. – № 1 (22). – С. 9 – 11.

192. *Ильин, А.Ю.* Специальные налоговые режимы: правовой механизм применения, развития и совершенствования [Текст] / А.Ю. Ильин // Финансовое право. – 2011. – № 3. – С. 20 – 27.

193. *Каллистратова, Р.Ф.* О правовом статусе третейского суда [Текст] / Р.Ф. Каллистратова // Хозяйство и право. – 1993. – № 12. – С. 101 – 105.

194. *Карташов, В.Н.* Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки [Текст] / В.Н. Карташов // Юридическая наука и практика. – 2010. – № 1. – С. 13 – 23.

195. *Клеандров, М.И.* Вид суда – третейский, разновидность – криминальный [Текст] / М.И. Клеандров // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века: современное состояние и перспективы развития: межвузовский сборник научных трудов / ред. кол. В.В. Ярков (отв. ред.), М.А. Вихут и др. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2000. – С. 102 – 107.

196. *Клюканова, Л.Г.* О концепции развития науки экологического права в рамках синергетической парадигмы [Текст] / Л.Г. Клюканова // Экологическое право. – 2012. – № 6. – С. 30 – 36.

197. *Козлихин, И.М.* Марксизм и современное правопонимание [Текст] / И.М. Козлихин // Право. Законодательство. Личность. – Саратов, 2008. – Вып. 3. – С. 229 – 238.

198. *Коровяковский, Д.Г.* Альтернативные способы разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в свете вступления России в ВТО [Текст] / Д.Г. Коровяковский // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 4. – С. 73 – 78.

199. *Кудрявцев, В.Н.* Юридический конфликт [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9 – 14.

200. *Кукол, Е.* Кредит без суда и следствия [Текст] / Е. Кукол // Российская газета. – 2010. – № 128. – С. 4 – 7.

201. *Курбатов, А.* Защита прав предпринимателей в отношениях с государством [Текст] / А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2005. – № 9. – С. 98 – 104.

202. *Лебедев, С.Н.* Регламент международного коммерческого арбитражного суда: английская модель [Текст] / С.Н. Лебедев // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 79 – 87.

203. *Лисанюк, Е.Н.* Логические аспекты презумпций системности права [Текст] / Е.Н. Лисанюк // Правоведение. – 2014. – №1. – С. 43 – 54.

204. *Луман, Н.* Что такое коммуникация? [Текст] / Н. Луман // пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 144 – 125.

205. *Малько, А.В.* Виды правовых режимов в юридической науке и российском законодательстве [Текст] / А.В. Малько // Современное право. – 2014. – № 8. – С. 14 – 17.

206. *Мамыкин, А.С.* Правовые средства оптимизации судебной юрисдикции и служебной нагрузки судей [Текст] / А.С. Мамыкин // Российское правосудие. – 2016. – № 2 (118). – С. 77 – 84.

207. *Манукян, М.А.* Переговоры и медиация vs. государственного суда и международного коммерческого арбитража: экономический анализ [Текст] / М.А. Манукян // Третейский суд. – 2009. – № 5. – С. 111 – 118.

208. *Марченко, М.Н.* Отличительные особенности романо-германского права [Текст] / М.Н. Марченко // Вестник Московского университета. – Сер. 11, Право. – 2000. – № 1. – С. 26 – 42.

209. *Матузов, Н.И.; Малько, А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики [Текст] / Н.И. Матузов, А.В. Малько // Правоведение. – 1996. – №1. – С. 16 – 29.

210. *Медведев, Е.В.* Понятие функции права [Текст] / Е.В. Медведев // Вопросы правоведения. – 2011. – №3. – С. 23 – 37.

211. *Мишутина, Э.И.* Аксиологические основы примирения сторон [Текст] / Э.И. Мишутина // Третейский суд. – 2010. – № 3. – С. 115 – 120.

212. *Новиков, Е.Ю.* К вопросу о правовой природе третейского разбирательства [Текст] / Е.Ю. Новиков // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. – № 2. – С. 307 – 321.

213. *Носырева, Е.И.* Посредничество в урегулировании коммерческих споров: опыт США [Текст] / Е.И. Носырева // Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 109 – 114.

214. *Носырева, Е.И., Стернин, И.* «Посредничество» или «медиация»: к вопросу о терминологии [Текст] / Е.И. Носырева, И. Стернин // Третейский суд. – 2007. – № 1. – С. 9 – 14.

215. *Осипов, П.И.* О научно-теоретических основах правового режима [Текст] / П.И. Осипов // Научные труды. Вып. 9. – Т. 1. – М., 2009. – С. 486 – 491.

216. *Палазян, А.С.* Проблема функций в истории западноевропейской правовой мысли [Текст] / А.С. Палазян // История государства и права. – 2008. – № 9. – С. 38-40.

217. *Панасюк, А.М.* Разрешение конфликтных ситуаций: стратегия и тактика судьи [Текст] / А.М. Панасюк // Российская юстиция. – 1997. – № 5. – С. 51 – 52.

218. *Панасюк, А.М.* Актуальность альтернативного разрешения правовых споров в современной России [Текст] / А.М. Панасюк // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 2. – С. 36-40.

219. *Панченко, В.Ю.* Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы [Текст] / В.Ю. Панченко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 15 – 20.

220. *Поваров, Ю.С.* Вопросы конфиденциальности третейского разбирательства [Текст] / Ю.С. Поваров // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 10. – С. 43 – 45.

221. *Попов, А.* Арбитражные и третейские суды: основы взаимоотношений [Текст] / А. Попов // Хозяйство и право. – 1992. – № 3. – С. 48-50.

222. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты по вопросам полномочий третейских судов и международных коммерческих арбитражей» [Текст] // Третейский суд. – 2006. – № 5. – С. 8 – 29.

223. *Прокошкина, Н.И.* О соотношении юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты прав и законных интересов членов семьи [Текст] / Н.И. Прокошкина // Семейное и жилищное право. – 2011. – № 1. – С. 18 – 19.

224. *Рахматулов, А.Э.* Государственно-правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина [Текст] / А.Э. Рахматулов // Сборник научных трудов ТГУПБП. Худжанд, 2002. – С. 9 – 12.

225. *Рушайло, В.Б.* Законодательные и теоретические основы специальных административно-правовых режимов [Текст] / В.Б. Рушайло // Российский следователь. – 2004. – № 2. – С. 39 – 41.

226. *Самощенко, И.С.* Правовые формы осуществления функций Советского государства [Текст] / И.С. Самощенко // Труды Всероссийского юридического заочного института. Т.56: О научном единстве проблем общей теории права и трудового права / отв. ред. В. С. Андреев, А. М. Васильев. – М.: ВЮЗИ, 1978. – С. 20 – 28.

227. *Севастьянов, Г.В.* Каким третейский суд быть не должен [Текст] / Г.В. Севастьянов // Третейский суд. – 2009. – № 1. – С. 4 – 6.

228. *Севастьянов, Г.В.* Юридизация медиации, или почему Госдума не рассматривает примирительные законопроекты [Текст] / Г.В. Севастьянов // Третейский суд. – 2009. – № 5. – С. 5 – 11.

229. *Сигалов, К.Е.* Синергетическая организация права: теория и реальность [Текст] / К.Е. Сигалов // История государства и права. – 2011. – № 19. – С. 19 – 22.

230. *Сигалов, К.Е.* Бифуркация в праве [Текст] / К.Е. Сигалов // История государства и права. – 2012. – № 10. – С. 11 – 14.

231. *Скворцов, О.Ю.* Основные направления развития науки об альтернативных способах разрешения правовых споров [Текст] / О.Ю. Скворцов // Третейский суд. – 2009. – № 3. – С. 107 – 112.

232. *Смыкалин, А.С.* Особенности судоустройства, судопроизводства и исполнения судебных решений в период феодальной раздробленности на Руси в XII – XIV вв. (на примере Новгорода и Пскова) [Текст] / А.С. Смыкалин // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 6 – 69.

233. *Султыгов, М.М.* «Правовой режим» как предмет исследования [Текст] / М.М. Султыгов // Государство и гражданское общество. – СПб., 2004. – Вып. 9, Ч. 1. – С. 220 – 223.

234. *Сунгатуллина, Л.А.* Функции саморегулируемых организаций [Текст] / Л.А. Сунгатуллина // Ученые записки Казанского ун-та. – 2014. – Т. 156, кн. 4. – С. 118 – 129.

235. *Терещенко, Л.К.* Специальные правовые режимы информации в законодательстве Российской Федерации и международных актах [Текст] / Л.К. Терещенко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 2. – С. 69 – 75.

236. *Тимошенкова, Е.В.* К вопросу о видах правового режима в теории права [Текст] / Е.В. Тимошенкова // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 155 – 157.

237. *Тихомиров, Ю.А.* Право официальное и неформальное [Текст] / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 80 – 87.

238. *Трикило, Е.А.* Проблема нормы в структурном функционализме и социальной феноменологии [Текст] / Е.А. Трикило // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – С. 89 – 90.

239. *Трофимов, В.В.* Конфликтное право и право сотрудничества [Текст] / В.В. Трофимов // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 40 – 48.

240. *Турышева, Н.В.* Примириительные процедуры и мировое соглашение в гражданском процессе зарубежных стран [Текст] / Н.В. Турышева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 1996. – № 3. – С. 74 – 84.

241. *Уатэкер, Я.* Характер и значение функционализма в социологии [Текст] / Я. Уатэкер // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – М.: ИНИОН, 1968. – Вып. 1. – С. 278 – 294.

242. *Фурсов, Д.* Претензионный и внесудебный порядок урегулирования споров [Текст] / Д. Фурсов // Хозяйство и право. – 1995. – № 5. – С. 108 – 114.

243. *Херсонцев, А.И.* Альтернативное разрешение споров: проблемы правового регулирования и европейский опыт [Текст] / А.И. Херсонцев // Российский юридический журнал. – 2003. – №3. – С. 116 – 122.

244. *Хоменко, С.М.* Политико-правовой режим в контексте современной юридической науки: проблема понимания [Текст] / С.М. Хоменко // Российская академия юридических наук: научные труды. – Вып. 5. – Т. 1. – М.: Юрист, 2005. – С. 288 – 291.

245. *Худойкина, Т.В.; Брыжинский, А.А.* Практика альтернативного разрешения споров как элемент правовой системы общества: теоретические аспекты [Текст] / Т.В. Худойкина, А.А. Брыжинский // Правовая система общества: проблемы теории и практики: труды международной научно-

практической конференции / сост. С.В. Волкова, Н.И. Малышева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. – С. 236 – 242.

246. *Чекмарева, А.В.* Добровольное исполнение судебных решений – путь к социальному консенсусу [Текст] / А.В. Чекмарева // *Законы России. Опыт. Анализ. Практика.* – 2013. – № 5. – С. 37 – 41.

247. *Черняк, Т.В.* Социально-психологические ограничения внедрения альтернативных способов разрешения конфликтов в правовой сфере [Текст] / Т.В. Черняк // *Развитие альтернативных форм разрешения конфликтов: сборник научных статей. Ч.2* / под ред. М.В. Немытиной. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2000. – С. 78 – 86.

248. *Шундилов, К.В.* Синергетический подход в правовой науке: проблемы адаптации [Текст] / К.В. Шундилов // *Правоведение.* – 2008. – № 1. – С. 150 – 155.

249. *Эберг, А., Пархоменко, П.* Посредничество как эффективный инструмент разрешения споров [Текст] / А. Эберг, П. Пархоменко // *Хозяйство и право.* – 2008. – № 12. – С. 78 – 83.

250. *Юдельсон, К.С.* Исковое производство в составе гражданской юрисдикции [Текст] / К.С. Юдельсон // *Вопросы теории и практики гражданского процесса: межвуз. науч. сб.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 152 с.

251. *Ясеновиц, И.А.* Средства досудебного разрешения гражданских споров: опыт США [Текст] / И. А. Ясеновиц // *Государство и право.* – 1998. – № 6. – С. 72 – 77.

V. ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

252. *Andrews, N.* Alternative Dispute Resolution in England // *Zeitschrift fur Zivilprozess International.* 10. – Band 2005. – 38 p.

253. *Freidman, L.M.* American Law in the 20th Century. New Haven; – London, 2002. – 279 p.

254. *Sander, F.* Dispute Resolution within and outside the Courts: an Overview of U.S. Experience / F. Sander // Attorneys General and New Methods of Dispute Resolution. – National Association of Attorneys General and ABA, 1990. – 990 p.

255. *Varga, C.* Modernization of Law and its Codification Trends in the Afro – Asiatic legal development. Budapest: Institute for the World Economics of the Hungarian Academy of Sciences, 2005. – P. 5-26.

VI. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

256. *Беляева, Г.С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Беляева Галина Серафимовна. – Курск, 2013. – 44 с.

257. *Болгова, В.В.* Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы [Текст] : автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Болгова Виктория Владимировна. – Уфа, 2000. – 38 с.

258. *Брыжинский, А.А.* Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Брыжинский Александр Андреевич. – Саранск, 2005. – 234 с.

259. *Виноградова, Е.А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда [Текст] : автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.04 / Виноградова Елена Александровна. – М., 1994. – 37 с.

260. *Егоров, А.В.* Понятие посредничества в гражданском праве [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Егоров Андрей Владимирович. – М., 2002. – 25 с.

261. *Жеребин, В.С.* Проблемы правовой конфликтологии [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Жеребин Владимир Сергеевич. – Н. Новгород, 2001. – 395 с.

262. *Лиманская, А.П.* Специальные правовые режимы: общетеоретический и сравнительный анализ [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лиманская Анна Петровна. – Саратов, 2015. – 186 с.

263. *Меркурьев, В.В.* Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на самозащиту [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Меркурьев Виктор Викторович. – Рязань, 2006. – 54 с.

264. *Панова, И.В.* Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Панова Инна Викторовна. – Екатеринбург, 2000. – 45 с.

265. *Рассахатская, Н.А.* Гражданская процессуальная форма [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Рассахатская Наталия Александровна. – Саратов, 1995. – 20 с.

266. *Романенко, Л.М.* Социально-политические технологии разрешения конфликтов гражданского общества: (Экзистенциальные альтернативы современной России) [Текст] : дис. ... д-ра политол. наук: 23.00.04 / Романенко Лариса Михайловна. – М., 1999. – 385 с.

267. *Романенко, М.А.* Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Романенко Марина Андреевна. – Саратов, 2008. – 18 с.

268. *Скворцов, О.Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03, 12.00.15 / Скворцов Олег Юрьевич. – СПб., 2006. – 46 с.

269. *Соколова, О.С.* Административно-правовые режимы конфиденциальной информации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Соколова Ольга Сергеевна. – СПб., 2005. – 213 с.

270. *Ткачев, И.В.* Глобализация в сфере частного права [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ткачев Игорь Викторович. – Краснодар, 2011. – 38 с.

271. *Цветков, И.В.* Договорная дисциплина в предпринимательской деятельности [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Цветков Игорь Васильевич. – М., 2006. – 48 с.

272. *Чекалина, О.В.* Административно-юрисдикционный процесс [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 // Чекалина Олеся Викторовна. – М., 2003. – 23 с.

273. *Шамсумова, Э.Ф.* Правовые режимы (теоретический аспект) [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шамсумова Эмма Файсаловна. – Екатеринбург, 2001. – 213 с.

274. *Шишкин, В.В.* Синергетический подход в теории права [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шишкин Василий Викторович. – Н. Новгород, 2007. – 24 с.

275. *Шундиков, К.В.* Цели и средства в праве (общетеоретический аспект) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шундиков Константин Валентинович. – Саратов, 1999. – 24 с.

276. *Юков, М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Юков Михаил Кузьмич. – Свердловск, 1982. – 392 с.

277. *Яковенко, О.В.* Правовая процедура [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Яковенко Ольга Владимировна. – Саратов, 1999. – 22 с.

VI. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

278. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11 апреля 2017 г.) [Электронный ресурс] // : Eaeunion.org - официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 04.05.2017)

279. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // : Eaeunion.org - официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 04.05.2017)

280. Европейский кодекс поведения медиаторов (г. Брюссель, 2 июля 2004 г.) [Электронный ресурс] // Mediacia.com: официальный сайт центра медиации и права. URL: http://mediacia.com/files/Documents/Code_of_Conduct.pdf (дата обращения: 22.09.2015)

281. Поручение Президента Российской Федерации по итогам VII Всероссийского съезда судей [Электронный ресурс] : [опубликовано на официальном сайте Президента Российской Федерации 12 января 2009 г.] // Kremlin.ru: официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/01/211593.shtml> (дата обращения: 22.09.2015).

282. Регламент Третейского суда для разрешения экономических споров при Федеральной палате адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс] : [утверждено Советом Федеральной палаты адвокатов 2 декабря 2008 г.] // СПС «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система: URL: www.consultant.ru. (дата обращения: 22.09.2015).

283. Регламент арбитража онлайн Российской Арбитражной Ассоциации от 1 октября 2015 г. (с изм. и доп. от 14 марта 2017 г.)

[Электронный ресурс] : [утверждено Протоколом Правления Российской Арбитражной Ассоциации № 18 от 14 марта 2017 г.] // Официальный сайт Российской арбитражной ассоциации. URL: <http://arbitrations.ru/upload/medialibrary/e91/online-arbitration-rules.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).

284. *Дорохина, Е. Г.* Правовое регулирование управления в системе банкротства, 2009. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система: URL: www.consultant.ru. (дата обращения: 22.09.2015).

285. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // ИПП «ГАРАНТ.РУ»: информационно-правовой портал: <http://base.garant.ru/12176781/> (дата обращения: 15.04.2015).

286. *Лиманцева О.А.* Юридическая технология [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право» 2014. № 12 URL: <http://politika.snauka.ru/2014/12/2201>. (дата обращения: 22.09.2015)

287. Медиация в гражданском судопроизводстве: внедрение и развитие в Липецкой области [Электронный ресурс] // Usla.ru: официальный сайт Уральского юридического университета. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1436&obid=4321&cid=13>. (дата обращения: 01.03.2016).

288. *Погорельская С.* Ислам в Германии – немецкий ислам [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2016. №31 (6562). URL: <http://lgz.ru> (дата обращения: 10.08.2016).

289. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П.В. Крашенинникова. СПС «КонсультантПлюс».

290. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка [Электронный ресурс] // Онлайн - версия толкового словаря С.И. Ожегова – 22-е изд., – М., 1992. URL: <http://www.ozhegov.com> (дата обращения: 10.11.2015).

291. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции [Электронный ресурс] // Cdep.ru: официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 22.09.2015).

292. О результатах работы по координации деятельности участников правового эксперимента по внедрению примирительных процедур на базе Уральского федерального округа в 2010 г., реализуемого под эгидой полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе [Электронный ресурс] // Uralfo.ru: официальный сайт Уральского федерального округа. URL: http://www.uralfo.ru/press_11_02_2011.html (дата обращения: 22.09.2015).

293. Официальный сайт Российской арбитражной ассоциации. URL: <http://arbitrations.ru> (дата обращения: 01.04.2017).

294. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 01.03.2016).

295. Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. URL: <http://tpprf-arb.ru> (дата обращения: 01.03.2016).

296. Разработка и апробация механизмов интеграции медиации в гражданское судопроизводство [Электронный ресурс] // Usla.ru: официальный сайт Уральского юридического университета. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=1436&cid=13&obid=3832> (дата обращения: 01.03.2016).

297. *Штенан П.* Альтернативные способы разрешения споров [Электронный ресурс] / Электронный каталог библиотеки юридического

факультета. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/12/2201> (дата обращения: 01.03.2015).

298. Civil justice reform act [Электронный ресурс] // UnitedStatesCourts.gov: официальный сайт федеральных судов США: <http://www.uscourts.gov> (дата обращения: 15.05.2015).

299. Alternative dispute resolution act [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nyulawreview.org/sites/default/files/pdf/NYULawReview-76-6-Crowne.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).